ЗНАНИЕ — СИЛА 12/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 12 (786)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 18.11.92
Подписано к печати 19.01.93
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
Печ. л. 8,0
Усл. печ. л. 10,4
Уч.-изд. л. 15,05
Усл. кр.-отт. 42,6
Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1456

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул.,
19, строение 6
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РФ
142300, г. Чехов Московской области

Цена свободная

Индекс 70332

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

В НОМЕРЕ

Вниманию читателей! ***В редакции продаются номера журнала, а также с предоплатой принимаются предварительные заказы на следующие номера первого полугодия 1993 года.***

ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1992, № 12, 1—128.

ISSN 0130-1640

„Knowledge is power" *(F.Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 12/92

Пустыня в душах порождает пустыню на Земле

ЗНАНИЕ — СИЛА 12/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 12 (786)
Издается с 1926 года

На II стр. обложки: иллюстрация к статье «Всюду есть место искусству» (стр. 128).

Обложка В. Бреля.

В. Лапкин
В. Пантин

Почему реформы, о необходимости которых всегда говорили демократы, не происходят?

Как нам разъяснили британские друзья, мы живем в эпоху «второй русской революции». Как говорится, шила в мешке не утаишь. Революция, то есть переворот в формах собственности,— налицо. Впрочем, как бы ни называть происшедшее и происходящее — революцией, которая, как ни считай, по крайней мере, третья, либо же первоначальным именем, перестройкой, также далеко не первой на Руси,— в любом случае «в остатке» обнаруживается изрядное количество традиционно российских странностей.

Например. У власти сменилась уже не одна когорта реформаторов, развал старой системы дошел до самых основ, а обещанные и вдохновлявшие еще зачинателей перестройки реформы нашего экономического механизма, те самые реформы, о необходимости которых всегда говорили творцы этой «новой русской революции», все еще не могут начаться. И чем отчаяннее положение и неотложнее необходимость радикальных преобразований в обществе, тем бесконечнее вереница предварительных условий и мер, сводящих на нет усилия реформаторов.

Но реформ нет.

Можно, впрочем, называть реформами (и этим отчаянно грешит современная публицистика) всю эту беззастенчивую «перестройку» в номенклатурных рядах, смену вывесок и пересадку чиновников из кресла в кресло, а также тиражирование прежде централизованных перераспределительных структур в масштабе каждой области и района России. Иными словами, можно назвать реформами и переход прежде централизованной тоталитарной власти в руки многочисленных региональных и отраслевых кланов обширного коррумпированного чиновничества государства советского.

Можно. Сейчас можно все. Но мы называем реформами нечто иное. И не потому, что такова наша прихоть. А потому, что реформирование номенклатурно-перераспределительного «социалистического» механизма хозяйствования есть необходимое условие российской модернизации, альтернативой чему может быть только коллапс цивилизации на одной шестой части суши.

Потребность модернизации под угрозой неминуемого

краха власти «нового класса» была движущей силой, побудившей реформаторское крыло брежневской номенклатуры поддержать эксперименты Андропова — Горбачева. Но запущенный номенклатурой процесс перестройки и по сей день, приближаясь к роковому пределу реформ, всякий раз сворачивает в русло вязких полумер, оборачиваясь дошедшим уже до абсурда тиражированием прежних рецептов управления и хозяйствования.

До сих пор (до лета 1992 года, когда пишутся эти строки) нет ни аграрной реформы, призванной практически решить вопрос о частной собственности на землю, ни реформы военно-промышленного комплекса, упраздняющей его монопольный диктат в сферах государственной политики, ни реальной программы приватизации, способной стать основой формирования отечественного среднего класса. Точно так же и в сфере политики нет ни конституционной реформы (слабые начатки ее, наметившиеся было на союзном уровне, уничтожены вместе с Союзом, его парламентом и съездом), ни судебно-правовой реформы (напротив, разрастается правовой вакуум, беззаконие становится общественной нормой), ни реформ местного самоуправления (вместо этого нарастает безнадежная для страны борьба, переходящая в смычку, между рудиментарными структурами старой власти и эмиссарами российского центра).

Рынок — ключевое слово идеологов «третьей русской революции». И, действительно, восстановление рынка в правах всеобщего и универсального регулятора общественного воспроизводства было бы наиболее заманчивой альтернативой надвигающейся катастрофе. Но на пути к нему России грозит опасность заблудиться в лабиринтах проблем, связанных с необходимостью решения двух сверхзадач: во-первых, задачи приватизации государственного имущества и формирования системы частнособственнических отношений и, во-вторых, задачи стабилизации товарного и денежного обращения, то есть создания условий нормальной производительной деятельности.

Если принимать во внимание декларации всех сменившихся за последнее время правительств и «кабинетов реформ», то, казалось бы, страною перепробованы все мыслимые варианты «продвижения к рынку». Но реализация задуманного фатально наталкивается на противодействие консерваторов (или «популистов») в правительстве и структурах власти. В результате усилия реформаторов сводятся к затягиванию решения обеих задач.

Всякий раз комбинация радикальных деклараций и практическая недееспособность позволяет вот уже на протяжении трех лет последовательно (если не сказать, планомерно) осуществлять «приватную приватизацию» и формировать особый мафиозно-корпоративный рынок, в котором понятие «рядовой потребитель» просто отсутствует. Свободной и всеобъемлющей приватизации не происходит, так же как и не наблюдается признаков оживления потребительского рынка, или стабилизации денежного обращения. И вместе с тем все «заинтересованные лица» успешно реализуют свою потребность «приватизировать» ранее контролируемое ими государственное имущество и внедриться в систему распределения соответствующих ресурсов и потребительских ценностей. Единственная неприятность, которая сопровождает подобный процесс,— это неуклонный спад производства и, соответственно, неуклонный рост инфляции. Ибо реальный производитель, исключенный из обоих процессов,— как из процесса приватизации, так и из процесса рыночного обмена,— испытывает вместе с тем потребность выйти и из процесса производства.

Впрочем, затягивание решения обеих задач и есть путь этой теневой приватизации и вызревания структур теневого рынка. Соответствующие примеры заполняют страницы нашей прессы.

«Классическая» приватизация предполагает два необходимых условия: а) волю государства к разгосударствлению собственности и, стало быть, б) наличие сильных демократических структур, обеспечивающих такую несколько противоестественную государственную волю. Но известно, что сильная демократия может быть лишь при наличии сильного среднего класса, класса мелких и средних собственников, который в России отсутствует. Осуществить приватизацию, не имея здорового рынка и уже существующих структур частной собственности, крайне трудно. За неимением условий нормального развития в обществе формируются структуры, имитирующие рынок и отношения частной собственности и препятствующие формированию среднего класса. Всесильный интерес к приватизации государственного имущества объединяет хозяев теневой экономики и бюрократическую элиту.

В этом отношении горбачевская «перестройка» была уникальным этапом развития «нового класса». Этапом одновременного «расслабления» и распада как экономического, так и политико-государственного могущества державы. Ослабли и стали разваливаться и прежние государственно регулируемые рынок и денежное обращение, и вместе с тем ослабевала и разлагалась воля государства к защите интересов государственной собственности. Предпосылкой этих процессов была специфика структуры развитого социализма, когда сформировалась устойчивая система закрепления в личное владение тех или иных социальных привилегий, прав и имущества.

Все, кого десятилетиями морочили обещаниями «светлого будущего», оказались безжалостно и окончательно обездоленными в пользу тех, кто строил за их счет свое личное светлое настоящее. Однако и по сю пору оказывается, что процесс номенклатурной приватизации прошел все еще недостаточно полно, для того чтобы можно было говорить об окончательной трансформации прежней системы владения в систему частной собственности. Трудно избавиться от мысли (крамольная идея!), что такого рода приватизация органически не способна сформировать отношения частной собственности.

В связи с этим есть смысл отойти от логики реформационного процесса, предлагаемой идеологами российской «постперестройки». Этой логике присущ синдром «замкнутого круга» и полной социальной безысходности. Но если отказаться от попыток конструирования стратегии «перехода к рынку», отбросить морок псевдорыночной фразеологии и проследить закономерности стихийного развития событий, то драма российского переустройства предстанет своими новыми и неожиданными гранями.

В историческом движении России есть нечто завораживающе неизменное, неподвластное рационализму и здравому смыслу. Всякий ее прогресс есть вместе с тем уступка реакции, и чем величественнее поступь прогресса, тем мрачнее бездны, из которых черпает она силу, поддерживающую это прогрессивное движение. «Синдром догоняющего развития» — имя этому феномену. С Петра Великого и до наших дней кружится эта историческая карусель погони за Западом, поиска путей и методов модернизации, преобразования России по прогрессивным образцам.

Эта погоня уже на протяжении нескольких столетий формирует столь характерные для российского развития циклы модернизации через последовательность реформ и контрреформ. Реформы Александра I и проекты Сперанского начала XIX века сеют семена, всходящие аракчеевщиной и палочным режимом Николая I. Державные цели, подвигнувшие Александра II на «великие реформы», воплощаются в жизнь контрреформами Александра III. Реформы Витте — Столыпина затрагивают столь фундаментальные пласты общества и вносят в его жизнь столь неодолимую смуту, что вызывают к жизни кошмары «военного коммунизма» и «великого перелома». Напротив, умеренные реформы Хрущева — Косыгина сменяются «благословенным» брежневско-сусловским застоем.

Всякий раз перестройку общественного организма начинает старый, прогнивший режим бюрократического самовластия, выведенный из одури очередного «застоя» резким катастрофическим ослаблением мировых позиций державы. Шок внешнеполитического поражения толкает Россию на путь реформы. Но эти реформы, всякий раз частичные и незавершенные, не столько лечат, сколько, напротив, раскалывают, а порой и взрывают его, порождая реакцию в виде контрреформ. Контрреформы же по-своему, военно-индустриальными методами доделывают работу по модернизации общества, начатую реформами. Но, увы, тем временем Запад снова уходит вперед. Начинается новый цикл реформ — контрреформ, первую фазу которого (фазу стремительного отставания России от Запада, подготавливающую российские власти и общество к неизбежности реформ) мы переживаем с середины 1980-х. Нетрудно догадаться, что той неумолимой силой, которая приводит в действие механизм российской модернизации, стал прогресс мировой экономики. Иначе говоря, ладья российской истории раскачивается на волнах мировой конъюнктуры, большие циклы движения которой впервые обнаружены в начале 1920-х выдающимся русским ученым-экономистом Н. Д. Кондратьевым.

Для кондратьевских циклов характерно то, что повышательная волна мировой конъюнктуры, когда мировое рыночное хозяйство развивается особенно бурно, сравнительно легко, без длительных периодов депрессии преодолевая кратковременные кризисы, сменяется волной понижательной, когда, несмотря на вре-

менные подъемы, преобладает депрессия и упадок деловой активности на фоне общей низкой конъюнктуры. Затем снова наступает повышательная волна большого цикла и т. д.

В процессе эволюции мирового рынка следует различать циклы мировой конъюнктуры двух типов. Одни начинаются (всякий раз в конце века) очередной промышленно-технологической революцией, создающей принципиально новые технологии и отрасли производства, и охватывают затем последующий период типа «великой депрессии». Другие начинаются в середине века с «революции мирового рынка», радикально изменяющей всю структуру межнациональных хозяйственных связей, и завершаются глубоким структурным кризисом мировой экономики, инициирущим очередную промышленно-технологическую революцию.

Промышленно-технологическая революция всякий раз означает глубокий переворот в технологии и организации крупной промышленности, закладывает основы принципиально новых отраслей производства, преобразующих образ жизни и потребительские стандарты населения развитых стран. Таковы промышленный переворот в Англии в конце XVIII — начале XIX столетия на основе применения паровых машин, ткацкого станка и фабричной системы; технологический и организационный переворот конца XIX — начала XX веков в результате применения электродвигателя и двигателя внутреннего сгорания, системы Тейлора и системы Форда; наконец, такова новая «компьютерная и микроэлектронная революция» последних десятилетий XX века, основанная на резком удешевлении и широком использовании микропроцессоров, на внедрении энергосберегающих технологий.

Сменяющий промышленно-технологическую революцию период «великой депрессии» выявляет то обстоятельство, что отрасли, технологии и формы организации производства, возникшие в предшествующую эпоху в ведущих центрах мирового хозяйства, испытывают затруднения в своем глобальном распространении, сталкиваются со все возрастающим сопротивлением старых отраслей и форм. Эта болезненная для всего рыночного хозяйства борьба за перераспределение сырьевых и инвестиционных ресурсов в ситуации кризиса ведет к росту отраслевых и государственных барьеров на пути свободного движения товаров и капиталов. Такого рода эпохи «великой депрессии» (1830 — 1840-е и 1930-е годы) преодолеваются лишь в процессе радикального и порой насильственно осуществляемого «внеэкономическими методами» преобразования всей структуры мирового хозяйства.

К такого рода эпохам «революции мирового рынка» относятся: революционная во всех отношениях эпоха середины XIX века — массовая эмиграция из Европы в Америку и Австралию, гражданская война в США 1861—1865 годов, объединение Германии 1866—1871 годов, крах империи и установление республики во Франции 1871 года, объединение Италии 1859—1870 годов, отмена крепостного права в России в 1861 году, революция (или Реставрация) Мэйдзи в Японии в 1867 году, восстание сипаев и смена политики Англии в Индии в 1857—1860-е годы, восстание тайпинов в Китае и военное вмешательство европейских держав 1850—1864 годов. И в итоге торговля, промышленность и финансы Англии, ведущего центра мирового хозяйства той эпохи, на длительный период обрели практически неограниченные возможности мировой экспансии; столь же радикальны и изменения в мире, происшедшие в середине XX века после окончания второй мировой войны,— конец нацистского «третьего рейха», радикальные преобразования всей общественной структуры послевоенных Западной Германии и Японии, распад колониальных империй Великобритании и Франции, начало формирования ЕЭС и новой «Тихоокеанской экономики»,— и в итоге вновь формирование условий для неограниченной хозяйственной экспансии промышленности и финансов нового мирового лидера — США.

Эта новая «революция мирового рынка» завершается лишь в конце 1960-х — начале 1970-х годов с вступлением мирового хозяйства в эпоху структурного кризиса (предшествующий структурный кризис охватывал период с середины 1870-х до середины 1890-х годов). Структурный кризис связан с необходимостью обновления прежних ведущих отраслей промышленности, с введением более прогрессивных и ресурсосберегающих технологий и новых, более эффективных форм организации труда. Его преодоление связано не с какими-либо разрушительными последствиями для мирового хозяйства, а с появлением новых отраслей производства, с новой промышленно-технологической революцией. Именно такую новую, «компьютерную» промышленно-технологическую революцию переживает мировое рыночное сообщество с начала 1980-х годов.

В согласии с такой последовательностью циклов мировой конъюнктуры чередуются и циклы российских реформ — контрреформ*.

Известно два типа российских реформ. Одни — «успешные» в политическом отношении, но с экономической точки зрения поверхностные, не затрагивающие основ хозяйственной организации общества, меняющие лишь характер перераспределения национального продукта между социальными слоями (реформы Александра II и реформы Хрущева — Косыгина). В ходе этих реформ, соответствующих эпохе «революции мирового рынка», усилиями старого аппарата не столько меняются основы, сколько модернизируются, приспосабливаются к новым условиям ранее возникшие формы государственно-политического и хозяйственного устройства. Да и сами реформы носят «камерный», «кабинетный» характер. Толпа и улица не участвуют в их реализации. Иной тип реформ — радикальные, но в конечном счете неудачные, во многом потому, что в ходе их затрагивались основы хозяйственного строя общества (например, община, как это было в начале XX века в ходе реформ Витте — Столыпина),— соответствуют периоду мировой промышленно-технологической революции.

Революционным преобразованиям в технологии и организации производства в системе мирового хозяйства Россия, испытывающая в этот период прямое дипломатическое, финансовое и военное давление со стороны западных держав, может противопоставить лишь соответствующее революционное преобразование собственной государственно-бюрократической системы, организующей и регулирующей национальное производство. Такое преобразование ведет к углублению хозяйственного и политического кризиса, а затем — к ломке старой государственной и хозяйственной организации, не способной адаптироваться к новым условиям.

Иными словами, «микрокосм» российской хозяйственной системы как бы пытается своими ограниченными средствами воспроизвести последовательность преобразований, происходящих в «макрокосме» мирового рынка. Трагедия этих и поныне внутренне не обоснованных попыток составляет главное содержание российского «догоняющего развития».

Поверхностность реформ в экономическом отношении «искупается» глубиною преобразования хозяйственного строя, техники и технологии общественного производства в эпохи российских контрреформ. При этом именно в эпоху «великой депрессии» Россия, своеобразно реагируя на резкий и затяжной спад экономической и политической конъюнктуры, переходит к авторитарному или тоталитарному режиму, осуществляющему новое закрепощение страны, включая и правящие слои. В результате в этот период путем насилия, милитаризации общественной жизни и государственного принуждения окончательно утверждаются новые формы государственного и хозяйственного устройства, расширяется государственная промышленность, работающая на военный спрос, активно усваиваются отдельные стратегически важные достижения мировой технологии и организации производства.

Вместе с тем контрреформы, соответствующие эпохе мирового структурного кризиса, носят принципиально иной, преимущественно охранительный характер. Такая политика обеспечивает России некоторые преимущества в эпоху кризиса. Но стабилизация на путях охранительства ведет в итоге к политической и социальной стагнации, к застою. В условиях последующего экономического подъема на Западе Россия оказывается в ситуации тяжелого внутреннего кризиса.

Иными словами, тип реформ в России (равно как и контрреформ) связан с характером происходящих изменений в мировом рыночном хозяйстве. В настоящее время мы вступаем в эпоху радикальных реформ второго типа, подготавливающих новое изменение основ общественного устройства.

В нынешний драматический предреформенный период, как и всякий раз прежде, страна разрывается между потребностью преобразования и отсутствием эффективных средств общественной самоорганизации. Поначалу, наряду с сохраняющимися, но временно отступающими в тень старыми бюрократическими структурами, формируется команда реформаторов-либералов из среды, чуждой бюрократии. Эта команда, как правило, и проделывает наиболее рискованную часть организационной работы по разрушению старых, отживших структур

* Читайте статью авторов в журнале «Знание — сила», 1991 год, № 8.

власти, а с началом самих реформ обречена сойти с политического горизонта.

К тому же, в силу грандиозности встающих перед ними задач, реформаторы сталкиваются с практически неодолимыми трудностями и, пытаясь разрушить старые, косные общественные уклады, вынуждены прибегать к насилию над обществом. Два фактора действуют здесь заедино: необходимость политической реставрации режима централизованной государственной власти и необходимость насильственного насаждения нового, ориентированного на «рынок» и на Запад уклада — наряду со старым и не взирая на социальные последствия их сосуществования... Так в исторически кратчайшие сроки, сохраняя видимость либерализма и демократии в политике, формируется жесткий правительственный экономический курс, усиливающий поляризацию общества и подготавливающий идейные и политические основы контрреформ.

Предшествующая российская радикальная хозяйственная реформа, соответствующая повышательной волне мировой промышленно-технологической революции начала XX века,— реформа П. А. Столыпина — потребовала в качестве предварительного условия умиротворения социальной бури предреформенного периода (1905—1908) и жесточайших стабилизационных мер, вводящих общественный порыв к свободе в рамки государственно-бюрократической необходимости. Ныне также становится все более ясно, что условием дееспособности российской исполнительной власти (что бы ни утверждали политики) является ограничение общественной инициативы и создание властных структур в их обновленном, но вполне узнаваемом государственно-бюрократическом обличье. Ни гласность, ни парламентаризм, ни интеллектуальные достижения науки — ни то, ни другое, ни третье,— но только неумолимо углубляющийся кризис служит единственным стимулом к проведению радикальных хозяйственных реформ. Реформ, результатом которых видится создание хотя бы минимальных предпосылок для взаимодействия России с мировым рыночным сообществом.

Роль длительного и мучительного процесса «приближения к реформам», «вымучивания реформ», переживаемого Россией всякий раз в этот период, в том, что затягивание реформ и половинчатость принимаемых на пути к реформам решений, обилие деклараций и глубокий общественный кризис «несбывшихся надежд» — все это только усугубляет безвыходность ситуации. Но лишь такое почти безвыходное положение, близкое к катастрофе, способно побудить наконец реформистское крыло российской бюрократии к рискованному делу реформ.

Кульминационный момент российских реформ всякий раз приходится на середину повышательной волны кондратьевского цикла, когда темпы отставания России от ведущих стран Запада максимальны. Имеющиеся данные позволяют оценить сроки этого кульминационного момента: середина 1993 — начало 1994 годов. Есть целый ряд внутренних и внешних условий, определяющих именно это время как период активной фазы реформ. Прежде всего та необходимая, но затянувшаяся стадия интенсивного разрушения и деградации старой командно-административной системы, в которую мы вступили примерно с 1989 года, ныне, в 1992 году, уже практически исчерпана. Дальнейший развал будет представлять реальную угрозу для самого физического существования большинства населения России и других государств СНГ. А потом возможны лишь крах и общенациональная катастрофа. А такая перспектива побуждает определенные слои государственной бюрократии (близкой к военно-промышленному комплексу и к руководству отраслями массового промышленного и агропромышленного производства) к борьбе за проведение экономических и политических преобразований в интересах собственного выживания, а значит — и к поиску стимулов возрождения производственной активности.

Кроме того, процессы приватизации и акционирования, начало которых правительством запланировано на конец 1992 года, могут стать реальными факторами реформы никак не ранее следующего, 1993 года. То же самое относится и к началу аграрной реформы. Более того, для осуществления реформ в России необходима существенная перегруппировка политических сил, которая сейчас, в середине 1992 года, еще только намечается. Наиболее характерный симптом таких процессов — складывающийся блок центристских сил, заинтересованных в преобразовании производственного сектора (союз партий Руцкого, Травкина и Вольского, заявка на который была сделана уже в середине июня). Для проведения реформ неизбежно должно произойти усиление власти в центре и на местах, что вряд ли произойдет мирным, эволюционным путем. Наиболее вероятны политические сдвиги в ту или иную сторону в конце 1992 года — начале 1993 года, когда экономическая ситуация в России обострится до предела.

Существуют и важнейшие внешние условия, которые могут обеспечить начало активной фазы реформ не ранее, но и не позднее 1993 года. Прежде всего, это преодоление ведущими странами мирового рынка — США, Японией, ФРГ, Великобританией, Францией — локального кризиса 1991—1992 годов. А это произойдет, по-видимому, к началу 1993 года. Только выход из кризиса может создать благоприятные условия для действенной поддержки ведущими государствами Запада экономических преобразований в России. Ясно, что без такой поддержки они не могут осуществиться. Следует учесть и, казалось бы, частный, но весьма важный фактор — ноябрьские выборы в США, которые внесут определенность в политический и экономический курс американской администрации. Реально, однако, этот курс оформится не ранее начала 1993 года.

Итак, резюмируя, подчеркнем еще раз: потребуется еще не менее года для того, чтобы сошлись воедино все исторические сроки. Чтобы соединились, наконец, внутренние и внешние условия российских реформ. Для того чтобы ценою нынешних жесточайших стабилизационных мер общественный порыв к свободе был введен наконец в рамки государственно-бюрократической необходимости. Для того чтобы на основе ограничения общественной инициативы и институализации спонтанно складывающихся новых властных структур осуществилось возрождение могущества российской исполнительной власти, неумолимою десницей влекущей Россию на путь радикальных преобразований строя хозяйственной жизни. Тогда-то, наконец, и начнутся действительные, а не декларативные реформы. Альтернатива этому — социальный взрыв, экономический и политический крах, установление новой тоталитарной диктатуры и роковая дестабилизация всего мирового порядка в целом.

Но уже сегодня, в неначавшихся еще реформах, в самом ходе их подготовки вполне ясно очерчены контуры грядущего пореформенного порядка. Чем ближе к началу реформ, тем увереннее чувствуют себя прежние и новые «капитаны социалистической индустрии», сторонники практического сочетания преимуществ «рыночной» и «командной» систем. Реформы воспринимаются ими уже не как проявление социальной анархии, но как неизбежное минимальное зло, претерпев которое можно будет уже на основе нового пореформенного порядка вернуть себе все утерянные позиции.

Роковым образом российские реформаторы в своем упоении минутой торжества теряют чувствительность к той общественной боли, которую вызывают они своими радикальными действиями, нацеленными на всеобщее благо и выверенными по лучшим мировым стандартам. Так, ни Александр I, ни вдохновленные «александровской весной» и неожиданно увиденной Европой декабристы не смогли учесть в своих действиях народ, тех самых «рабов», коих они собирались облагодетельствовать. А позднее и П. А. Столыпин, борясь с общиной, так и не понял, что за ящик Пандоры вскрыл он во вверенном ему государстве.

Тогда, в ходе реформ начала XX века, положение общины в российском хозяйстве было подорвано, но сама она сохранилась как своего рода гарант самодержавного режима. Столыпин допустил развитие частного крестьянского землевладения на отрубах, на новых землях Алтая и Сибири, сделав его, как обнаружилось позднее, заложником политической линии российской государственной власти. Но он не смог ликвидировать многочисленные оплоты старого в «святая святых» — в центральных и центрально-черноземных губерниях России. Он заронил зерна разлада в российской деревне, взошедшие в 1918 году братоубийственной войной. Точно так же и нынешние реформаторы и предприниматели, с уст которых не сходят слова о возрождении России, кроят ее судьбу по шаблонам западной экономической мысли, но с помощью традиционного инструментария российского произвола. Они предпочитают «не взирать» на нарастание зловещих признаков разлада в том обществе, служением которому клянутся. Наследные черты российских преобразователей! И уже вполне ясно, что фундамент, на котором собрались возводить здание российского рынка, вряд ли выдержит тяжесть постройки. По-видимому, и на этот раз стране не удастся полностью избежать «реакции отторжения» новых рыночных структур — реакции, ведущей к контрреформам. Но и для этого должно прийти

время. Общество должно «переболеть» реформами. Вместе с тем все попытки провести превентивные контрреформы до осуществления всего пакета основных рыночных экономических и политических реформ обречены на неудачу.

Решающая особенность всего нынешнего цикла модернизации заключается в том, что альтернативы рынку действительно нет; но нет и всех необходимых социально-экономических предпосылок для него. Поэтому утверждение рыночных отношений, начатое реформами, может быть дополнено контрреформами, результатом которых станет полное исчерпание и уничтожение всех нерыночных укладов и социальных структур.

Весь процесс российской модернизации через циклы реформ — контрреформ, начатый два столетия назад, развертывается как последовательное решение проблемы развития рыночных отношений на российской почве в рамках стратегии «догоняющего развития». В остатке каждого нового витка модернизации обнаруживаются частичные элементы мирового рыночного хозяйства, адаптированные к нерыночной системе монопольно-государственного хозяйствования. Именно реформы «на рубеже веков» (и предшествующий им кризис) задают на весь последующий «век», то есть на два цикла модернизации, некую «сверхзадачу».

Так, в царствование Александра I впервые на Руси властью была сформулирована проблема освобождения крестьянства и, по сути, формирования слоя свободных наемных работников. Весь последующий столетний период показал невозможность в рамках политической системы самодержания положительно решить этот вопрос, то есть действительно освободить крестьян и сформировать основы среднего класса России. Вместо этого к концу века удалось реализовать «отрицательное освобождение», то есть сформировать механизм пауперизации крестьянства. Плодами этого «века» стали славный российский пролетариат и еще более славная пролетарская революция, которая дала миру образец «антибуржуазной», или, точнее, безбуржуазной индустриализации.

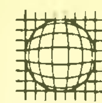
Центральной «сверхзадачей» следующего, XX века стало формирование субъекта российской индустриализации и капиталистического накопления, освобождения индустрии от монопольно-перераспределительного самодурства вездесущей самодержавной власти и бюрократии. Зарождение этих «субъектов» российской индустриализации датируется именно последними годами XIX века, когда славная виттевская индустриализация породила первые промышленные монополии России («Продуголь», «Продамета» и другие). Их судьба на протяжении последующих десятилетий причудливо переплетена с судьбою Российского государства. Со времени хрущевской «оттепели» последовательно расширялась сфера самостоятельности индустриальных монополий. Но в условиях Союза ССР эта самостоятельность могла быть только отрицательной, то есть опять-таки нерыночной, основанной на полном и всестороннем самообеспечении (сырьевыми и трудовыми ресурсами, техническими кадрами, собственной, независимой от государства «снабженческой сетью» и т. п.).

Перестройка стала новым шагом к освобождению индустрии, но шагом, чреватым опасностью разбиться о «рыночные рифы». Оказалось, что задача «освобождения» вновь решена «отрицательно». Промышленные монополии практически не контролируются государством, но лишены соответствующей рынку снабженческо-сбытовой и финансово-кредитной инфраструктуры. В этом они оказываются совершенно беззащитными перед специфическим «российским» рынком.

Эта новая сверхзадача — формирование рыночной инфраструктуры в сферах обращения — опять затягивает Россию в новый цикл модернизации. Сможет ли страна решить ее, не встав на путь государственного насилия?

Обществу необходимы реформы. Страна должна попытаться использовать шанс вырваться из замкнутого круга «догоняющего развития». Но вместе с тем помнить свой исторический опыт: реформа не конец развития, а только очередной этап крестного пути России. ●

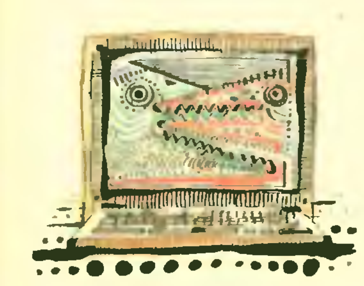
ВО ВСЕМ МИРЕ

Изящный образ компьютерного вируса

У большинства людей, занимающихся компьютерами, шевелятся волосы, когда они слышат слово «вирус». Не то с живущим в Нью-Йорке художником Жаном Собиески. Он сам «заразил» свой компьютер и много заработал на этом. Собиески ввел «вирус» в компьютер, когда шла графическая программа, и с удовольствием наблюдал, как тот съедал картинки на мониторе. Он фотографировал процесс разрушения и затем воссоздал отдельные его стадии на полотне.

«Часто, когда мы обращаемся в банк или в аэропорт, то получаем ответ, что нам не могут помочь, поскольку не работает компьютер,— говорит Жан Собиески.— Мои картины показывают эту зависимость».

Чисто, быстро и безопасно

Прежде чем продавать, яйца обязательно моют. Однако работа такая в промышленном масштабе очень трудоемка. В Англии этот вопрос теперь решен. Там уже есть машина, позволяющая за час вымыть 25 тысяч яиц! Машина «Аквариус кватро» признана Английским королевским сельскохозяйственным обществом одним из лучших изделий 1991 года. Она не только полностью снимает грязь со скорлупы, но также дезинфицирует ее, защищая яйцо от проникновения в него опасных бактерий. Машина проста в употреблении и использует специальное моющее средство.

Находка в Македонии

При раскопках в Северной Греции, в Македонии, был найден череп, принадлежавший прямому предку гоминид, жившему девять-десять миллионов лет назад. До сих пор этот вид, именуемый уранопитеком македонским, был известен только по отдельным разрозненным остаткам. На этот же раз в руки ученых попала большая часть лицевых костей, часть черепной крышки и верхняя челюсть со всеми зубами, кроме одного коренного.

По-видимому, это был представитель эволюционного семейства, включающего в себя и современного человека, и, возможно, древнейший из известных науке гоминид вообще.

Китайская паста от ожогов

Китайские врачи предложили пасту, которая лечит даже самые тяжелые раны от ожогов. Называется она МЕБО, эта паста — результат десятилетних исследований доктора Ксу Ронгксианга, директора Китайского научно-технологического центра ожогов в Пекине. Смесь содержит 27 аминокислот, микроэлементов и пчелиный воск. Применение новой пасты делает излишней болезненную очистку ран и перевязку. По мнению доктора Ронгксианга, она берет на себя функции новой кожи. Обычно пасту надо наносить три раза в день. Перед тем как ее нанести, предыдущий слой устраняют специальной впитывающей влагу бумагой. Это ускоряет оздоровительный процесс и предотвращает образование шрамов. Использование нового лекарственного средства устраняет необходимость в пересадке кожи при больших ожогах второй степени и при незначительных по площади ожогах третьей степени.

Светлое будущее этанола

Автомобильное горючее, получаемое из бытовых отходов, старых газет и специально выращиваемых «энергетических культур», станет настоящим конкурентом бензину еще до конца текущего десятилетия, утверждают некоторые американские исследователи.

«Деревья, травы и такие культуры, как сладкое сорго или так называемый энергетический сахарный тростник, будут использоваться для производства этанолового топлива, такого же дешевого, как и бензин»,— заявил доктор Марк Холцапель из университета штата Техас на заседании Американского химического общества.

Сейчас цена этанола — 1,3 доллара за галлон (3,8 литра). Возможно, ее удастся снизить наполовину. Употребление этанола должно значительно понизить накопление двуокиси углерода в атмосфере.

Рисунки В. и Ю. Сарафановых

— *У нас просто руки опускаются: сын ничего не хочет делать. Утром в школу не вытолкаешь, а если он и выйдет из дома, то до школы не дойдет. Он не сдаст экзамены, у него в аттестате будет прочерк, он не поступит в институт, а это значит — армия. Помогите! Он связался с компанией, там пропадает, а мы для него уже ничего не значим. Сделайте же что-нибудь!*

(На приеме у психотерапевта)

Под небом голубым
Есть город золотой
А в городе том сад:
Все травы да цветы.
Гуляют там животные
Невиданной красы.
Одно — как желтый огнегривый лев,
Другое — вол, исполненный очей.
С ними золотой орел небесный,
Чей так ясен взор незабываемый.

Б. Гребенщиков

Путь к себе

Наш корреспондент И. ПРУСС беседует с психологом и психотерапевтом Маргаритой Степановной ЖАМКОЧЬЯН (и немного — с ее сыном).

— Тинейджерам трудно. А может, наоборот, им повезло — нынешним. Обычные проблемы подростков, из века в век повторяющиеся, наложились на слом культуры, сдвиг, пришлись на смутное, сложное время рождения нового языка, системы ценностей, стиля жизни, мыслей и чувств. Конечно, это трудно — искать новый язык, когда они и в старой-то системе безъязыкие. Зато не каждому поколению подростков выпадает не просто встраиваться в нечто, созданное до них, а участвовать в создании нового.

В чем суть этого сдвига в культуре? Его можно анализировать тысячами способов, с разных точек зрения. Мне, естественно, ближе всего психологический аспект; да мне кажется, что он и есть самый главный в происходящем.

Весь XIX и весь XX — он ведь уже кончается — человек усиленно избавлялся от отрицательных эмоций. Подавлял их. Вытеснял. Есть два классических способа подавить в себе «запретные» чувства, стремления, страсти, которые грозят нарушить психическое равновесие, лишить права «хорошо о себе думать», то есть сохранить высокую самооценку, что необходимо любому человеку. Два эти способа — амнезия и анастезия. Амнезия — «забывание», вытеснение чего-то неприятного — изучена очень хорошо; на ней, на ее преодолении, построена вся психотерапевтическая практика психоаналитиков.

Анастезия не менее интересна, но гораздо менее изучена. Человек как бы «отрезает» голову от тела, от целого мира ощущений. Сделать это он может, с одной стороны, алкоголем, как — объяснять, по-видимому, не нужно; а с другой — интеллектуализацией: проанализировать все чувства, перевести в интеллектуальный план и для каждого искать разумное, рациональное объяснение. Такие люди живут от подбородка к голове, стараясь не обращать внимания на свое тело. Их можно узнать по репликам типа: «С обидой я покончил. Я ее отрезал от себя, она для меня больше

Иллюстрация В. Бреля

не существует». Характерна для них и нелюбовь к себе. Есть «женский» путь анастезии — хорошо чувствовать переживания других, чтобы не чувствовать себя.

Все это — способы психологической защиты от себя самого. Я категорически не признаю, что способен испытывать гнев, желать зла другому, что в принципе я способен на насилие или на глубокую обиду. Я должен соответствовать некоему одобряемому в моем круге эталону, иначе не смогу себя уважать. Если же я «разрешу» разрушительным силам вырваться наружу, я могу потерять все, выпасть из своего круга, пасть на самое дно общества — раньше только там, в люмпенском и преступном мире, человек мог позволить себе не скрывать осуждаемые эмоции.

Но между тем эмоции неустранимы, и попытка изъять их, подавить в себе приводит порой к огромному психическому напряжению. Чем жестче общество охраняет предписанные эталоны поведения, мыслей и чувств, чем более оно склонно к пуританизму, тем больше это напряжение. Не случайно ярче всего такие случаи описаны в английской литературе. Классический пример для психиатра — «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» Стивенсона: ощущение в себе злобы, агрессии оказалось настолько разрушительным для личности, что человек вынужден был дать выход этим эмоциям в своем втором «я» и физически отделить его от первого.

Многие поколения обуздывали себя, подчиняясь рациональным нормам; этот процесс сравнительно недавно прекрасно описал известный в мире социальный психолог Эрих Фромм. Мне кажется, его анализ справедлив для последних ста лет, но неприменим к той культуре, которая начинается сегодня.

Отношение ко всей эмоциональной сфере человека, в том числе и к тревожным, негативным, разрушительным эмоциям, принципиально меняется. Новая культура принимает человека таким, каков он есть. Это моя боль, мой гнев, это часть моего мира, и я не хочу от них отрекаться, как не хочу отрекаться от себя самого. Я имею право на гнев, на инстинкт разрушения, потому что я — живой человек. И другие имеют такое же право.

— *Право на что? На разрушение и насилие? Но это ужасно!*

— Это может быть опасно для общества, особенно в начале процесса, когда естественные, пусть и не самые приятные с общепринятой точки зрения, движения души уже разрешены, но еще не имеют культурной формы. А традиционный «зажим» эмоций разрушителен для личности. Кстати, я и не говорила о праве на насилие. Если нет ненависти к себе, нет и стремления к насилию над другими.

— *Если речь идет о том, как жили и чувствовали многие поколения наших предков, извините, никак не могу сказать, что они были бедны личностями. Если бы великая культура, созданная ими, была разрушительна для личности, ее просто не осталось бы.*

Мне вообще представляется сомнительным, что борьба с собственными низменными инстинктами, самостроительство, в котором человек ориентируется на выработанные тысячелетней традицией ценности, пусть даже на принятые в данном слое стереотипы поведения, что это так разрушительно. Душа обязана трудиться.

И так ли уж нова подобная эмансипация страстей? Кажется, мы это проходили. На рубеже XVIII и XIX веков те же идеи нес романтизм. В последний раз в нашей стране — начало века, «серебряный век», символизм, декаданс, футуризм. Преклонение перед первобытной естественной силой, воспевание люмпенских страстей. Даже Блок был захвачен поэзией революции, расковившей, расколдовавшей человека: «Впереди Иисус Христос!» А уж раскованность молодого Маяковского почти не знала пределов. И чем все это кончилось?

— «Потом» не значит «вследствие». Мне кажется, вы слишком социально подходите и к «серебряному веку», и к нынешнему раскрепощению чувств новой культуры. Мы с вами движемся как бы в разных плоскостях. Нельзя напрямую из событий культурно-психологических выводить социально-политические следствия.

И еще я хотела бы заметить, что культ сильной личности, характерный для романтизма, начисто отсутствует в идеологии нового культурного движения. Чайльд Гарольд — не герой нынешних тинейджеров, он герой уходящей классики.

На насилие, на агрессию в принципе способен человек и старой, и новой эпохи. Я говорю о другом — о том, насколько он в состоянии признать в себе эту способность.

«Лицемерие есть дань порока добродетели» — Ларошфуко прав, это тоже способ регулировать поведение человека, способ испытанный и доказавший свою эффективность. И все же человек, уверивший себя, что он вообще никогда не способен на ненависть, не может адекватно себя воспринимать, а значит — и от других не будет получать адекватные реакции, лишится полноценной обратной связи.

Фрейд открыл множество отрицательных эмоций, связанных с табу, которое общество накладывало на либидо, на сексуальные влечения, особенно для женщин. И связал с этим разного рода истерии, имевшие вполне определенные симптомы. Фрейд первым и начал их лечить, успешно освобождая сознание своих пациентов. Но как только мы вступили в общество, которое сняло многие такие табу, разрешило женщине испытывать влечение, признало ее право на это, признало в ней равноправного сексуального партнера, классические истерии просто исчезли. Их теперь нет, что зафиксировано во всех учебниках психиатрии.

Конечно, женщины и ведут себя теперь по-другому, и трудно сказать, человечество больше выиграло или проиграло. Но я не берусь оценивать и судить глубокие процессы, меняющие культуру, я чувствую мощные сдвиги, и я принимаю их и пытаюсь понять, «не плача и не смеясь».

Вся сфера чувств, ощущений, сенсорного восприятия жизни — кожей, движением, прикосновением — приобретает особое значение, которого она была лишена в рациональной картине мира. Вот в этом я вижу наступление новой эры. Я сама — из той, рациональной культуры: «Мыслю — следовательно, существую». Но ведь всегда понимали, что это «мыслю» — лишь верхушка айсберга, тонкая пленка «рацио», под которой глубины, множество этажей. А все-таки повторяли: существую — это когда мыслю, остальное недостойно уважения, остальное — уступка природе. Не случайно язык тинейджеров, их песен, их «канонических» текстов — это язык метафор, а не логических построений. Связь этих метафор порой совсем не уловима для внешнего наблюдателя, в них как будто нет никакого смысла.

— *Тоже не новость в истории культуры. Время от времени человечество начинает грустить по своему прошлому, по гармонической слиянности с природой. А нынешние экстрасенсы числят в своей родословной средневековых колдунов и ведьм — вот у кого сенсорика была развита, не так ли?*

— Да, и Жанна д'Арк слышала голоса с небес. А сегодня мы бы сказали, что она слышит внутренний голос.

И все же я думаю, эволюция психического мира человека продолжается. Конечно, в древности, да и в средние века, тонкая пленка «рацио» была еще тоньше, а во многом вообще не сформирована, зато чувственное восприятие в мифологизированном сознании играло огромную роль. Это очень интересная для меня тема, но она требует особого обсуждения, оставим ее до лучших времен и вернемся к настоящему, к которому мы пришли через столетия царства «рацио» и здравого смысла.

Когда теперь мы возвращаемся к себе — к человеку, не только мыслящему, но и чувствующему, — это уже новый виток. Этот процесс эволюции можно назвать постепенным, но неуклонным сдвигом от нормативного внешнего регулирования к внутреннему, как бы идущему изнутри. На самом деле человеку вполне достаточно двух-трех заповедей, чтобы выстроить себя во благо себе же и ближним.

— *А что может заставить вашего раскрепощенного подростка опять себя закрепостить этими двумя-тремя заповедями?*

— Любовь. Человек, который принял себя таким, каков он есть, который смог себя любить, не может нести разрушение, зло другим. Вслушайтесь: рок-культура полна любви к окружающим, и подростки проникаются ею, еще не зная, что это любовь, не умея любить. Посмотрите, как они тянутся друг к другу. И когда в зале под песню гнева, которую исполняет их лидер, они все вскакивают, двигаются, выбрасывают вверх руки, дают выход своей эмоции, обретшей символическое выражение, приобретшей форму, эстетику, — они счастливы тем, что нет больше необходимости подавлять в себе тот же гнев, что эмоция как бы легитимизирована в этом общем действе и можно не стыдиться себя. Это действительно массовая культура, первая такого масштаба, какого была массовая культура коммунизма и фашизма. Только носители тех культур не признавали зла в себе, вытесняли его. Они объявляли, что борются с насилием, со злом мира (невольно вспоминаешь старую шутку о борьбе за мир, не оставляющей камня на камне). Они не разрушали бессмысленно залы и вагоны, они разрушали осмысленно, последовательно и страшно весь мир. И этому уничтожению не было конца, потому что зло в себе не признавалось, идея зла была вовне.

Рок-культура пронизана иным пафосом: помочь человеку обрести внутреннее равновесие, гармонию. Подростки на концертах рока счастливы тем, что вместе, что чувствуют одно и то же, их охватывает огромное чувство любви друг к другу.

— *Да, а дальше, как сообщала не раз английская, французская, американская пресса, они начинают громить все вокруг. От великой любви? Во Франции эти*

любящие подростки разнесли огромный концертный зал... Это насыщенное эмоциями единение все-таки напоминает мне знаменитые факельные шествия немецких ночей, коллективное пение, вся площадь покачивается в такт, много чувств, главное из них — мы вместе; мало мысли, она не нужна — «рацио» скомпрометировано. Помните Лаутензака из романа Фейхтвангера? Кажется, это просто экстрасенс наших дней...

— Вы упорно сворачиваете на социальное содержание лишь внешне сходных психологических феноменов. Если в факельных шествиях фашистов люди обретали ощущение единства,— что, нам теперь вообще от него отказаться? Объявить всякую тягу к единению склонностью к фашизму?

Как раз содержание, идеология этих массовых действ принципиально разная. Единство в фашизме было единством «своих» против «остальных» — недочеловеков, предназначенных для рабства и уничтожения. Это знак внутреннего раскола, если хотите, страха перед собой, который толкал человека в единый строй, чтобы не чувствовать себя отдельным, а лишь частью великой силы. Они покачивались строем и шагали строем, и это принципиально отличает их от рокеров на стадионе во время концерта.

Сегодня молодые получают от предыдущих поколений хиппи идеологию любви ко всему — к себе, к другим людям, ко всему живому, птицам, животным, растениям. Это идеология соединения человека с самим собой, с другими людьми, с природой.

— *Так они все-таки разносили концертные залы или нет?*

— Разносили. А вас не удивляет, что при таких огромных скоплениях подростков разрушения очень редки? Да, на первом этапе такое освобождение эмоциональной сферы может быть разрушительным, пока эта сфера не окультурена. Сейчас и происходит окультуривание эмоций, оформление их в какую-то новую эстетику. Даже самая пламенная любовь нуждается в культурных формах. Поэтому главное для тинейджеров сейчас — поиск и освоение новой эстетики.

— *Но вы говорили* о *двух-трех заповедях, которые могут придать смысл, содержание всем этим эмансипированным чувствам и отвратить их от разрушительных проявлений, это все же скорее этика, а не эстетика. Примат эстетики над этикой всегда внушает мне некоторую тревогу — это тоже было в «серебряном веке»...*

— А что такое этика? Свод рациональных правил, как вести себя человеку, будто он всех любит, даже если он на самом деле не любит никого. Этика нужна, когда нет любви. «Не укради» — подави в себе желание взять чужое. А если такого желания нет и в помине? Если есть стремление отдать, поделиться — не вещами даже, а собой?

Представьте себе совершенное существо, преисполненное любовью — зачем ему этика? Богу, который принимает в себя страдания всех и все покрывает своей любовью, не нужна этика. Верующий человек потому и не усомнится в справедливости Бога, не будет спрашивать, почему он одних наказывает, других милует,— все, что делается на основе любви, справедливо.

Для человека исходная точка, начало пути к такой всеобъемлющей любви — любовь к себе, принятие себя всего, целиком, как я есть. Когда человек не занят изнурительной борьбой с самим собой, подавлением своих эмоций, когда он любит себя даже на кожно-мышечном уровне, бессознательно, он всегда сможет на этом же уровне подстроиться к другому, принять другого как себя, войти в его чувства. И никогда не воспользуется этим во зло, как не принесет зла и себе.

— *Короче говоря, будем, как боги. Этим прелестным, тонким существам не нужна этика. А зачем им эстетика?*

— Именно потому, что они — не боги. Внутренним ощущениям нужен язык, символика, форма, чтобы выйти из внутреннего мира в пространство смысла. Если я только сочувствую тебе, то есть живу твоими чувствами, я ничем не смогу тебе помочь, ведь решение твоих и моих проблем требует выхода из непосредственного переживания в символику, установления связи между чувством и словом.

Поиск новой эстетики — это попытка заполнить разрыв между «рацио» и миром эмоций, или точнее — восстановить их связь. По этому пути двинулась и психотерапия: искать выхода в свое сознание через ощущения. Люди ходят по кругу и прислушиваются к себе — босой ногой ощущать пол, с закрытыми глазами воспринимать слабые токи от идущего рядом, вслушиваться в мышечную пластику своего тела, вступить в контакт с ним. Через некоторое время люди могут двигаться в темной комнате, ни разу не столкнувшись друг с другом. Но главное — когда приходит гармония тела и мыслей, человек меняется. Это не транс, не гипноз, но состояние психологического подъема, интереса к себе, к своим необычным ощущениям.

Установление связи между словом, символом и ощущением оказалось очень эффективным в психотерапии. Курильщику предлагают каждый день записывать в дневнике: «Сегодня я отравился пять раз». Не «выкурил» — это слово даже мне, некурящей, приятно,— а именно «отравился». Совсем другая артикуляция, слово вызывает где-то глубоко внутри, в животе, неприятное ощущение. Так пишут день, другой, месяц, два, и устанавливается прочная связь между действием и негативной эмоцией. Конечно, к этому все лечение не сводится, но на таком фоне начинают действовать методы, без него не приносившие эффекта. Языком современной практической психологии стала метафора, а не описание симптомов для диагноза.

Вслушайтесь в рок-музыку, в песни Гребенщикова,— правда, они адресованы не нам, мы в них можем ничего не понять. Точнее, поймем, но не почувствуем то, что чувствуют наши тинейджеры. Лингвисты снисходительно небрежны: кто будет всерьез анализировать тексты этих песен?! Действительно, это не Мандельштам, а музыка их — не Шостакович. Но та гармония, которая прежде достигалась лишь в наивысочайшем искусстве, для подростков здесь, в тексте и музыке этих песен.

Однако мы ничего бы не поняли, если бы опять начали искать в метафорах, в текстах понятный нам смысл. Мы упорно стараемся не замечать ритм. А ритм — это способ организации мира и способ организации жизни мозга и тела.

На самом деле есть еще один пласт, более глубинный, чем эмоции, к которому апеллирует и который извлекает новая культура. Это пласт психофизиологии, которая в нашей, традиционной культуре всегда воспринималась как нечто низменное.

Есть ощущения, постоянно не выводимые в сознание: комфорт — дискомфорт, тяжесть — легкость, тепло — холод. То есть мы осознаем их только тогда, когда возникает проблема, но ежесекундно не осознаем. Мы, по сути, выкинули из культуры радость от вкусного, от быстрых или, наоборот, замедленных движений; все же, что, как говорят, «ниже пояса», вообще табу. А у молодых огромный интерес ко всей стороне жизни, связанной с физиологией,— мне, по крайней мере, так кажется. И их любимые песни, по-моему, часто адресованы к таким ощущениям. Чрезмерно низкие звуки рока. Ритм. Многие метафоры Гребенщикова, например,— у нас нет к ним ключа, а молодые радостно и легко их расшифровывают. Может быть, это возврат в культуру Гаргантюа и Пантегрюэля.

Их ритмы будят в человеке зверя? Может быть. Но для того и нужна их культура, чтобы дать форму таким проявлениям «звериного», которое всегда было в человеке. Понимаете? Можно это давить, чем мы и занимались как минимум несколько веков, а можно выпустить наружу, только в окультуренном и потому безопасном для окружающих виде. Можно агрессию выразить и выплеснуть в танце, в песнях, в специальных ритуалах. И вернуть жизни какие-то утраченные нами краски.

Во всяком случае, нам с ними трудно. Между нами и ними — глубокий разрыв. Нет никакой проблемы отцов и детей, и это, наверное, самое весомое свидетельство глубины разрыва. Когда между взрослыми и молодыми конфликт,— это тоже форма связи. Тогда молодые строят свой мир, отталкиваясь от мира взрослых, и со временем, как правило, выясняется, что многие ценности они все-таки приняли,— может быть, лишь модифицировав.

А сейчас молодые не конфликтуют со взрослыми. Это взрослые пытаются конфликтовать с молодыми, но у них не очень-то получается. Мы им неинтересны. Ни вражды, ни агрессии по отношению к нам — просто отсутствие интереса.

— *Если нашим подросткам удалось в отличие от нас прорваться к гармонии тела и духа, они должны быть освобожденными, раскованными, счастливыми. По моим наблюдениям, это не так. У них множество проблем, они внутренне зажаты.*

— Но подростки и культура — это еще не одно и то же. С чем приходят к психотерапевту тинейджеры? Во-первых, они не приходят — их приводят родители. На что жалуются родители? Плохо учится, не хочет ходить в школу, не хочет готовиться в институт, вообще ничего не хочет, лень, апатия. Родителям мешает апатия, это понятно. А подростку? Что за ней стоит? Отказ добиваться внешнего успеха, приспосабливаться, занимать какое-то место в жизни? Или неумение разобраться в себе, почувствовать в себе сопротивление? Лень ведь тоже слишком многозначное слово. Нечто внутри сопротивляется любой попытке действовать. А если с этим «внутри» разорвана связь, я не знаю, чего «оно» хочет от меня.

Современная психотерапия в чем-то созвучна направлению культуры, которое мы обсуждаем. Она создает способы помочь человеку восстановить разорванную связь, увидеть или почувствовать богатство переживаний, принять это все и понять, что это все твое и та же лень стремится к какому-то благу для тебя, хотя мы можем и не догадываться, к какому. Психотерапия ведь тоже часть культуры.

Родители хотят, чтобы мы изменили их детей, значит, они хотят других? Мы пристраиваемся к их миру, каков он есть, и помогаем восстановить внутри себя согласие с самим собой.

Разговор о современной психотерапии и ее способах заслуживает отдельной статьи, это и психосинтез, нейро-лингвистическое программирование, гештальттерапия, именные психотерапии Роджерса и Эриксона, многое другое. Но их все объединяет гуманизм в старом, забытом, настоящем смысле слова (не путать с «гуманностью» лицемерного тоталитарного мира — не убивать до смерти или, по крайней мере, не очень сильно ругать). И это иногда трудно назвать психотерапией. Скорее, практическая психология, которая заключается в присоединении к внутреннему миру человека, чтобы помочь ему раскрыть себя и принять себя. Именно в таком смысле современная психотерапия — гуманистическая. Но любить себя непросто. Этому надо учиться. Вот почему мы с юными все-таки движемся навстречу друг другу.

Не хотите теперь послушать, что думает молодой представитель рок-культуры по поводу нашей беседы? Комментарий рокера. Надо же нам получить обратную связь от того, что мы тут наговорили. Моему сыну семнадцать. Может быть, дадим ему высказаться?

Тут в наш разговор врывается третий голос — голос Артема Магуна, студента первого курса факультета психологии МГУ.

КОММЕНТАРИИ РОКЕРА

Я сделаю довольно развернутое замечание по поводу вещей, по-моему, очень принципиальных.

Дело в том, что психологический анализ рок-н-ролла как особой культуры обречен на некоторую условность, если не учесть эстетической его специфики. Язык и символика, которыми эстетика формирует культуру, определяют ее духовную власть и потому не исчерпывают ее функций, как вам кажется.

Эстетика — единственная объединяющая сила новой культуры. Искусство для ее носителя — повседневная необходимость. А между тем рок-культура отнюдь не элитарна, это действительно «массовая культура». Человек, чтобы войти в ее мир, не должен обладать никакими специальными качествами.

В новом времени переносчиком, инструментом культуры оказывается обычно не искусство, а разнообразная жвачка — Ричардсон, газеты, соцреализм, детективы — или высокое искусство, но прочитанное на уровне понимания школьных учебников. Культура формируется и овладевает людьми, но в ее формах теряется красота, а традиция подменяется ритуалом. Такая народная культура всегда серьезна в своих витальных проявлениях. Что касается живого искусства, то оно в этой ситуации остается необходимым только в элитарных группах, где всячески усложняется и утончается.

В рок-н-ролле красота не умирает, рок-культура строится на живом искусстве. И это становится возможным лишь благодаря карнавальности и музыкальности рока.

Действительно, рок-н-ролл ближе всего по своей культурной роли к карнавалу раннего Возрождения. С одной стороны, каждый слушатель активно вовлечен в действие, даже дома у магнитофона ему трудно удержаться от танца. Здесь освобождаются природные страсти, бушует телесный низ, диалогически объединяясь с высоким порывом, с аполлонической индивидуацией ритма. С другой стороны, сам язык рока отвечает критериям Бахтина для карнавальной литературы. Искушенное ухо услышит в нем диалогизм, смех, отсутствие дистанций между эпохами, между мифом и реальностью, заземленность высоких образов, чередование стилей.

Рок-н-ролл — не просто карнавал. Вода мокрая, а рок — это музыка. Музыка же, если она вообще воспринимается, не может пониматься или не пониматься, как литература и пластические искусства. Дух музыки окрашивает и осмысляет реальность на довербальном уровне, дионисическая иллюзия мелоса заменяет увесистые догматы серьезных культур. Как говорил Ницше, в дионисическом наслаждении «человек уже больше не художник, он сам стал художественным произведением». И музыкальность рока — мощный фактор неомертвляемости его эстетического начала на массовом уровне.

Только за счет музыки и карнавала обеспечивается столь широкое распространение рок-культуры и сохранение ее смехового начала, а значит, и сущности искусства.

Этот смех разъел, карнавализовал в рок-н-роле серьезную культуру взрослых — «нашу» тоталитарную, «их» буржуазно-протестантскую, — обнажив их духовную бессмысленность. Поэтому только рокеры остались у нас в массе здоровыми, не затронутыми рабскими стереотипами коммунизма.

Теперь я хотел бы ответить И. В. Пруссу на вопрос о социальной опасности рока. Такая опасность существует, но она прямо противоположна той, о которой говорила Ирина Владимировна. Если уж на то пошло, роль эстетики, особенно карнавальной, и заключается в спасении общества от природных страстей. Образуется особый мир, отдельный от общества, где люди освобождают свое бессознательное. Так спасали греческий полис дионисические празднества, а позднее — театр. В применении к обществу можно повторить известную фразу Ницше: «Искусство нам дано, чтобы не умереть от Истины». Так что́ вы предпочтете — два-три разрушенных стадиона или пяток кровавых революций?

Смех, ироничность защищают рок-н-ролл от «глупой истошности» (Бахтин). В 1968 году Леннон вылил ушат холодной воды на бравых ниспровергателей своей «Revolution». Но в этой социальной спасительности и функциональности заключается внутренняя опасность рок-движения. Ведь оно по сути — большое движение от общества. Поиск убежища — такая же неотъемлемая ее черта, как поиск любви и свободы.

Can you give me Sanctuary,
I muct find a place to hide,— пел Моррисон.

Даже агрессия рокеров — всегда защита от гопников, от учителей и т. д. И они рискуют потонуть в эстетической иллюзии. Наркомания, столь популярная среди рокеров,— логическое продолжение власти подсознания, ухода от мира. Но в таком уходе теряется ирония, теряется дионисическое единство с природой.

Так что танцующая красота рок-н-ролла, дамы и господа, остается быть в мире. Это вид спорта: или мы уйдем в нирвану, или весь мир пустится в пляс.

М. Ж.: — Как вам нравится этот неожиданный поворот? Рок-н-ролл и карнавал? Кое-что и для меня прозвучало неожиданно и, кстати, подсказывает мне ответ на последний в нашей сегодняшней беседе вопрос, который вы еще не задали, видимо, берегли напоследок, но не могли не задать. Молодежь наша, которая бежала от политики и от политиков, все-таки вышла на площадь перед Белым домом в августе.

— *Вы угадали. Это действительно последний вопрос, и вопрос убийственный. Молодежь — между прочим, и тинейджеры — включились в политические действия. Почему?*

— Ответ первый, его вы подсказали сами: это было действие, можно даже сказать, это было действо. Оно, конечно, было реальное и совсем не смешное, но, с другой стороны, оно было драматическое — и по накалу чувств, и по самому сценарию, которого никто не писал. Сценарий писался народом, это было самое настоящее площадное действо. В нем не было ни болтовни, ни трезвого или корыстного расчета, и оно притянуло молодежь и ее лидеров — вспомните, на всех площадях, где происходило действо, в Москве и Петербурге, сменяя друг друга, играли рок-группы. Это была их стихия.

Но здесь мы должны оговориться, иначе нас не поймут, а то и обвинят в кощунстве. А как же идеи свободы, защиты демократии, которые и привели народ на площадь? Может быть, мы хотим сказать, что молодежи на это наплевать, а просто она собралась на грандиозную тусовку? Молодежи никогда не наплевать на идею свободы, более того, у нее кроме идеи есть и чувство свободы, а демократия — это нормальная среда культуры рока. Конечно, молодые почувствовали угрозу себе и своей свободе; конечно, они пришли на площадь сознательно, они знали, зачем они туда идут. Но мне интересно, было ли еще что-то, кроме очевидного, что могло стать дополнительным толчком? Ведь и раньше возникала угроза свободе и демократии — помните демонстрации и митинги, в которых принимала участие в основном интеллигенция среднего и старшего возраста? Там было намного больше людей, чем в августовские дни и ночи, но там почти не было молодежи и подростков, кроме редких наших детей, да и то в основном шедших с родителями.

Значит, было еще нечто, что и требует нашего наблюдения.

Ответ второй. Его подсказал мне мой сын. Бросалась в глаза разница в поведении «взрослых» и «детей» на площади. Подавленность шестидесятников в первый день, обреченность защитников и истерическое ощущение конца в толпе. А с другой стороны — радостное возбуждение или полное спокойствие молодых и юных, влюбленные пары, которые не стеснялись ни площади, ни объективов. Что это было?

Но это и есть карнавал! Вовлеченность в действо, высвобождение эмоций, чувств при сознании своей правоты и права. Это противостояние без злобы и ненависти (вспомните, девушки солдат кормили пирожными, а потом, в трагический момент, не растерзали тех, кто оказался причиной гибели людей,— если бы была ненависть, никакие депутаты не смогли бы остановить такую толпу). Это музыка днем и всеобщее братство. Это то, что нельзя назвать праздником, но там было много смеха и душевного подъема. И осталась странная ностальгия по обретенной и вновь исчезнувшей гармонии. Там была эстетика. ●

КУРЬЕР
НАУКИ
И ТЕХНИКИ

О чем «думают» бактерии?

Многие подвижные микроорганизмы обладают свойством хемотаксиса — они активно передвигаются в сторону привлекающего их источника запаха или, наоборот, столь же решительно удаляются от «дурно пахнущего» предмета. Хемотаксис у клеток известен давно, а вот его биологический смысл стал вновь активно дискутироваться в последнее время. Дело в том, что, по некоторым данным, иногда наблюдается явное противоречие — бактерии привлекаются веществами, совсем им в жизни не нужными, а к нужным они порой проявляют необъяснимое безразличие. Что это за новый феномен? Ряд исследователей уже склонен был видеть в этом зачатки черт «чистого любопытства» как такового, своего рода способа познания внешнего мира и так далее. Разобраться в ситуации решили пущинские ученые из Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН. Они провели специальные опыты, в которых наблюдали за популяцией бактерий рода Эшерихия, помещенной в питательную среду, составленную из набора съедобных и несъедобных аминокислот. Сами опыты проходили очень интересно. Из исходной капли, куда вначале заселялась популяция, по чашке с питательной средой вскоре поползли расширяющиеся кольца «бактериального фронта». По дороге наступающие микробные цепи кое-что выедали. Как выяснилось, первая линия атакующих выедала в качестве подножного корма серин — вещество, известное своим сильным привлекающим действием. Следующая, вторая линия фронта доедала остатки серина и уже больше налегала на аспарагин и треонин, аминокислоты, тоже известные своим привлекающим воздействием. А несъедобные вещества — глицин, метионин и тирозин — почти никак не обращали на себя внимания проходящих мимо цепей живых клеток.

Таким образом, с открытием «мышления» одноклеточных, видимо, придется повременить.

Л. Резниченко

Малый бизнес в Штатах растет, как трава на английском газоне...

Кажется, общественное мнение начинает склоняться к тому, что мелкий бизнес, только зарождающийся в нашей стране, нуждается в государственной поддержке. Такое настроение потихоньку вытесняет прежнюю склонность «поприжать этих кооператоров», обстричь под общую гребенку доходы фермера.

Однако что должно и может сделать государство для мелкого предпринимателя, чтобы не превратить его в очередного своего нахлебника, не устроить себе еще одну «черную дыру», втягивающую средства и ресурсы, а выдающую лишь туманные надежды?

Хорошо бы и тут учесть мировой опыт. Например, познакомиться со стенограммами слушаний в подкомитете по делам мелкого бизнеса Палаты представителей Конгресса США, на которых обсуждался бюджет Администрации по делам малого бизнеса на очередной, 1991 год.

И в Америке трудно быть мелким предпринимателем

Едва ли не главное преимущество мелкого бизнеса многие видят в его способности «расти как трава»: достаточно лишь не мешать ему или хотя бы мешать не слишком сильно, а дальше инициатива и предприимчивость людей сами обо всем позаботятся. Тем более что и капитальных вложений мелкие фирмы требуют сравнительно немного... Потому и уповает общественное мнение на магическую силу законов о частном предпринимательстве: достаточно лишь разрешить, легализовать и соблюдать закон, а потом...

Там же, где действительно существует экономически крепкий и юридически полноправный сектор мелкого бизнеса, хорошо знают, что «как трава» он расти не будет. Или, во всяком случае, будет расти именно как трава, а она, как известно, тем и отличается от культурных растений, что дает куда меньший урожай. Если уж сравнивать мелкие фирмы с травой, то с травой знаменитого английского газона, которая, действительно, отлично растет, достаточно лишь подстригать ее каждый день, ну хотя бы лет двести.

Реальное положение мелких фирм в жесткой конкурентной экономике вовсе не идиллическое и при этом довольно парадоксальное. Главное его преимущество, которое, казалось бы, должно обеспечивать ему постоянный выигрыш,— низкая капиталоемкость и высокая оборачиваемость капитала,— одновременно есть и его серьезная слабость.

Низкая капиталоемкость особенно хороша во времена дефицита капиталов. Но дефицит капиталов на кредитных рынках болезненнее всего ударяет как раз по мелким фирмам, особенно тем, что только создаются,— ведь они направят большую часть занятых средств не на формирование основного, а в оборотный капитал, который быстро уйдет за пределы фирмы и, значит, не может быть обеспечением ссуды в случае ликвидации.

Иными словами, кредит мелкой фирме куда более рискован, а именно в моменты дефицита капиталов кредиторы становятся особенно требовательны к надежности заемщиков. Одного этого достаточно, чтобы серьезно ослабить положение мелких фирм на рынке капиталов, а значит — в системе воспроизводства в целом. Но это отнюдь не все.

Та же самая «несолидность» мелкой фирмы затрудняет получение сравнительно крупных, то есть особенно выгодных, заказов, в том числе и государственных,— работа на единый рынок с одним заказчиком, не требующая расходов на маркетинг и, в частности, на то, что называют «распределением»,— организацию сбыта и непосредственного обслуживания клиентов — делает эти заказы особенно заманчивыми для любого бизнеса. А потому, чтобы их заполучить, нужны известный политический вес, политические контакты. Наконец, у партнера мелкой фирмы, как и у кредитора, риск выше, чем у партнера фирмы крупной, ведь разоряются мелкие фирмы значительно чаще. И по всем перечисленным причинам, и потому, что среди мелких бизнесменов много новичков, не обладающих нужным опытом, контактами, информацией. А недоверие, которое справедливо порождают эти обстоятельства у крупных кредиторов и заказчиков, только усиливает такую тенденцию.

Наконец, и объективно мелкая фирма весьма неустойчива к колебаниям экономической конъюнктуры: собственных накоплений очень немного, уровень диверсификации очень невысок, и даже по тому единственному товару или услуге (либо с единственной ассортиментной группой), с которым она обычно выступает на рынке, она не может завоевать его сколько-нибудь значительную долю. На стабильно растущем рынке или при слабой конкуренции это еще не слишком важно, но стоит обстоятельствам ухудшиться...

Так что внушительные цифры мелкого бизнеса в национальной статистике достигаются и высоким риском, и частыми крушениями, и тем, что в советской печати, когда впервые зашла речь об арендаторах и нужно было как-то

культурно опорочить частника, обозвали отличным словом «жестокая самоэксплуатация», то есть добровольная значительно более напряженная работа с неадекватным вознаграждением.

Разумеется, это не значит, что марксистско-ленинская политэкономия, десятилетиями твердившая об универсальном законе концентрации и централизации производства и о неизбежном вытеснении мелких и средних фирм «монополиями», сколько-нибудь права. В любой нормальной экономике имеется определенная, и немалая, ниша, естественно принадлежащая малому бизнесу, в которой он эффективнее любых других форм. Так было и в «индустриальную эпоху», и тем более так обстоит дело в эпоху «постиндустриальную», когда выгоды массового производства во многом сходят на нет. И в любой нормальной саморегулирующейся экономике ниша эта более или менее автоматически определяется и «ограждается».

Но еще один парадокс: общество более заинтересовано в развитии малого бизнеса, чем саморегулирующаяся экономика этого общества. И по причинам чисто социальным, даже социально-политическим,— общество, где много хозяев, собственников, связанных напрямую друг с другом, гораздо устойчивее, надежнее, лучше сопротивляется любым кризисам. И по чисто прагматическим причинам — мелкий бизнес более трудоемкий, способен поглощать избыточную рабочую силу и превратить получателя пособия в исправного налогоплательщика, а также, что весьма важно, в активного потребителя товаров и услуг, бойца невидимого фронта борьбы с кризисом перепроизводства. С этой точки зрения развитие мелкого бизнеса выгодно даже потенциальным крупным конкурентам: благоприятная экономическая конъюнктура нужна всем, а безработица и спад — никому.

Значит, общество заинтересовано искусственно поддерживать и расширять сферу мелкого бизнеса за пределы той ниши, которую отводит ему стихийная саморегуляция. Но без посягательства на принципы саморегулирования, без каких-то попыток компенсировать недостаточную эффективность тех или иных предприятий и типов предприятий с помощью рычагов прямого или косвенного перераспределения. Этого не позволяют ни политические, ни идеологические принципы, которыми западное общество не любит поступаться, ни международная конкуренция, жестоко наказывающая за попытки поддержать слабых за счет сильных. Да и эффективно работающие производители не позволят слишком уж активно перераспределять, для этого у них есть и политический вес, и политические инструменты.

Задача, таким образом, встает весьма своеобразная: без всякого насилия над экономическими механизмами противостоять действию этих механизмов, модифицировать экономическую структуру, складывающуюся в результате под действием этих механизмов.

Разумеется, системы поддержки малого бизнеса, действующие в различных странах, не формулируют своих задач таким образом. Это органы политические, и теоретическая рефлексия им не к лицу. В их распоряжении есть другие понятия, категории, лозунги. Главные — бережное отношение к деньгам налогоплательщика и всемерное поддержание занятости. Оба они давно превратились в устойчивые стереотипы, и привычка как-то скрадывает то обстоятельство, что добиваться обеих целей одновременно нельзя. Можно лишь стремиться к компромиссу и старательно искать косвенные методы воздействия, приемлемые политически, необременительные для бюджета, но одновременно достаточно эффективные. По крайней мере, достаточно эффективные, чтобы все общество видело благотворные результаты. Это тоже проблема политического выживания.

Принцип:
никаких «бесплатных» кредитов!

Такие мысли приходят в голову, когда знакомишься со стенограммами слушаний в подкомитете по делам малого бизнеса Палаты представителей Конгресса США. В частности, со стенограммами обсуждения бюджета Администрации по делам малого бизнеса на очередной, 1991 финансовый год.

Сама администрация была создана в 1953 году как правительственное агентство, призванное содействовать созданию и работе мелких фирм. Для этой цели ей выделяются из бюджета определенные средства, например, на 1991 год около 6 миллиардов долларов. Задача администрации — потратить эти средства осмотрительно и эффективно и уж, конечно, не на прямые субсидии и дотации: одно дело — безвозмездно помогать безработным, многодетным и прочим нуждающимся и совсем другое — тратить деньги, отобранные у преуспевающей фирмы, на прямую поддержку ее потенциальных конкурентов.

Впрочем, в масштабах американской экономики шести миллиардов для прямой поддержки все равно не хватило бы: как сообщила во время слушаний администратор по делам малого бизнеса, глава администрации Сьюзен Энджелейтер, только за девять месяцев 1989 года было создано 520 тысяч новых фирм, из которых 98 процентов — мелких.

Начало доклада по проекту очередного бюджета способно вызвать у читателя из СНГ острую ностальгию. Администратор Энджелейтер, недавно назначенная на этот пост распоряжением Дж. Буша, начала в лучших советских традициях — ссылкой на недавнее руководящее указание това... простите, президента Буша вдохнуть в деятельность администрации новую жизнь. В чем именно будет заключаться новая жизнь, Энджелейтер прямо не сказала, высокопоставленные администраторы в США вообще стараются избегать политических заявлений, отдающих идеологией,— профессионалам это не к лицу. К счастью для обозревателей, в Америке, помимо профессионалов, существуют еще и политики, чья прямая обязанность делать именно политические заявления. Один из них, председатель все того же подкомитета по делам малого бизнеса конгрессмен Лафолс, высказался вполне определенно. Говоря об участившихся случаях убытков и даже банкротств банков и потерь государственных учреждений из-за неосмотрительно выдаваемых ссуд и вложений, конгрессмен сурово провозгласил: «Система потерпела крах. Теперь скверно управляющиеся институты и администраторов, больше привыкших говорить приятные вещи, чем решать проблемы, нужно лечить суровой дисциплиной рынка».

Если вглядеться в изменения бюджета и программ администрации, станет очевидно: суть большинства из них состоит именно в повороте к рыночным принципам регулирования, оценки, ответственности и тех, кто получает помощь, и тех, кто ее оказывает. Эффективность государственных затрат все больше понимается администрацией если и не как прямая окупаемость их непосредственно для агентства — до этого дело еще не дошло,— то, во всяком случае, как минимизация безвозвратных затрат. Здесь, видимо, сыграла роль и прямая критика «бюджетного либерализма», постоянно раздающаяся то в стенах конгресса, то на страницах печати, и дефицит бюджета, и вполне понятное желание помочь в пределах имеющихся ресурсов как можно большему числу людей и фирм.

На этот год из уже упоминавшихся шести миллиардов долларов 5,6 направляются в так называемые «кредитные» программы, то есть они не только будут возвращены, но и с определенным, пусть и льготным, процентом. В прошлом финансовом году 35 процентов всех кредитов, полученных мелкими фирмами США, были выданы под гарантии администрации. И даже гарантии эти администрация предоставляет не бесплатно: до сих пор она брала с заемщика «страховой сбор» в размере двух процентов от величины кредита, а теперь, заботясь о деньгах налогоплательщика, решила поднять этот сбор до пяти процентов (кредит сегодня вообще дорожает). Правда, здесь уже были недовольны законодатели. Члены подкомитета сочли, что подобная плата за гарантии непомерна, и вновь напомнили о роли мелких фирм в поддержании занятости. Однако исхлопотать у своих коллег-конгрессменов дополнительные ассигнования, которые заменили бы такую прибавку, никто не предложил.

В то же время «чистые» потери от кредитных операций — то есть отношение всех списанных за год сумм ко всем выплатам за тот же год — неуклонно растут. Они почти втрое выше, чем в коммерческих банках, где потери составляют лишь 1,2 процента.

По общему мнению, вопрос о кредитах и гарантиях — едва ли не основной для американского мелкого бизнеса. Особенно в последнее время, когда доступ к кредитам сильно затруднился. До сих пор экономика страны была на подъеме — мы уже упоминали, что лишь за 9 месяцев 1989 года было создано 520 тысяч новых фирм, и, что важнее, число банкротов сократилось почти на 16 процентов. Теперь, кажется, ситуация меняется. К концу 1989 года банкротства участились и как ответ на рост потерь резко ужесточился порядок выдачи банковских кредитов и требования к гарантиям кредитоспособности заемщиков, возросла норма резервирования капиталов в банках. К тому же, как это бывает в период спадов, существенно — на четверть — упала в цене недвижимость, то есть тот основной капитал, которым многие фирмы могли отвечать за взятые кредиты.

Подкомитет Палаты представителей по делам малого бизнеса специально посвятил два заседания «кредитным тис-

кам», в которых из-за всего этого оказались мелкие фирмы. Там, в частности, отмечалось, что в штатах Новой Англии в первом квартале 1990 года выдача банковских кредитов упала на 3,7 процента; во втором — еще на столько же и ожидалось дальнейшее сокращение, которое должно было перекинуться и на другие регионы. На одном из этих заседаний конгрессмен Лафолс и произнес цитируемую выше фразу о «суровой дисциплине рынка» как лучшем лекарстве.

Мелким фирмам, пострадавшим от стихийных бедствий, предоставляется социальный займ — и тоже под процент, который предложено повысить с 4 до 8 (это все равно крайне мало по сравнению с обычными процентами на рынке капитала). Администрация твердо стоит на том, что кредиты — лишь для тех, кто сможет с толком их использовать и встать на ноги даже после бедствия: остальные пусть обращаются за вспомоществованием, а это уже по другому ведомству...

Особая программа — для выдачи или гарантирования самых мелких кредитов, до 50 тысяч долларов. К таковым относится четверть всех займов, предоставленных администрацией или полученных под ее гарантии. Эта помощь «мельчайшим из мелких» позволяет заняться самостоятельным, пусть и скромным, делом и тому, кто практически лишен каких-либо средств и перспектив.

Нехватку кредитов могли бы отчасти восполнить инвестиции, однако получить их еще труднее: вкладывать средства в мелкие фирмы еще рискованнее, чем их кредитовать. Особенно остро чувствуется нехватка рискового, венчурного капитала, хотя наукоемкие, высокотехнологичные мелкие фирмы — идеальные структуры для первичных нововведений. Что хуже всего — риск вклада в них может не вполне оправдаться даже в случае успеха: большую часть сливок с такого успеха снимает не «первичный инноватор», а его более крупный конкурент, располагающий развитой системой маркетинга, резервами производственных площадей и капиталов, опытом. На долю же инновационной фирмы в таком случае достается вполне обычная коммерческая прибыль — немало, но и недостаточно, чтобы окупить весь риск.

Однако для страны в целом, для ее экономики деятельность венчурных фирм просто необходима. Администрация и здесь не остается в стороне. Разумеется, улучшить конкурентные позиции мелких венчурных фирм никакое государственное ведомство не может — такого насилия над рынком ему не позволят. А вот принять на себя часть риска для нее вполне допустимо и даже похвально с точки зрения интересов национальной экономики. Средства, выделяемые на гарантии для венчурного бизнеса, растут, пожалуй, быстрее всего: в 1990 году — 51 миллион долларов, в 1991 году — 80 миллионов.

Правительство и само заключает с мелкими фирмами контракты на так называемые инновационные исследования. С 1982 года было заключено около 15 тысяч таких контрактов. Более пятой доли результатов этих исследований и разработок воплотились в продукты и процессы, которые рынок признал и оценил. Коммерческий успех — не единственная, а часто даже не основная цель исследований по правительственным контрактам, а в известной степени их «побочный продукт», так что подобные результаты можно счесть очень хорошими — в большинстве коммерческих компаний этот показатель в среднем ниже. Очевидно, коммерческий потенциал исследований и разработок мелких и средних фирм исключительно высок, и их обилие, да еще с мощной инфраструктурой их поддержки — важный козырь США в международной конкуренции.

Еще одно препятствие для мелких фирм — недоверие крупных партнеров, из-за чего трудно получить выгодные заказы. Администрация и здесь применяет практику гарантирования — уже не кредитов, а контрактов, заключаемых мелкими фирмами, выпуская особые обязательства, страхующие выполнение контрактов. Особенно нужна такая страховка мелким строительным компаниям, на долю которых приходится значительная часть всех строительных работ в стране.

А как без специальной помощи мелким предпринимателям получить «справедливую долю» государственных контрактов? О них как минимум надо знать; надо уговорить чиновника рискнуть — ради чего бы ему вести дела с малоизвестными фирмами, с людьми без особого политического веса и связей? Ему в принципе проще иметь дело с несколькими крупными поставщиками и подрядчиками, чем с множеством мелких.

Однако все выглядит иначе, если посредником становится солидное правительственное агентство вроде Администрации по делам малого бизнеса. Тогда для чиновника, заключившего контракт, политический риск превращается в политический выигрыш (риск же падает на долю ходатая и поручителя, то есть той же администрации, ну да это — ее бизнес...). Администрация располагает солидным банком данных и о мелких фирмах, и о потребностях правительственных учреждений, и автоматизированной системой, выдающей такого рода информацию. За пользование этой системой (а работа ее вызывает немало нареканий) с клиентов — мелких фирм — также взимается плата; правда, по рыночным меркам она остается чисто символической. Главное — принцип: бесплатно — только сирым и убогим.

А контракты на госзаказы суммой свыше 3 миллионов долларов в обрабатывающей промышленности и 5 миллионов в остальных отраслях заключаются только по конкурсу. И если мелкая фирма окажется хуже крупной, администрация, как пишется в советских объявлениях, ответственности за это не несет...

Что могут дать мелкому бизнесу женщины и пенсионеры

Есть в государственных программах помощи мелкому бизнесу и вещи довольно экзотичные, например особая благосклонность к женскому бизнесу.

Женщины, сообщала Энджелейтер, открывают новое дело в США в полтора раза чаще мужчин, а разоряются реже. Сегодня им принадлежит треть фирм в стране. Большинство специализируется в сфере обслуживания; размер их невелик, а капитал и того меньше. Между прочим, в рамках этих программ идет специфический «обмен опытом»: удачливые женщины-бизнесмены консультируют тех, кто собирается открыть дело в той же сфере. Женская солидарность, похоже, пересиливает законы конкуренции, и «деловые женщины» охотно делятся с потенциальными соперницами всеми секретами ремесла.

Малому бизнесу должен помочь и корпус отставных администраторов: удалившихся на покой ответственных руководителей из промышленных фирм и государственных агентов государство привлекает к консультированию мелких фирм и к экспертизе и консультированию собственных программ и действий.

На так называемые некредитные программы помощи и собственные расходы администрация запросила 385 миллионов долларов — примерно в пятнадцать раз меньше, чем на кредитование. В разных регионах страны она создает центры развития малого бизнеса, и не только на средства федерального бюджета — на каждый его доллар приходится еще полтора доллара, вложенные местными властями, правительствами штатов и частными фирмами.

Внимание, наш читатель! Американские конгрессмены считают, что подобные центры особенно необходимы «в глубинке» — в районах с низкой экономической активностью, со слабой инфраструктурой, где люди не особенно склонны к предпринимательству и мало что знают о сфере мелкого бизнеса. Оказывается, такая «глубинка» есть и в Америке...

Итак, «предпринимательская ориентация», отличающая экономическую политику республиканцев, теперь распространяется и на механизм государственной помощи предпринимательству. Следует, однако, еще раз подчеркнуть: речь идет не о пресловутом принципе «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Масштабы помощи государства малому бизнесу постоянно растут, и необходимость этого не оспаривается практически никем. Меняются лишь преобладающие инструменты поддержки. Сегодня сектор малого бизнеса в США настолько встал на ноги, что можно чаще сменять прямую поддержку на косвенное стимулирование.

Конгрессмены, входящие в подкомитет по делам малого бизнеса, не несут непосредственной политической ответственности за правительственную политику и, в частности, за общее состояние бюджета. Это отчасти превращает их в «лоббистов» малого бизнеса. Политически такая роль достаточно выгодна: мелкое предпринимательство пользуется традиционной поддержкой общественного мнения, его процветание напрямую связывают с ростом занятости, от его благополучия зависит благосостояние очень многих. Потому конгрессмены больше интересуются масштабами поддержки, чем эффективностью расходования бюджетных средств. Однако общий сдвиг политики, судя по ходу дебатов, не вызывает возражений и у них, а значит — и у тех мелких предпринимателей, чьи интересы они представляют. ●

А. Сирота

Ритмы истории

Из лабиринтов выбираются исключительно при помощи извне.
У. Эко, «Имя розы»

Кносский дворец на Крите

Никогда еще, наверное, Россия с такой тревогой не всматривалась в свое прошлое. Почему столь трагичен ее путь в истории? И трагедия ли это — неизбежный приговор судьбы — или всего лишь несчастливое стечение случайностей? Или виной всему чьи-то ошибки или злая воля?

Для ответа недостаточно знать русскую историю, нельзя понять, случайно или закономерно событие, если мы не знаем самой закономерности, нельзя установить закономерность, не сопоставив между собой множество событий. И поэтому исследовать лабиринты русской истории надо не только изнутри, но и извне, рассматривая историю России как часть всемирно исторического процесса.

Морской перекресток

«Корабль разбился вот здесь,— Дерриок протянул руку к карте... Когда начнет развиваться земледелие, оно, на мой взгляд, возникнет прежде всего где-то между этими двумя главными областями, так сказать, на перекрестке культур. Скорее всего, вдоль этого водного пространства,— он показал на Средиземное море». Космический корабль с планеты Лортас потерпел аварию при посадке на землю, населенную варварами. Устами Дерриока с нами говорит автор научно-фантастического романа «Ветер времени» Ч. Оливер. Как все, кто объясняет уже свершившееся, Ч. Оливер близок к истине. Возделывание злаков зародилось в Восточном Средиземноморье. В речных долинах Ближнего Востока возникли древнейшие очаги цивилизации.

Выдающаяся роль Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока в истории человечества действительно не случайна: нет на Земле другого региона, где встречались бы между собой три части света, создавая так много разнородных, но близко расположенных ландшафтных зон. И это географическое разнообразие проявило себя в разнообразии культур, ведь на заре своей истории человек особенно сильно зависел от природы. Понятно, что между областями с разной хозяйственной специализацией шел обмен товарами, возникали интенсивные торговые контакты, и это, безусловно, способствовало развитию. Но отношения не ограничивались торговлей. Разные цивилизации, складывающиеся в разных ландшафтных зонах, неизбежно вступали во взаимообогащающие культурные контакты (под культурой понимается совокупность достижений общества во всех областях материальной и духовной деятельности). Не зря космический антрополог говорил о перекрестке культур.

Контактной зоной, самой природой, казалось бы, предназначенной для сближения древних культур, было Эгейское море, богатое островами с сильно изрезанными береговыми линиями Греции и Малой Азии. Его естественная граница — дуга больших и малых островов, начинающаяся у азиатского берега Ро-

В статье использованы идеи, высказанные в семидесятых годах Е. В. Гутновой, Н. В. Удальцовой, Ю. И. Семеновым и Н. А. Симонией.

досом и протянувшаяся к Пелопоннесу через Крит, где, по преданию, родился Зевс, к Кифере, родине Афродиты. На Крите сложилась первая цивилизация Европы, названная минойской, по имени полулегендарного властителя острова.

Возникновению минойской цивилизации благоприятствовало многое. Но главное очевидно — географическое положение Крита делало Балканы, Малую Азию, Сирию, Египет и Италию легкодоступными для его мореходов. Критские цифры напоминают о Шумере, иероглифы — о Египте. Культурные контакты с великими цивилизациями древности ускорили ход истории на острове: бронзовый век пришел на Крит на тысячу лет раньше, чем в Центральную Европу. Так же, как долины Евфрата и Нила были словно созданы для речных цивилизаций, так и Криту — морскому перекрестку Восточного Средиземноморья — была уготована судьба «морской цивилизации». Море затрудняло иноземные вторжения, а ограниченные размеры территории были препятствием на пути к превращению Критского царства в мощную военную силу, ведущую захватнические войны.

Морская торговля, строительство кораблей, управление обширными складами и работавшими на внешний рынок ремесленными мастерскими были теми хозяйственными функциями, которые, подобно ирригации в речных цивилизациях, стимулировали создание государства на Крите. Вместе с тем связанная с риском и предприимчивостью морская торговля была мощным фактором высвобождения индивидуальности из пут общинных и племенных связей и серьезным препятствием на пути превращения людей в «винтики» бюрократически централизованной машины. Высвобождению индивидуальности способствовали также особенности земледелия в Средиземноморье. Дело в том, что земледелие там рассредоточено на мелких участках, обработка которых требовала от земледельца инициативы, принятия самостоятельных решений и исключала работу больших коллективов, одновременно выполнявших по всей стране одни и те же рутинные в своей основе операции, как это было в долинах великих рек. Таким образом, особенности земледелия и торговли препятствовали превращению критской монархии в деспотию.

Предметы, найденные при раскопках Кносского дворца

План дворца Миноса

О крито-минойской культуре написано многое, и здесь вряд ли надо говорить о ней сколько-нибудь подробно. Но вот о чем стоит напомнить. Самый известный из дворцов Крита, обычно именуемый царским,— дворец в Кноссе (об истинном назначении этого огромного сооружения идут споры[1]) поражает тем, что в нем нет той противостоящей природе и человеку геометрической простоты и монументальности, воплощение которых — египетская пирамида. В этом дворце в отличие от сходных сооружений в Азии нет регулярного плана, среди 1500 помещений нет одинаковых. Но его асимметрия живописна и создает единый ансамбль. Необычны сужнвающиеся книзу деревянные колонны дворца, как бы балансирующие под нагрузкой, необычны обрамленные каменными ступенями-трибунами мощеные дворы зрелищных площадок. Их обширность, так же как и ширина дворцовых лестниц, явно рассчитана на большое число людей.

Фрагменты фресок Кносского дворца

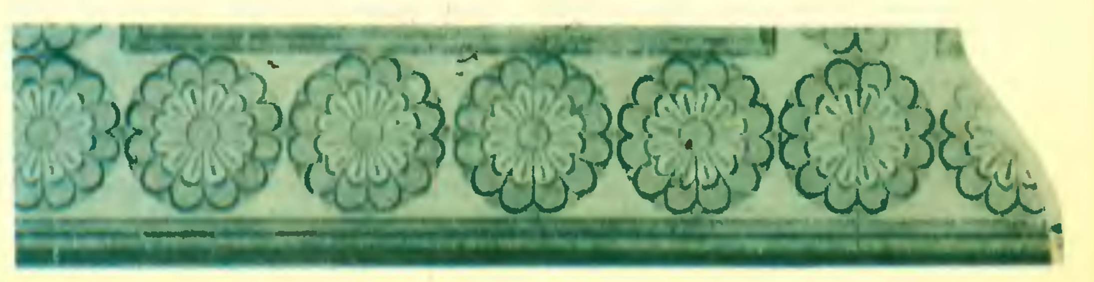
Заметим — тот же принцип живописной планировки был присущ и первым городам Европы и городам Руси до начала XVIII века.

Если в Месопотамии стремились сделать улицы одинаковыми по ширине, а перекрестки — перпендикулярными, то в минойском городе дома неупорядоченно лепились один к другому, а улочки прихотливо изгибались, часто меняя при этом свою ширину, переходя в лестницы на склонах холмов. Археологи отмечают добротность, эстетическое совершенство предметов быта, найденных в многокомнатных домах преуспевающих горожан и виллах местной знати, отмечают роскошь провинциальных дворцов, соперничавших с царским (иное — в странах Востока, где дворцы резко выделялись среди жилищ). И никаких крепостных стен, величественных царских гробниц, прославляющих царские победы стел — всего того, что характерно для архитектуры воинственных деспотических государств! Не было ни храмов, ни монументальных скульптур богов — ничего, что говорило бы о засилии жрецов.

Высокоразвитая и во многом необычная для своего времени цивилизация — с высоким «уровнем гражданственности», без чрезмерных социальных контрастов, абсолютной власти царя и засилья жрецов — как могла она сложиться в окружении ближневосточных деспотий? Неудивительно, что делались попытки истолковать минойскую культуру по аналогии с ними. Весомым доводом в споре стало изобразительное искусство Крита. На критских фресках перелетают через спину быка акробаты, волнуется наблюдающая за этой игрой толпа на ступенях, взлетают над волнами летучие рыбки, грациозно вытягивают шеи лани, проснувшиеся по весне цветы стремительно тянутся к солнцу, а щупальца осьминогов охватывают знаменитые керамические вазы, на которых обитатели моря, цветы и травы вытеснили геометрический орнамент предыдущей эпохи. И нет изображений царей и грозных богов, сцен войны и охоты, толп пленников, размеры фигур людей не изменяются в зависимости от их общественного положения.

Те, кому довелось видеть критские фрески, достаточно единодушны в своих оценках: это искусство не имеет параллелей в древности! Минойская живопись воспринимается нами как светское искусство, как голос людей, чуждых раболепию, не страшащихся темных сил и влюбленных в многокрасочность огромного мира, открывшегося их кораблям.

Духовный климат других древних обществ был иным. Нет, конечно же, минойская живопись не вышла за пределы своей эпохи. Критские фрески напоминают об искусстве Египта: сходный канон подчинил себе изображения человеческой фигуры — те же локально окрашенные силуэты в двухмерном, не знающем перспективы пространстве. И все же минойцы были не только пленниками своего времени, но и заложниками вечности, их культура — первый набросок далекого будущего Европы, предвосхищение разделения на Запад и Восток.

Но вместе с тем и доказательство того, что уже в глубокой древности история, еще не ставшая «мировой», уже была «евразийской»: достижения соседних народов, позаимствованные критянами на относительно ранней стадии развития, помогли им совершить восхождение на новую ступень раньше, чем они были остановлены мертвящим абсолютизмом. Именно так можно объяснить необычные для Древнего Востока сочетания высокоразвитой культуры с недеспотической властью, благоустроенности городского быта — с живописной планировкой дворцов и городов, условности изображений фигур на фресках — с попытками передать их движения (критяне еще хранили память о полных экспрессии рисунках первобытных охотников на стенах пещер).

Культура без границ

Во II тысячелетии до новой эры на юге Балканского полуострова завершалось формирование греческого этноса. В нем преобладало племя ахейцев, и по имени самого значительного из ахейских царств цивилизацию материковой Греции, начиная с XVI века до новой эры, называют микенской. После извержения вулкана на острове Фера (Санторин) около 1460 года до новой эры, разрушительные последствия которого ослабили критян, их остров сделался легкой добычей ахейцев.

Складывающаяся цивилизация первоначально многое заимствовала у критян, и взаимодействие двух культур на этом этапе отвечало схеме «центр цивилизации — варварская периферия». Но позднее синтез местного «варварского» начала с критскими и азиатскими влияниями привел к созданию самобытной общегреческой культуры, которая после завоевания Крита утвердилась также и на островах Эгейского моря. Достижения этой культуры воплотились в технологии многих отраслей производства и начатках наук (географии, медицины, арифметики, астрономии, механики). В микенском искусстве заметны гуманистические тенденции. Боги микенских мифов имели облик людей (в отличие от звероподобных богов, например, Египта). Жречество ахейской Греции было немногочис-

[1] Г. Малиничев, «Кносс — погребальный храм?», «Знание — сила», 1973 год, № 1.

леиным. Вместе с тем в микенской культуре явно просматриваются и тенденции, сближающие ее с восточными деспотиями. Монументальные гробницы царей с их золотыми погребальными масками и богатой утварью напоминают о пирамидах египетских фараонов. Как и в деспотиях древней Месопотамии, чиновники скрупулезно контролировали производство и распределение продуктов ремесла и сельского хозяйства.

В отличие от минойцев ахейские греки были воинственным народом, тому свидетельством и могучие стены акрополей, дворцов-цитаделей — некоторые из них сложены из десятитонных глыб,— и обилие оружия в царских захоронениях, и часто встречающиеся в микенской живописи сцены войны и охоты. После завоевания Крита к ахейцам перешла вся морская торговля Эллады, колонии, основанные ими, протянулись от Малой Азии до Италии. Ахейская держава стала одной из сильнейших в ближневосточно-средиземноморском регионе.

Вслед за периодами творческого взлета и военной экспансии по законам истории обычно следует гибель. На рубеже XIII—XII веков до новой эры ослабленные междоусобными войнами микенские государства рушатся под напором пришедших с севера варварских племен, предположительно греков-дорийцев. Сохранившие еще первобытнообщинный строй, северные варвары с яростью уничтожают города, дворцы создателей утонченной микенской цивилизации... Казалось, страшная катастрофа полностью вычеркнула ахейский период греческой истории, отбросив общество к исходному рубежу начала тысячелетия. Греки перестали строить дома из камня, забыли о своих святилищах, разучились писать, на вазах вместо изображений людей и животных появляется геометрический орнамент. Последующие века историки называют «темными» (тот же термин применяют для обозначения периода, последовавшего за падением Римской империи).

Но таково было только первое впечатление. Вряд ли справедливо называть темным время, когда осваивалось изготовление орудий из железа («железная революция»)[1]. Путь, на который ахейцам потребовалось тысяча лет, дорийцы прошли за четыре века. Примитивно демократические традиции дорян, сменив крайний индивидуализм ахейской знати, способствовали созданию нового человека полисной эпохи, соединявшего активность и предприимчивость с приверженностью родному городу-государству; и если сравнить культуры полисной и микенской Греции, выяснится, что многое уцелело и получило свое дальнейшее развитие. Смута закончилась не повторением прежней государственной структуры, а подъемом на качественно новый уровень.

Роль культурных контактов была на этот раз особенно велика и неоспорима. Новый подъем культуры начался великой греческой колонизацией в VIII веке до новой эры. В колониях, усеявших берега Средиземного и Черного морей, сосредоточилась наиболее активная часть населения. Оказавшись вне родины, эти люди особенно легко усваивали новое. И потому именно греческие колонии стали одной из главных контактных зон. Вначале греки только ввозили изделия восточного ремесла, затем сами освоили их производство. Сложился «интернациональный» стиль, в котором изделия Греции порой трудно было отличить от изделий из Ассирии или Урарту.

Но уже с VII века до новой эры начинается взлет собственно греческого искусства. И вновь геометрический орнамент на вазах сменили изображения людей и животных. Вновь возродилось древнее искусство, забытое греками, но сохранившееся в памяти их соседей. Научные открытия Египта и Вавилонии были получены «из первых рук» — при ставших традиционными посещениях греческими мыслителями этих стран. Финикийский алфавит, металлические деньги, множество заимствованных слов и мифологических сюжетов — специалисты насчитывают более двух десятков отраслей хозяйства, наук и искусств, которыми возрождающаяся греческая культура была обязана Востоку.

Около ста лет обучались греки в школе восточной мудрости и мастерства, прежде чем их страна снова пошла своим путем, который привел ее к общечеловеческим вершинам полисной демократии. Умение заимствовать достижения и творчески их переработать — вот та общепризнанная черта греческого гения, которая позволила ему создать уникальную культуру, изменившую ход мировой истории. И хотя обучение Европы у Востока на этом не закончилось, связи архаической Греции с Ближним Востоком остаются, пожалуй, наиболее ярким и самым значительным для европейской истории примером величайшего значения культурных контактов. В том, что мы сейчас понимаем под античной культурой Греции, есть минойские, микенские, дорийские и ближневосточные корни. И не будь их — совсем иной была бы вся культура нашего времени.

[1] Мы писали об этом: Э. Берзин, «Железная революция», 1978 год, №№ 7 и 8; 1984 год, № 8.

Фрагмент фресок Кносского дворца

А теперь окинем мысленным взором весь многовековой путь от храмов Шумера и Египта до афинского акрополя и попытаемся свести живое многоголосие конкретной истории к абстрактной схеме. Отбросим то, что, с нашей точки зрения, второстепенно, и выделим важнейшие повторяющиеся события. Безусловно, важной оказывается роль культурных контактов. Бросается в глаза неравномерность исторического развития — всегда были общества лидирующие и отстающие. Развитие совершалось не только во времени, но и в пространстве: исторические центры как бы перемещались по маршруту «Ближний Восток — минойский Крит — микенская Греция — греческие полисы», чередуя периоды цветения, увядания и гибели древних обществ. Отметим также, что каждый новый центр возникал на периферии предыдущего. Насколько справедливы и существенны эти закономерности, проявившие себя в период становления европейской цивилизации, для всей европейской истории? Для мировой истории? Как отразились они на истории России?

Эстафета прогресса

Неравномерность была и остается характерной особенностью всего естественноисторического развития: так же, как изобретения и открытия делаются одиночками, а не всеми людьми сразу, так и новое в природе и истории возникает не повсеместно, а вначале лишь в одном или в нескольких центрах или регионах[1]. Дикорастущие злаки происходят из так называемых центров Вавилова. Родиной человечества большинство антропологов считает Восточную Африку. Земледелие и скотоводство, орудия из железа, демократические города-государства, великие монотеистические религии, рыночное хозяйство, промышленная революция, наука, новые стили в искусстве — эти и другие свершения человечества возникали в соответствии с правилом неравномерности.

В недавнем прошлом наглядным проявлением этого правила были колониальные империи, сейчас неравномерность проявляется в разрыве между Западом (промышленно развитые страны) и Востоком (развивающиеся и слаборазвитые страны) по всей совокупности экономических и гуманитарных показателей, в том числе таких обобщающих, как средняя продолжительность жизни, валовой национальный продукт и доход на душу населения, «качество жизни», независимость индивида от общества. Особенно важен последний показатель: имеются все основания считать его определяющим. («Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития» — эта формула Маркса в отличие от многих других его высказываний подтверждается жизнью.) Попытки самоутешения в рассуждениях о бездуховности Запада, об утрате им «национальных корней» и прочее оказываются несостоятельными при беспристрастном знакомстве с западной жизнью.

Еще недавно разрыв между Западом и Востоком многим казался абсолютным и непреодолимым, но сейчас, когда Япония стала одной из наиболее промышленно развитых стран мира и на наших глазах резко набирает темп Юго-Восточная Азия, о разрыве говорится все меньше. Но именно отказ от жесткого

[1] Мы писали об этом: Л. Васильев, «Человек на пути к цивилизации», 1977 год, № 3.

противопоставления «Восток — Запад» делает особенно трудным поиск причин, которые привели к расхождению их исторических путей.

Присмотримся теперь к тому, как располагались центры мирового развития. Оказывается, намеченная выше закономерность — каждый новый лидер вырастает на периферии предыдущего — не завершилась с возникновением античных полисов на периферии тогдашнего цивилизованного мира. Затем центр этого мира переместился из Греции в Рим, то есть опять-таки на бывшую периферию. Еще позднее образовались феодальные государства Западной Европы, которые достигли наивысшего расцвета не на территории наиболее развитых областей Римской империи, а на северо-западной ее окраине (Северная Франция). Дальнейшее развитие в регионе осуществлялось по той же схеме: сдвигаясь все далее, к северо-западу, оно захватило Нидерланды (утверждение мануфактурного производства, первая буржуазная революция), Англию (торжество капиталистического способа производства, парламентарная демократия) и пересекло океан, чтобы в США, «на периферии Старого Света», продемонстрировать все возможности, которые открывал капитализм. О Японии можно говорить как о новом лидере на далекой периферии западной цивилизации.

Перед нами как бы эстафета прогресса, которая взяла старт на Ближнем Востоке, пересекла Западную Европу с юго-востока на северо-запад и, совершив прыжок через два океана, обогнула уже почти весь земной шар.

Иная закономерность характерна для Северо-Восточной Африки и Азии[1]. Здесь можно выделить несколько регионов — Египет, Месопотамия, Малая Азия, Иран, Индия, Китай,— в каждом из которых на протяжении тысячелетий одно за другим возникали и распадались мощные государства. Относительно неподвижные центры власти Азии противостоят перемещающимся центрам исторического развития Европы. Предположим, что именно эти особенности европейской и азиатской истории могут объяснить, почему так разошлись пути Востока и Запада.

Рассмотрим вначале европейскую «эстафету прогресса». После того как на Ближнем Востоке началось возделывание злаков, в течение нескольких тысяч лет никаких по-настоящему революционных изменений не происходило. Увеличившие свою численность неолитические земледельцы осваивали новые территории в предгорьях, сохраняя в основном прежние методы хозяйствования. Качественные изменения наступили только тогда, когда люди спустились в жаркие заболоченные, заросшие тростником речные долины. Освоение плодородных почв этих долин завершилось созданием систем искусственной ирригации. Это было тем, что на нашем языке называется «трудовым подвигом». Но еще это был и подвиг мысли, оценить который можно, лишь представив себе, насколько отличалось от рационалистического мышления современности мышление первобытное, мифологическое в своей основе, со слаборазвитой способностью к логическим рассуждениям и познанию абстрактных закономерностей. Освоение речных долин преобразило людей, его совершивших. Последовавший затем скачок в развитии был не в последнюю очередь вызван именно этим обстоятельством, ведь именно человек — главная производительная сила общества. Начиная с середины IV тысячелетия до новой эры развитие цивилизации в речных долинах Месопотамии и Египта резко ускорилось — возникла письменность, появились монументальные архитектурные сооружения, города и, наконец, государство. Так повторялось в истории неоднократно: созданная природой возможность экстентивного ведения хозяйства, например в Африке, задерживала развитие общества, интенсивный труд, например морской промысел на Крите, ускорял его. «И я не могу представить себе большего несчастья для народа, как быть брошенным на клочок земли, где природа сама производит в изобилии средства существования и пищу»,— эти слова были сказаны еще в XVIII веке.

Разумеется, техническая вооруженность голландцев, отвоевывавших свою страну от моря через тысячи лет после освоения системы бассейнового орошения в долине Нила, была выше, чем у древних египтян,— орудия медно-каменного века позволяли обрабатывать лишь мягкие почвы речных долин, для более твердых почв и лесных массивов Европы были необходимы орудия из железа. Поэтому оптимальному условию развития цивилизации, когда природа не слишком щедра, но и не чрезмерно сурова, отвечали ландшафты, которые по мере роста технических возможностей человека сдвигалась к северу.

[1] Древние цивилизации Америки, составляющие отдельную группу, здесь не рассматриваются.

Оформление одного из входов Кносского дворца

Еще один географический фактор, определявший развитие цивилизаций,— моря и соединявшие их речные пути. Средиземное море называют колыбелью европейских цивилизаций; для Северной Европы роль, во многом аналогичную роли Средиземного моря, сыграло море Балтийское[1]. *Позднее успехи мореходства выдвинули на авансцену истории Европы океанские пути. В условиях Европы путь к океану означает смещение к западу, следовательно, общее направление эстафеты на северо-запад объяснимо, если исходить из географических особенностей Европы и развития производительных сил.*

Положение Европейской России в этом смысле неблагоприятно: поверхность однообразна, береговая линия морей относительно невелика. Роль российских просторов двойственна. С одной стороны, они предопределяли экстенсивное ведение хозяйства и создание империи с ее бюрократически централизованной системой управления, с другой — освоение огромной территории «от океана до океана», это исторический подвиг. На Севере действовали энергичные и предприимчивые люди, например Строгановы, не было крепостного права, возводились оригинальные архитектурные сооружения. Характерен в этом отношении Великий Устюг, родной город землепроходцев, исследовавших берега Тихого океана.

Появление нового центра на периферии старого может иметь только одно объяснение: старый центр помогает рождению нового, вступая с ним в контакт. Очевиден и характер этого контакта — культурный обмен. Следовательно, культурные контакты — прежде всего контакты, способствующие становлению индивидуальности,— имели решающее значение не только для истории Древней Греции, но и для всей истории Европы[2].

На периферии старого центра создается как бы поле культурных влияний, в котором происходит синтез нового общества из местных и заимствованных элементов. Получив «эстафетную палочку» культуры — итог длительного развития более старого общества — молодое выигрывает во времени. Оно не должно шаг за шагом повторять весь путь, ранее уже пройденный. Вместо этого открывается возможность пройти путь в ускоренном темпе и начать свой этап эстафеты, унаследовав достижения предшественников.

Как известно, преимущество социальной эволюции, колоссально ускоряющее ее ход по сравнению с эволюцией биологической,— особый социальный механизм наследования: люди умеют фиксировать приобретенные ими знания и передавать их следующим поколениям не генетическим путем. Феномен эстафеты прогресса отвечает той же способности, но на уровне социальных организмов. При этом оказывается, что в отличие от биологической борьбы за существование менее совершенные социальные организмы не только не обречены на поражение, но и могут стать победителями — из отстающих превратиться в лидеров.

Итак, культурные импульсы извне ускоряют развитие более молодого периферийного общества. Но почему периферийное общество поднимается на качественно новую ступень, становясь лидером? Казалось бы, накопившему огромный культурный потенциал Египту было легче совершить тот величайший культурный переворот, который выпал на долю юной в ту пору Греции?

Дело в том, что с эстафетой прогресса связано еще одно явление — замедляющееся со временем развитие в старом центре, своего рода «застревание». Против утверждения нового работают психологические установки — закрепленный традициями консерватизм мышления, уверенность в незыблемости существующего строя, прочно усвоенные идеологические штампы и вся сложившаяся, отработанная структура институтов власти. И общества стареющие замедляют свой бег, достижения их культур подхватывают молодые и продолжают эстафету. Возникает вопрос: почему усваиваются только достижения, а не образ жизни старого организма вместе с соответствующими ему властными структурами и формами общественного сознания?

Историки выделяют два способа культурного обмена: непосредственное взаимодействие людей, принадлежащих разным культурам, что обычно случается при миграциях, и передача информации косвенным путем — диффузия культур. Особенно интенсивным становится культурный обмен, когда завоеватели расселяются на территории покоренного ими народа и живут в окружении новой для них культурной среды. Такой культурный обмен демонстрирует германо-романский синтез в контактной зоне вдоль границ Римской империи. Галлы, германцы и другие племена торговали с Римской империей и воевали с ней, поселялись на ее землях, служили в ее войсках и даже дали из своей среды нескольких императоров[1]. Усваивая античную культуру, варварские племена одновременно вносили и свой вклад в синтез будущего: демократические традиции, чувство принадлежности к социальной общности,— словом, то, что Н. Бердяев назвал «запахом хвойных северных лесов». Именно эта примитивная общинная демократия и стала тем противоядием, которое предохранило нарождавшееся в контактной зоне общество от деспотизма, бюрократизма и разнузданного индивидуализма последних веков империи. Ведь так же, как и государство, пройдя некоторую точку равновесия, превращает власть в силу, сковывающую общество, индивидуализм, по мере своего развития, в какой-то момент становился опасным.

В зависимости от соотношения римской и варварской компонент синтез приводил к разным результатам. Последствия этого ощущаются и в настоящее время. Оптимальный вариант сложился на северо-западе Европы, где обе компоненты как бы уравновешивали одна другую. Переход от общинной демократии к феодализму, минуя стадию античности, произошел здесь с наибольшей полнотой. На юге (Италия, Испания) преобладание «античной подосновы», сохранявшееся и после гибели империи, сдерживало развитие феодализма. Возобладало консервирующее влияние античного наследия. На севере же Европы, где римские влияния были минимальными, переход к феодализму запоздал, и долгое время сохранялись общинные пережитки.

Понятно, что культурные итоги завоеваний могут быть самыми различными: это и расширение лидирующим обществом зоны своего влияния силой оружия (завоевания Александра Македонского и синтез греческой и восточных культур в эпоху эллинизма, установление демократических режимов в Западной Германии и Японии западными державами после второй мировой войны), и захват культурного центра менее цивилизованными, но более сильными в военном отношении народами, воспринимающими более высокую культуру побежденных (образование первого болгарского государства тюркским племенем во главе с ханом Аспарухом), и образование сильного централизованного государства в борьбе с иноземными захватчиками (Россия, Испания)[1], и т. д.

Древнюю Русь эстафета прогресса обошла стороной. Тем, чем для германских племен было влияние Рима, для Руси стали контакты с Византией. Но Византия в то время сама уже была пережитком былого величия Рима, лишенным исторического будущего, и обладала многими признаками азиатского абсолютизма. Важным отличием от Западной Европы были также отсутствие общей границы с Византией и «античной подосновы» — Русь подвергалась античным влияниям (в византийском преломлении) только извне. Но, быть может, самое существенное состояло в том, что контакты Руси с Византией, «славяно-византийский синтез» начались с многовековым опозданием — в VI веке, лишь через 500 лет после походов Юлия Цезаря против галлов и германцев. Настолько же запаздало и крещение Руси. Творчески переработав византийское влияние, Русь создала во многом оригинальную культуру и стала мощным историческим центром, распространяющим свое влияние на огромные пространства Евразии. Это еще один вариант распространения культуры — без появления новых всемирно-исторических лидеров. Аналогичное движение началось после промышленной революции в Англии, когда капиталистический способ производства распространялся последовательно во Франции, Германии и России. Но еще до этого Россия подвергалась интенсивным западным влияниям в области духовной культуры, быстро сокращавшим пятисотлетнее «смещение по фазе». Об этом можно судить, например, по движению архитектурных стилей.

Первые веяния барокко русская архитектура ощутила со столетним опозданием, здания в стиле классицизма начали сооружаться во Франции и России примерно в одно время, во второй половине XVIII века.

Та же тенденция просматривается и в живописи. Современниками Симона Ушакова, лишь в XVII веке вводившего в свои иконы первые элементы реализма, были Рембрандт, Веласкес, Пуссен. Но уже Кипренскому, родившемуся через 160 лет

---

[1] Мы писали об этом: Г. Бельская «Земли вокруг моря», 1984 год, № 5.

[2] Мы писали об этом: С. Арутюнов, «Как приходит новое», 1983 год, № 10; Г. Померанц, «Никакая культура не одинока», 1989 год, № 6.

[1] На эту тему мы писали: А. Лесков, «Европа варварских полей», 1981 год, № 12.

[1] О сходстве исторических путей Испании и России читайте в «Знание — сила» А. Сирота, «Настало время сопоставить времена», 1991 год, № 6.

после Ушакова, был заказан автопортрет галереей Уффици. Таких заказов удостаивались очень немногие художники, достигшие общеевропейской известности. Пример Германии показывает, что «догоняющий» социальный организм может стать одним из ведущих. Своеобразие России как догоняющей страны, оказавшейся в стороне от основного маршрута эстафеты прогресса,— ключ к пониманию российской истории (и нынешней перестройки тоже).

Бег по кругу

С Азией дела обстоят совершенно иначе. Для нее не характерны те механизмы, благодаря которым в Европе шел обмен достижениями культуры, что, безусловно, ускоряло развитие Европы. Объяснение этому обычно видят в географических особенностях Азии. Государства первоначально образуются здесь в регионах, разделенных огромными расстояниями, высокими горами, пустынями, степями, над которыми властвуют воинственные кочевые племена скотоводов. Это, конечно, затрудняет культурный обмен между древними цивилизациями. А перепады уровней культуры между государствами и кочующими на их границах племенами так велики, что контакты между этими мирами не завершаются синтезом культур. Кочевники остаются кочевниками и продолжают быть воинственными. Превосходство в силе часто оказывается на их стороне; захватывая древние центры цивилизации, они громят их, останавливая хозяйственную жизнь. Если жизнь восстанавливалась, то бывшие кочевники становились властителями новых царств.

И здесь мы сталкиваемся с важнейшей особенностью азиатского пути: новые царства вырастают такими же бюрократическими деспотиями, как и те, что им предшествовали! Консервативные влияния прошлого проявляются в Азии в максимальной степени — остающиеся в пределах одного и того же региона азиатские центры власти не создают «эстафету прогресса».

Историю Месопотамии начинают шумерские города-государства, управлявшиеся местными династиями, затем последовательно возникают, распространяя свою власть вначале на весь Шумер, а потом и на соседние территории царства Саргонидов, Шумера и Аккада, Старовавилонское, Ашшур, Митани, касситское Вавилонское, Ассирийское, Нововавилонское и Селевкидов. Столицей Парфии и Сасанидской Персии был Ктесифон — город на Тигре, столицей Аббасидского халифата был Багдад. Этот внушительный перечень государств, созданных разными народами за пять тысяч лет, завершает Саддам Хусейн, который сравнивает себя не только со Сталиным и Гитлером, но и с нововавилонским царем Навуходоносором, разрушившим Иерусалим, и с Тиглатпаласаром, раздвинувшим до Персидского залива и Средиземного моря границы Ассирии, известной своей изощренной жестокостью по отношению к побежденным.

В городах-государствах Шумера в центре хозяйственной жизни стояли храмы. Им принадлежали земли, зернохранилища, мастерские, жрецы руководили ирригационными работами. Саргон (по преданию — выходец из народа) объединил страну, подчинил себе храмовые хозяйства и создал первую в Месопотамии абсолютную древневосточную монархию. Классическим воплощением государства этого типа было царство Шумера и Аккада (III династия Ура). В нем под контролем чиновников находились даже самые незначительные хозяйственные операции — все они тщательно фиксировались на глиняных табличках и поступали в окружные центры для составления годовых отчетов. Государство расплачивалось с чиновниками, жрецами и военачальниками натуральным довольствием — продуктами, производившимися в царских хозяйствах. На долю этих хозяйств приходилась большая часть полей страны, на них под командой надзирателей работали сведенные в отряды «подневольные люди рабского типа» (так их называют историки). Таких рабов было раз в пять больше, чем чиновников. Государство монополизировало торговлю и ремесленное производство, ввело жесткий полицейский контроль, подчинило еще недавно обладавшие самоуправлением общины и заставило общинников регулярно работать на государственных стройках. Чиновники называли себя рабами царя, царь — наместником бога на Земле и вместе с тем рабом богов. Психология рабства и приниженности перед царем и богами пронизывала все общество сверху донизу (XXI—XX вв. новой эры).

Неподвижные центры власти — это, конечно, Египет и в особенности Китай, государственность которого осуществляется в течение трех с половиной тысяч лет в рамках одного и того же этноса. Китаеведы давно уже обратили внимание, что периоды правления деспотических династий Китая образуют как бы повторяющиеся жизненные циклы: Цинь-Хань-Хоу Хань — Цзинь-Вэй-Суй-Тан-Сун-Юань-Мин-Цин — перезвоном колокольчиков сменяются империи. Смена циклов всегда означает кровавую смуту и трагедию народа. Это всегда — крестьянские восстания, вражеские нашествия, междоусобные войны. Уменьшается в несколько раз численность населения, некому убирать горы трупов, толпами бродят бездомные, города превращаются в развалины, выходят из строя оставшиеся без присмотра каналы. Порядок восстанавливают после того, как победителю в борьбе за власть удается объединить всю страну и основать новую династию. Но кем бы он ни был — властителем одного из соперничающих китайских государств (Цинь, Хоу Хань, Тан), возглавившим восстание крестьянином (Хань, Мин), полководцем (Суй, Сун) или предводителем кочевников (Цзинь, Вэй, Юань, Цин) — последующие события от этого меняются мало.

Конечно, после хаоса любой порядок представляется благом. Установив порядок, новая династия создает условия для экономического подъема. Затем государство стремится непосредственно, минуя владельцев феодального типа, подчинить себе крестьян, расширяет свою монополию на производство и продажу соли, вина, чая и других товаров. И вот уже подъем сменяется упадком, наступательные войны — оборонительными. Пустеющую казну не удается наполнить печатаньем бумажных денег, сокращения и реорганизации бюрократического аппарата не повышают его эффективность, реформы, сохраняющие корень зла — монополию государства в экономике, не в состоянии преодолеть хозяйственный застой. Деспотическая власть неумолимо ведет порабощенный ею народ к новым гибельным испытаниям, ибо социальный организм, в жизнь которого все глубже проникают государственные структуры, подобен стареющему биологическому организму.

Неудивительно, что вместо знакомого геометрического образа исторического развития — спирали — историки Китая пользуются другими — движением по кругу или «сплющенной спиралью, которая почти сливается в круг».

Две схемы

Китайская цивилизация с самого начала заметно отличалась от деспотий Месопотамии. Государство возникло на плодородных почвах речной долины, еще до создания ирригационной системы. Столь влиятельное в Шумере, особенно на ранних этапах государства, сословие жрецов в Китае отсутствовало вовсе — религиозные обряды в Древнем Китае исполнялись чиновниками, по большей части идеологической опорой китайского государства была не религия в обычном понимании этого слова, а этико-политические учения. Тем не менее азиатские деспотии с их государственными методами эксплуатации сложились и в Китае, и в Месопотамии. Как и во всей Азии, в этих регионах не было ни античности, ни вольных городов европейского феодализма — ничего, что готовило бы промышленный переворот Нового времени. Сходство в главном двух столь разных азиатских цивилизаций — это довод в пользу специфики азиатской истории, отображаемой схемой неподвижных центров власти. Но значит ли это, что между азиатской и европейской схемами нет ничего общего? Настало время вспомнить об аналогии микенских и восточных царств, о которой уже говорилось. Не напоминает ли минойско-микенский этап европейской эстафеты прогресса китайский цикл исторической жизни с его восходящей и нисходящей стадиями, вслед за которыми следует смута? В данном случае — дорийское нашествие и «темные века».

Но, может быть, микенская монархия — всего лишь случайный эпизод европейской истории? Заинтересовавшись этой проблемой, мы сразу же замечаем, что в сущности и последующая история Греции, начавшись с «темных веков» и пройдя через полисную стадию, завершается империей Александра Македонского, объединившей на время Запад и Восток. А история Древнего Рима? Для последних веков этой империи существует даже специальный термин — «ориентализация Римской империи». В конце своего существования некогда демократический Рим превратился в образцовую бюрократически централизованную империю, напоминавшую азиатские деспотии и подвергавшуюся сильным влияниям своих восточных провинций.

Племена германцев, пройдя через стадии примитивной демократии, варварских королевств и европейского феодализма, который иногда называют «демократией для феодалов», в конечном счете также пришли в некоторых странах к бюрократически централизованным государствам и колониальным империям. По Марксу, сходство испанского абсолютизма с европейскими монархиями

чисто внешнее, и он должен быть отнесен к азиатским формам правления. Наконец, капитализм, который изучал Маркс, начинался с буржуазно-демократических завоеваний и завершился государственно-монополистической стадией, тем, что Ленин называл «империализм как высшая стадия капитализма» и ошибочно, вслед за Марксом, рассматривал как последнее в истории общество, основанное на частной собственности. Современное общество западного типа, «общество потребления», сложилось после смуты первой мировой войны, революций и кризисов перепроизводства и находится сейчас в демократической стадии[1].

Под нивелирующим катком абсолютной власти отступают на второй план своеобразие этносов, различия в идеологии и уровнях развития производительных сил; националистические и классовые тоталитарные режимы XX века приобретают ужасающее сходство как между собой, так и с азиатскими деспотиями, с угасающей Римской империей и с абсолютистскими монархиями Европы, в бюрократические механизмы превращаются некогда свободно развивавшиеся социальные организмы, и история резко замедляет течение свое.

Итак, не только китайскую, но и западноевропейскую историю можно представить как последовательность периодов, каждый из которых завершает свое существование стадией чрезмерного усиления государства и империалистических завоеваний. Это — стадия вырождения, когда социальный организм так же снижает жизнеспособность общества, как уменьшает шансы своего вида на выживание хилый олень, передающий потомству свою немощь.

В роли «волков, санитаров леса» первыми в Европе выступали варварские племена дорийцев и германцев. Находившиеся на стадии примитивной демократии, они уничтожили «застрявшие» социальные организмы ахейцев и римлян. Позднее буржуазные демократии — Голландия и Англия — ускорили гибель испанского абсолютизма, в XX веке западные демократии участвовали в разгроме немецкого фашизма и японского милитаризма и выиграли экономическое соревнование со странами социализма.

На смену старому социальному организму приходит качественно новый, и на каждом этапе эстафеты достигается ощутимый прогресс. В этом — принципиальное отличие европейской схемы от китайской, где происходит лишь «омоложение» социального организма без изменения его типа, где консервативная идеология сводит прогрессивное развитие к минимуму. Различие между Западной Европой и Китаем сводится, следовательно, к величине шага спирали истории, который в Европе значительно шире, чем в Азии. Это типично для истории, ибо ее закономерности едины и лишь модифицируются местными условиями.

[1] Об отличии неокапитализма от классического капитализма писал в журнале В. Криворотов: «Утраченные альтернативы», 1990 год. №№ 2 и 3.

Между Китаем и Западной Европой

Опыт китайской истории всегда интересовал российскую прогрессивную общественность. Сходство историческое явно вытекает из частичного сходства и в географии: так же, как и Великая Китайская равнина, Восточно-Европейская равнина на юге граничит со степью и так же подвергалась нашествиям кочевников, культурные контакты в других направлениях были сильно затруднены. «Китаецентризму», убеждению в превосходстве китайцев над всеми другими народами, сложившемуся еще в те времена, когда китайская цивилизация была одиноким островом в варварском море, соответствовали концепции «Третьего Рима», уникальности русского исторического пути, который нельзя измерить «общим аршином», превосходства православия над всеми другими религиями. Конфуцианское отношение к государю как к отцу своих подданных и к государству как к высшей ценности также явственно проявлялось в русской истории. Проявилось в ней и характерное для Китая предпочтение, отдаваемое «суду по совести» перед судом по закону.

Сохранившееся в нашей стране убеждение, что альтернативой деспотическому государству может быть только смута (как в Китае), а не правовое государство (как в Западной Европе), подтверждается сменой исторических циклов не только в Китае, но и в России. После гибели Киевской Руси (первый цикл в истории России) в XIII веке и Русь, и Китай были завоеваны татаро-монголами. В Китае утвердилась монгольская династия Юань, в России в борьбе за национальное освобождение крепла власть московских самодержцев, и в молодом государстве нарастали деспотические тенденции, явно проявившиеся в терроре Ивана Грозного. Затем, после колоссального расширения пределов государства, следуют неудачные войны в Ливонии, закрепощение крестьян, вторжения иноземцев, крестьянские восстания и уход с исторической арены династии Рюриковичей. Исторический цикл заканчивается вполне китайской смутой.

Последовавший за смутным временем трехсотлетний «романовский» цикл осознавался уже в конце прошлого века как вариант азиатской деспотии. В статье, начинавшейся со слов «в России голод», Плеханов рассказывал сначала о бедственном положении крестьянина, а затем, без предварения, цитировал древнеегипетский папирус, где говорилось о том же, и смыслового разрыва не замечалось! «Все как у нас,— заключал Плеханов,— в аграрной истории Московской Руси было, к сожалению, слишком много «китайщины». Смута, погубившая империю Романовых, была неизбежна, хотя конкретное содержание этой трагедии, включая Октябрьскую революцию, конечно же, не было предопределено. Советский цикл на наших глазах завершается разрухой и межнациональными конфликтами. Интересно, что и в нем можно выделить несколько подобных «китайским» фаз: экономический подъем нэпа после смуты, нарастающее вмешательство государства в экономику, расширение зоны влияния после победоносной войны, застой, вызванный экономической неэффективностью государственной эксплуатации трудящихся, сокращение зоны влияния.

Абсолютизм власти и монополия государства в экономике — это «китайщина», обрекающая любой народ на исторически бессмысленное чередование периодов нарастания тоталитарных тенденций и кровавых разрушительных смут. К счастью, «китайский» вариант завершения надвигающейся на нас смуты еще одним «постсоветским» циклом да и сама смута вовсе не неизбежны. Географическая аналогия России и Китая лишь частична. По мере совершенствования транспортных средств и выхода России к морям ее западные границы становились все более проницаемыми для культурных обменов. Аналогичные явления были и в Китае, куда в начале нашей эры проник из Индии буддизм. Но даже это заимствование не оказало решающего влияния на духовную жизнь Китая. Напротив, культуру России нельзя себе представить без византийских, азиатских и европейских влияний. Эта способность к восприятию и творческой переработке идущих извне культурных импульсов — важнейший признак творческого потенциала общества. Особенно благоприятны для этого возможности, которые создаются современными международными средствами массовой коммуникации. Если для «эстафеты прогресса» был необходим синтез в контактной зоне, то сейчас, когда волны социальной информации стали волнами в эфире, механизм культурной диффузии превратился в дальнодействующий, и непосредственный контакт исторического центра с периферией более не является необходимостью.

Уже в XIX—XX веках Россия лидирует на отдельных направлениях развития мировой культуры. Пример тому — русская классическая литература, новые направления в живописи, связанные с именами Кандинского и Малевича, первые этапы освоения космоса. Следуя своему срединному, «евразийскому», положению между двумя частями света, Россия воплощает в своем развитии и китайский циклизм, и свойственную Европе схему ускоряющих историю культурных обменов. В этом (важнейшем!) смысле Россия — страна европейская. Из заколдованного царства циклических повторов есть выход. Найти его и вырваться на просторы общечеловеческого развития, проложив свой, неизбежно отличный от других, путь в будущее — что может быть для России грандиознее этой задачи!

Засветилось «Хлопковое дело»
Вполне управляемые термоядерные реакции
Когда план — закон!

Сверхслабое свечение у живых организмов известно давно. Вначале на него возлагали определенные надежды как на носителя некоей ценной биологической информации, которой могут обмениваться между собой отдельные клетки. Потом тот же феномен обнаружился и у неживых объектов тоже. Свечение тогда стали называть биохемилюминесценцией, поскольку, как выяснилось, в основе его лежит все-таки чисто химический механизм — при протекании химической реакции образующийся излишек свободной энергии должен куда-то деваться, вот он и высвечивается в виде кванта.

По уровню люминесценции стало возможным контролировать состояние светящегося объекта, что уже совсем немало. Однако все методы регистрации свечения до сих пор были не оптическими, а электронными — поток квантов был настолько слабым, что зафиксировать его могли только фотоэлектронные умножители. И, может быть, впервые таинственное свечение удалось заснять на фотопленку в опытах, проведенных в Институте химии и физики полимеров АН Республики Узбекистан.

Методами микрофотосъемки здесь проследили все стадии роста отдельных волосков семяпочки хлопчатника в период его цветения. И вот, если на третий день цветения волоски ничем особым не отличались, то уже к пятому дню картина резко изменилась. На микрофотографиях, сделанных в это время, четко видно, как из самого кончика волоска бьет узкий и яркий луч света. Когда ученые проанализировали строение самого волоска, то обратили внимание, что внутри по всей своей длине волосок пустой. Луч света, следовательно, формируется именно в этой длинной живой трубке, совсем наподобие того, как это происходит в оптическом квантовом генераторе — лазере.

Зачем же растению нужны эти сверхслабые световые лучи? Пока не ясно. Ученые полагают, что таким способом растение концентрирует в трубках все излишки энергии из разных клеток, чтобы затем разом выбросить их наружу.

Ядерный синтез, надежда энергетики будущего, может быть горячим, а может — и холодным. В горячем виде он пока достигается только во взрывных устройствах, и как его замедлить, сделать управляемым — не ясно. Холодный синтез вообще пока не вышел из стадии гипотез.

В связи со всеми этими обстоятельствами физики из московского Центрального НИИ химии и механики обратили внимание на естественные процессы, происходящие самопроизвольно с водородом, в том числе и с тяжелым, при его нормальном растворении в металлах. То, что водород растворяется в железе, известно хорошо. Но вот что интересно. Если железо переходит из одной кристаллической фазы в другую, а это тоже обычное дело, то такой переход одновременно влечет за собой и перепады давлений для растворенного в нем газа. А значит, и восстановление нормальных концентраций водорода будет связано с появлением высокоскоростных газовых потоков внутри куска металла. Более того, на движущейся границе фаз металла образуются еще и заряды, вызывающие появление электрических полей в сотни миллионов киловольт на сантиметр. Они создают ускорительный механизм, разгоняющий ядра водорода или дейтерия до нужных скоростей. Разогнанные «сами по себе» ядра дейтерия сталкиваются и вступают в реакцию синтеза. Что такой механизм работает, есть четкие доказательства — побочный продукт в виде свободных нейтронов действительно обнаруживается в опытах, где ученые наблюдали перекристаллизацию дейтерийсодержащих материалов.

Хорошее вещество синтезируют химики, оно называется «пропаргиловый спирт». Он предохраняет металлы от коррозии, используется в технологии получения витамина А, имеет ряд других полезных свойств. Но производство спирта еще не налажено в полной мере из-за весьма высокой пожароопасности условий его получения — большие температуры и давление ацетилена, одного из исходных продуктов синтеза. А могут ли быть безопасные параметры у этого процесса?

Иркутские ученые из Института органической химии СО РАН воспользовались «математическим планированием эксперимента», дабы, во-первых, обойтись минимальным числом весьма небезопасных опытов с гремучими смесями и, во-вторых, попытаться сразу же найти оптимальные условия для синтеза спирта. Как это можно сделать? На выход готового продукта, как определили экспериментаторы, влияют одновременно четыре фактора: температура, время синтеза, количество полимера формальдегида, второго из исходных реагентов, а также еще и скорость вращения мешалки. Конечно, можно было бы перебрать все мыслимое сочетание факторов, но тогда количество рискованных опытов возросло бы чрезмерно. А по плану так называемого дробного факторного эксперимента удалось обойтись всего восемью опытами. По их результатам легко было построить уравнение — модель, а по нему — сразу же вычислить и самое оптимальное сочетание всех условий.

А много это — восемь опытов, или мало? Экономия от такого планирования составляет ровно половину затрат — простой полный перебор всех сочетаний факторов потребовал бы уже шестнадцати опытов. Если бы факторов было больше, скажем десять, то план позволил бы найти оптимум за те же шестнадцать опытов. Они заменили бы собой в случае полного перебора более чем тысячу обычных опытов.

Доходные отходы
Высокое искусство синтеза белка
Рукотворное начало геохимической эволюции?

Из данных современной геологии можно почерпнуть новые идеи, пригодные для целей переработки органических отходов деятельности человека. В природе образование залежей угля и нефти проходило постепенно. По одной из гипотез, за миллионы лет осадочное органическое вещество — практически сплошные тела умерших организмов — преобразовывалось весьма сложным образом, в результате чего и получался самый ценный продукт — углеводороды, главная составляющая нефтепродуктов. Главную роль в тех процессах играли, как выясняется, чисто физические условия «перегонки» осадочной органики — давление и тепло земных недр. По данным московских ученых из Института геологии и разработки горючих ископаемых, большинство запасов нефти в известных месторождениях имело в древности температуры в интервале 90—150 градусов Цельсия, а также давление, которое ныне имеется на глубинах в один — пять километров. Значит ли это, что если воспроизвести подобные условия в эксперименте, то из отходов деятельности человека можно будет получить нечто вроде искусственной нефти и газа?

Цель благородная, но трудность заключается в том, что даже при самой «верхней» температуре в 150 градусов обычная гумусная органика еще не выделяет из себя углеводороды. Она остается как бы «недогретой».

Раскрытие этого «маленького секрета» далекого прошлого нашей планеты, несомненно, приблизит достижение практического результата — решения проблемы утилизации огромных масс органических отходов и превращения их в дешевые источники искусственного топлива.

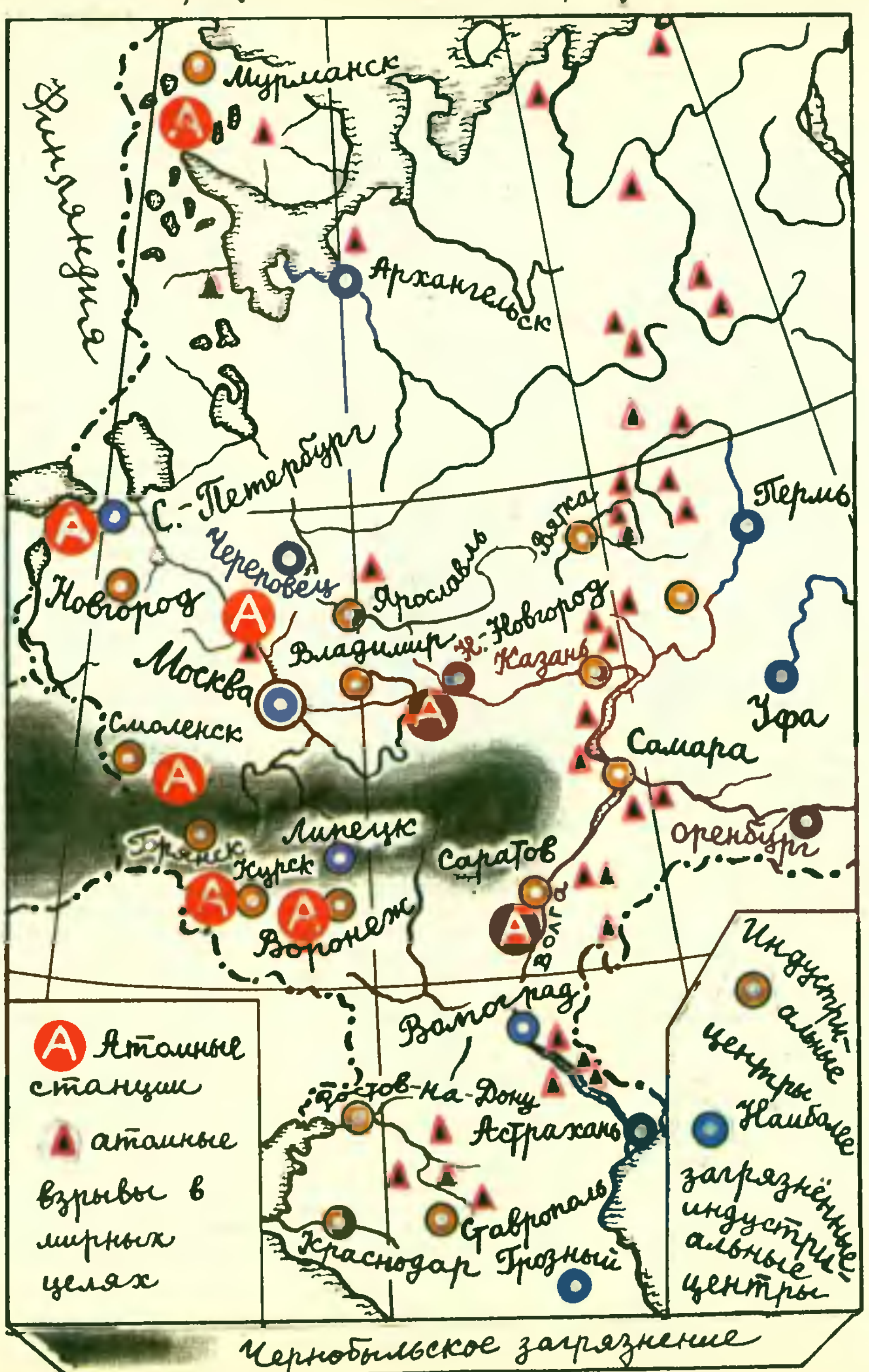
Генная инженерия может все. Мы еще не знаем, какие именно искусственно синтезируемые молекулы понадобятся на практике в будущем. Потому задача пока ставится в плане чисто принципиальном — можно или нельзя наделить «проектируемую» макромолекулу определенными физико-химическими свойствами, скажем, глобулярной формой и заданным молекулярным весом. Подобную задачу поставили перед собой сотрудники Института молекулярной биологии РАН (Москва) и Института белка РАН (Пущино). Ученые теоретически разработали модель нового белка, названного ими альбебетином. Модель включала набор обычных частей — аминокислот, но в определенной последовательности, которая и должна была бы обеспечить всей молекуле хорошую сворачиваемость в шарик — глобулу. Дальше было сложнее — потребовалось сконструировать еще и ген, который был бы способен синтезировать нужную последовательность аминокислот. Здесь, правда, ученые воспользовались известными данными о том, какие нуклеиновые кислоты соответствуют тем или иным аминокислотам при естественном синтезе в организме бактерии рода Эшерихия. Так была достигнута ясность в том, какой должен быть ген, дабы он синтезировал именно альбебетин. Нужный ген затем синтезировали весьма сложным путем из набора нуклеотидов. Далее его ввели в бесклеточную систему, приготовленную из зародышей пшеницы и содержащую все необходимые аминокислоты, и он стал там «работать». Когда со временем проверили, какие продукты образуются в реакциях в этой системе, то среди прочих обнаружили некий новый белок, по всем признакам, включая форму и вес молекул, весьма напоминающий искомый альбебетин.

Синтез искусственного белка, похоже, здесь уже состоялся.

В горах Малого Хингана, что на Дальнем Востоке, с середины прошлого столетия добывали золото. За исключением весьма редких самородков, добыча заключалась в терпеливом сборе мелких и мельчайших частиц золотого песка, для чего широко использовали амальгамацию — промывку породы ртутью. Ртуть позволяла собирать вместе рассеянные золотины, хотя и не полностью. В отработанных же отвалах вокруг россыпей и поныне встречается множество капель ртути с «плавающими» внутри вот уже более века микроскопическими частицами золота.

В последнее время эти не столь уж древние техногенные отвалы вновь привлекают внимание исследователей. Причин много — тут, по-видимому, и изучение возможности возобновления добычи драгоценного металла на новом технологическом уровне, и необходимость обеззараживания от ртути больших территорий, ну и общий естественнонаучный интерес тоже не исключен. Так или иначе, а по следам предков-золотоискателей двинулись ученые-геологи из хабаровского Института горного дела Дальневосточного отделения РАН. В результате, собрав и промыв пробы из старинных отвалов, они получили настоящую коллекцию ртутных капель, почти в каждой из которых скрывалось по три-четыре миллиметровых золотых зерна. Когда эти зерна изучили под микроскопом, то обнаружили, что за полтора столетия «жизни в капле» они изменились очень сильно.

В природе золото обычно представляет собой однородный сплав с небольшим количеством серебра. Здесь же, в капле, произошла своеобразная переплавка золотин. В них все серебро собралось в чистом виде в ядре зерна. Серебряное ядро далее оказалось заключенным в сплошную золотую оболочку. Поверх нее все это образование было покрыто еще и слоем ртути. Так, будучи однажды случайно запущенной человеком, геохимическая эволюция дальше пошла сама, и уже через какие-то сто с лишним лет дала столь необычные плоды.

Карты выполнены Ю. Сарафановым

М. Черкасова,
кандидат биологических наук,
директор Центра
независимых экологических программ
Социально-экологического союза

Три карты, три карты...

Посмотрите, в какой поучительный и даже трагический сюжет складываются три представленные здесь карты. Я их выбрала из целой «колоды» карт, на которых чего только не было изображено! Но эти три выпали, что называется, в масть, к ним, на мой взгляд, ни прибавить, ни убавить.

Первая представляет цены на землю сто лет назад на территории Европейской России. На современной карте эта территория располагается между границами Белоруссии и Украины на западе и Волгой на востоке.

Показаны регионы, где земли ценились наиболее высоко (за некоторым небольшим исключением,— к примеру, выпали из рассмотрения Кубань и Ставрополье).

Дороже всего, как видите, стоили земли в нынешних Курской и соседних с ней Орловской и Липецкой областях. За десятину (1,08 гектара) здесь платили в те времени 130 и более рублей. Замечу сразу, что речь идет о полновесных царских, обеспеченных золотом рублях.

Дорого — 60—130 рублей за десятину — давали и в таких губерниях, как Тульская, Рязанская, Воронежская, Тамбовская, Казанская. Вместе с первыми это оптимальные по климату, преимущественно лесостепные районы России с лучшими почвами, в том числе драгоценными черноземами. По площади эти земли составляли вместе с первыми относительно совсем небольшую часть Европейской России. Прикиньте по карте, получится менее десяти процентов. Но именно эти земли давали России главный хлеб, прежде всего пшеницу, который шел в северные губернии и даже в Европу.

К югу и к северу от этого самого дорогого земельного клина располагались земли подешевле — 20—60 рублей за десятину, что, впрочем, тоже немало! Это более южные и засушливые регионы, такие, как Саратовская, нынешние Волгоградская и Ростовская области. А также более северные и лесные губернии — Московская, Смоленская, Калужская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Вологодская, славившиеся продукцией животноводства.

С учетом земель первых двух категорий эти наиболее пригодные для ведения сельского хозяйства территории занимали по площади около четвертой части Европейской России. Дальше на север простираются лесные и болотистые края, где крестьянин ценой огромных усилий отвоевывал лоскутки полей под рожь, овес, лен. А еще дальше и этого уже сделать не удавалось — начинались северные таежные леса, болота и тундры. В целом же природные условия России на большей части территории, в особенности азиатской, суровы и для ведения сельского хозяйства, как правило, неблагоприятны. А потому те земли, которые из этого правила составляют исключение, показанные на нашей карте, имеют исключительную государственную и, я бы сказала, стратегическую ценность как главный источник снабжения россиян продовольствием.

А теперь посмотрим, как распорядилась советская власть этим золотым земельным фондом страны. Обратимся ко второй карте, где представлены главные городские агломерации и индустриальные центры Европейской России уже в наши дни. С первого взгляда становится ясно, что все они «столпились» именно здесь, на этих землях. Известно, что особую ненависть большевистские правители, начиная с В. И. Ленина, питали к классу собственников-крестьян, а заодно к главному их капиталу — земле. Ни в одной стране мира земля как источник существования народа не подвергалась столь чудовищным репрессиям. Именно эта оптимальная для производства продуктов питания часть России была превращена в грандиозный военно-промышленный кулак. (Аналогичная ситуация наблюдалась, кстати, и на Урале, и в Алтайском крае.) Каждый губернский город был превращен при этом в мощный промышленный центр с миллионным или около того населением, вобравшим в себя разоренное и согнанное с земли крестьянское население, преобразованное в пролетариат. Обратите внимание: из семи атомных станций Европейской России пять располагаются именно на этих землях. Причем на двух из них продолжают работать реакторы РБМК чернобыльского типа: Курская, Смоленская.

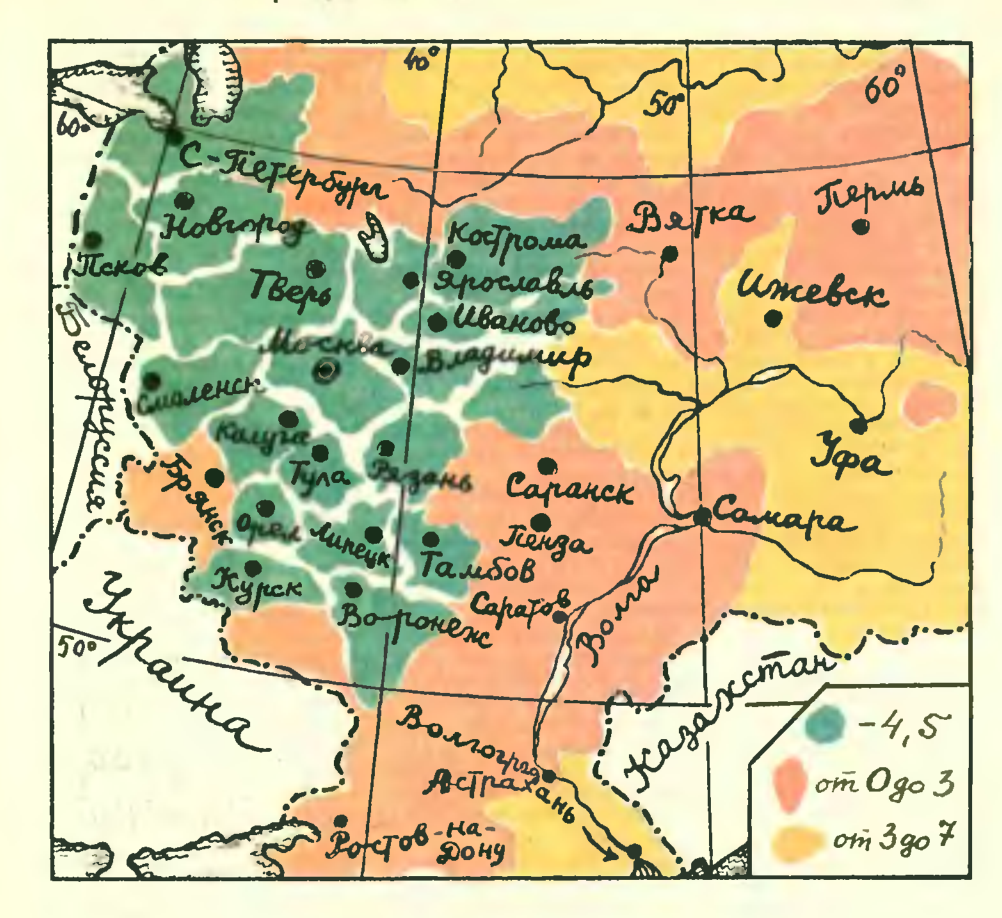
Именно здесь сосредоточены города, отличающиеся наиболее сильным промышленным загрязнением воздуха, такие, как Липецк, Саратов, Москва, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону. Список наиболее грязных городов был впервые опубликован в докладе Госкомитета СССР по охране природы «Состояние природной сре-

Цены на землю в Европейской России в 1888 году.

Цена в рублях за десятину
(десятина = 1,09 га)

Демографическая ситуация в Европейской России (1990 год)

Прирост населения на 1000 человек

ды в СССР в 1988 году». Среди иих города с хроиическим превышением предельно допустимых концентраций (ПДК) самых вредных веществ в пятьдесят и более раз. В этом докладе содержится целый ряд карт, и практически по всем видам загрязнений самые черные н обшнрные пятна приходятся имеино на эти землн. Какими только отравами их не посыпают! То же относится к загрязненню поящих их вод, наиболее загрязнены, по официальным данным, европейские реки — Волга, Днепр, Днестр, Дон, Кубань, именно в бассейнах этнх рек находятся нашн драгоценные земли. Интенсивность загрязнений как наземных, так и подземных вод колеблется, по разным показателям, до десяти и даже ста ПДК. Помнмо чудовищного загрязиения вод, нарастает их дефнцит. Как сказано в проекте Национального доклада СССР к конференции ООН 1992 года, это может привести к катастрофическому положению с обеспечением питьевого водоснабжения населения этого региона, угрожает здоровью людей. На самом деле такое положение уже наступило.

И вот итог: в прошлом плодороднейшие земли Центральиой и Южной Россни отравлены промышлениыми выбросами, удобрениями и ядохимикатами, превращеиы в свалки токсичных отходов, переуплотиены в результате примеиеиия на полях тяжелой техники, уннчтожены при открытых разработках угля, затоплены, подтоплены и иссушены в результате строительства гигантских водохранилищ, разрушены варварской мелиорацией. Добавьте сюда полигоны и абсолютно не контролируемую деятельность военного ведомства. Добавьте сюда Чернобыль.

Как нарочно, более всего пострадали от чернобыльской катастрофы опять же этн самые ценные российские земли. Масштабы катастрофы для территорни России до сих пор полиостью не ясны. В начале 1992 года в числе пораженных значились шестнадцать областей. Пять из них, в том числе Пензенская, Самарская, Саратовская, пополнили черный список в самом конце 1991 года. Тогда выяснилось, что радноактивное загрязнение распространилось далеко иа восток, достигнув Поволжья. А более всего поражена Брянская область, земли которой были среди наиболее ценившнхся. Здесь загрязнено около 6 тысяч квадратных километров, около 600 тысяч десятин. Прикннем-ка на царские рубли, что стоила эта землічка,— 6 миллионов, не менее. Более всего пострадал Новозыбковский район, где уровень загрязнения достигает 45 кюри на квадратный километр. А возле корпуса детского отделения Новозыбковской больницы было найдено пятно, загрязненность которого составнла 100 кюри на квадратный километр!

И при всем том на грязных землях ведутся сельскохозяйственные работы, жители едят все, что выращено на огородах, пьют молоко от своих коров. Неудивительно, что практически все люди, живущие на по-

раженных территориях, в той или иной степени больны. По мнению эксперта Центра независимых экологических программ Социально-экологического союза, доктора медицинских наук В. Лупандина, это особый вариант радиационного поражения организма под действием разнообразных нуклидов, содержащихся в пыли, пищевых продуктах, атмосферном воздухе. При этом сочетание даже относительно небольшого радиационного загрязнения с промышленным химическим дает особенно тяжелый эффект. По сведениям доктора Лупандина, у детей здесь найдена хроническая лучевая болезнь. Характерны для населения и нарушения репродуктивной деятельности. Первым ответом на чернобыльскую катастрофу в Новозыбковском районе стал рост мертворождений. Затем ситуация как будто нормализовалась. Но за последние пять лет вдвое возросло число преждевременных родов при общем их сокращении на 30 процентов. Возросло количество поздних токсикозов у беременных: в 1990—1991 годах оно сделалось в 6 раз выше, чем прежде! За счет недоношенности и недоразвития легочной системы растет патология новорожденных и их смертность в возрасте до 6 дней (все сведения по Новозыбкову почерпнуты из доклада В. Лупандина).

А теперь обратимся к третьей карте, характеризующей демографическую ситуацию на территории Европейской России. Обратите внимание, какой парадокс: именно исходно наиболее благоприятные для жизни регионы России, те самые наиболее ценившиеся сто лет назад земли, характеризуются наиболее тяжелой демографической ситуацией. Именно в средней и южной России ежегодно на каждую тысячу человек умирает на несколько человек больше, чем родится, прирост населения имеет здесь отрицательную величину: от 0 до —4,5 (по статистическим показателям 1990 года). На большей же части Европейской России, как видно из карты, прирост составляет от 0 до трех человек.

Такое положение дел в иных обстоятельствах могло бы даже радовать. В условиях общепланетарного демографического взрыва многие страны из кожи вон лезут, чтобы достигнуть подобного эффекта. Какие только законы не изобретают, что за дорогостоящую просветительскую работу ведут, не говоря уже о самых современных противозачаточных средствах! А население знай себе растет, не взирая ни на что! У нас же — никаких усилий, пустота в аптеках, даже льготы для многодетных — и какой результат! Вот это-то и пугает. На мой взгляд, налицо самое что ни на есть натуральное вымирание российского населения, определенных его популяций. Тот самый процесс, который я хорошо знаю по Красной книге, хотя речь там идет о животных и растениях.

Человека совсем не обязательно убивать пулей или бомбой. Достаточно сделать непригодной для жизни среду обитания, отравить воду, воздух, пищу — и он, как и любой вид живого, вымрет тихо и незаметно. На примере Европейской России это проявляется особенно наглядно. Геноцид посредством экоцида — разрушения жизненной среды — так называю я то, что происходит сейчас в моей стране. Экоцид поразил всю планету, однако в одних странах эта гибельная для всего человечества болезнь находится в начале, тогда как в России и других странах бывшего Союза — уже в критической стадии. Но если установившийся порядок сохранится, если у кормила власти по-прежнему останутся утратившие инстинкт сохранения рода политики, технократы, военные,— у нас нет будущего. Как бы ни декларировали они приоритет экологии, как это происходило недавно в Рио-де-Жанейро, практика показывает прямо противоположное: на экологию и, следовательно, на здоровье, жизнь сограждан им на самом деле наплевать.

Немного о том, откуда эти три карты взялись. В начале 1992 года австрийская неправительственная организация «Глобал-2000» предложила Центру независимых экологических программ подготовить доклад об экологической ситуации в Европейской России. Такие же заказы получили неправительственные организации Украины, Белоруссии, прибалтийских стран. Доклады предназначались для намеченной на конец года конференции неправительственных организаций «Экологическая реконструкция Центральной и Восточной Европы». К этому докладу группой социально-экологического картирования под руководством кандидата технических наук Р. Веденеевой и были сделаны эти карты.

Что же из этих трех карт следует? Если Россия в самом деле хочет есть свой хлеб, требуется немедленное выделение наиболее перспективных и чудом уцелевших до наших дней земель золотого фонда в особую категорию абсолютно неприкосновенных, предназначенных исключительно для получения продовольствия. Они должны быть раз и навсегда исключены из промышленной сферы, и никакие ведомства, сверхатомные или сверхсекретные, не должны на эти земли притязать. И второе. Необходима немедленная программа, нацеленная на возрождение физического здоровья российского народа, прежде всего в самых богатых раньше российских регионах, где, как свидетельствует третья карта, людей теперь умирает больше, чем родится.

Карты предупреждают: опомнитесь, люди! ●

«Столько общего, сколько возможно; столько специфического, сколько необходимо...»

Таким должно быть законодательство, обеспечивающее экономические реформы, считает юрист Юрген ВОСС, представитель Европейского экономического сообщества.

Слова «гуманитарная помощь» заставляют нервно вздрагивать и мгновенно вызывают в воображении пачки сухого молока и банки с тушенкой. Оказывается, западные специалисты называют гуманитарной помощью и нечто иное, например работу только что созданной группы юристов из Европейского экономического сообщества, которая вместе с нашими юристами будет выстраивать систему законодательного обеспечения экономических реформ в республиках СНГ. Знаменательно, что первыми участниками этой работы с нашей стороны стали представители России — академик А. Гранберг, и Украины — председатель ВС В. Гринев; очевидно, скоро к ним присоединятся и посланцы других республик.

А пока специалисты Европейского банка реконструкции и развития и Международного центра законопроектной экспертизы провели в Москве совместно с нашими специалистами конференцию на тему «Концентрация экспертной помощи суверенным государствам: сотрудничество в сфере экономического законодательства». Организатором ее была Академия народного хозяйства (при поддержке Конгресса российских деловых кругов, гильдии парламентских журналистов и московского «Технобанка»), а спонсорами — фонд делового сотрудничества «Восток — Запад», Центр социально-экономических исследований, СП «Вест-Кросс», СП «Международные адвокаты», адвокатская фирма «Московские юристы».

Конференция, как водится, закончилась пресс-конференцией, на которой журналисты осаждали западных экспертов прямыми и бесхитростными вопросами типа: «Когда, как вы считаете, закончится самый тяжелый переходный период?»; «Российская программа приватизации, как известно, страдает многими слабостями; а московская?»; «Литва, как известно, ушла далеко вперед в экономических реформах — годятся ли для нее законы, пригодные для Средней Азии?»; «Какое впечатление произвела на вас юридическая безграмотность наших парламентариев?».

Зарубежные гости вовсю упражнялись в искусстве уклонения от ответов на такие вопросы и время от времени призывали журналистов проникнуться идеей общности экономических задач всех республик СНГ и не требовать от собственных парламентариев слишком многого. Между тем, лавируя между неудобными вопросами, они рассказали действительно интересные вещи. Настолько интересные, что мы решили продолжить разговор с одним из активных участников конференции, Генеральным директором комиссии Европейских сообществ, юристом ЮРГЕНОМ ВОССОМ.

Концепции — дело политиков, а наше — чтобы законы работали

— Ваши законы в экономической сфере долгое время создавались исключительно экономистами. Это для нас удивительно, в нашей практике так не принято. 20—30 процентов любой экономической реформы обеспечивают юристы. Я принимал участие в подобной работе для Восточной Германии; в группе из пятисот специалистов триста были юристами — это нормально.

Юристы не придумывают концепцию таких реформ. Более того, даже не экономисты решают, какой ей быть. Решение принадлежит политикам. Прежде всего они должны определиться, хотят ли рынка, допускают ли существование частной собственности. Наше дело, дело юристов,— чтобы это решение и экономическая концепция получила ясное, однозначное и пригодное для работы отражение в законах. Но без этого никакая реформа не возможна.

Такие законы имеют, наверное, какое-то идеологическое значение, с их помощью правительство как бы объявляет своему народу и миру о намерении проводить реформы и в каком именно направлении. Но вообще-то законы для этого не предназначены. Для этого политику достаточно произнести речь в парламенте или по телевидению.

Законы могут дать человеку ощущение безопасности в делах, предсказуемости разных ситуаций, определенности его экономического положения, прав и обязанностей. Это фундамент доверия не только к структурам власти, но и к любым экономическим структурам, без которого не будет никакой самостоятельной экономической деятельности. Не будет никаких инвестиций — кто вложит деньги в дело, которое в любой момент может быть ликвидировано, или отобрано у вас, или неожиданно обложено таким налогом, что теряется всякий смысл? Кто будет производить товары и услуги, если в любой момент вам могут приказать, по какой цене их продавать, или постоянно меняются правила поставки сырья, и никакой договор нельзя считать определяющим условия на известный вам срок? И самое главное — никто не знает, что принадлежит ему лично, что может принадлежать, а что не может ни при каких обстоятельствах. Как же заниматься бизнесом?

Мы анализировали советские законы, принятые в последние годы в сфере экономики. Они полны самых благих намерений и прогрессивных идей, но ни с одним из них нельзя обратиться в суд, потому что судья не сможет определить, было ли допущено нарушение, в чем именно оно состоит и какие санкции должны быть на него ответом. Еще хуже: ни от одного чиновника нельзя требовать, чтобы он, руководствуясь этими законами, действовал предсказуемо и последовательно.

Классический пример — принятая в 1990 году поправка к Конституции о собственности на естественные ресурсы: земля и ее недра принадлежат населению, которое живет на данной территории. Понять, что именно надо считать «данной» территорией и кто именно представляет право на нее «населения», юрист может только с помощью Дельфийского оракула.

Некоторые положения союзного закона о собственности имели прямое действие, то есть ими сразу можно руководствоваться в практике, с ними можно идти в суд. Другие положения этого же закона представляли собой лишь подход к дальнейшей разработке документов прямого действия — всяких дополнительных актов, инструкций и так далее. Причем нигде не определено, какие именно положения прямого действия, а какие — нет. Очевидно, это когда-нибудь потом будут определять чиновники, на свое усмотрение. Это значит — смысл закона затемнен, что по отношению к собственности совершенно недопустимо. Честно говоря, лично я при таком законе не стал бы покупать ничего серьезного — неизвестно, что с моей собственностью будет дальше, да и вообще, моя ли она.

Знакомился я и с программой Шаталина — Явлинского «500 дней», со всем пакетом их законопроектов. Знаете, то же самое впечатление: много хороших намерений и никакой юридической проработки.

Союзные законы теперь вообще не действуют. А республики спешно принимают разрозненные законы на потребу дня. Они испытывают некую экономическую потребность — и тут же отвечают на нее законом. О социальном обеспечении. О банках.

О трудовом праве. К сожалению, ни один из них не может стать применимым, потому что изолированный закон не работает. Нельзя сначала принимать закон о ценных бумагах, а потом — о предприятиях, можно только наоборот. Нельзя принимать закон о кооперации, пока не принят закон о контрактах, о договорах.

Конечно, есть и такая точка зрения: у нас нет времени разрабатывать идеальную законодательную систему, мы не можем жить в правовом вакууме. Примем сейчас самые необходимые законы краткого действия, на год-полтора, а тем временем постепенно создадим серьезную правовую основу будущего законодательства. Тут есть своя правда. Истина, наверное, как всегда, в разумном балансе между сверхнеобходимым и долговременным. Но в любом случае и спешно принятый закон должен работать, иначе зачем его принимать? Значит, определенных правил все-таки надо придерживаться.

Есть несколько фундаментальных законов, без которых никакие другие работать не будут. О собственности, например. О контрактах. Остальные к ним восходят и должны звучать в той же терминологии. На Западе каждый новый закон перед принятием проходит процедуру проверки на совместимость с уже действующими.

Совместимость каждого нового закона предварительно надо бы проверять и по горизонтали, и по вертикали. По вертикали — соотносить его с фундаментальным законом, который новое положение развивает, распространяет на иные сферы экономической деятельности. Чтобы юридическая мысль двигалась в одном генеральном направлении и оформлялась одними терминами. А по горизонтали — проверять на совместимость с другими законами «того же ранга», уже принятыми.

Вот приняли закон об иностранных инвестициях, разрешающий свободно вывозить из страны всю прибыль. Бурное оживление среди западных бизнесменов, все в восторге. Но днем позже был принят еще один закон: на ввозе иностранный предприниматель обязан обменять валюту по курсу 1:1,7, а на вывозе — по коммерческому курсу. Может, просто не надо было первый закон принимать, чтобы хоть люди не смеялись?

Не тот закон лучше, который хорош, а тот, который применим

— Но это только часть проблемы, и даже не самая сложная, пожалуй. В мире создано множество прекрасных рыночных законов, они объединены в системы разного типа — более ориентированные на рынок, на динамизм экономического развития, или более ориентированные на социальную защиту людей. Казалось бы, выбирай на вкус, и все прекрасно. Однако есть еще процедурное обеспечение законодательства, вещь очень дорогая, требующая развитой юридической инфраструктуры. Без нее самые лучшие законы повиснут в воздухе, применить их на практике не будет никакой возможности.

Например, на развитом рынке ценных бумаг есть такая проблема: перед тем как пустить особо выгодные акции в свободную продажу, компании сначала распространяют их среди «своих» людей, близких компании или зачем-то ей нужных. Это явное нарушение правил свободной конкуренции, и в США оно строго пресекается. Есть специальный закон, который предусматривает серьезные санкции за такого рода «привилегированное распределение».

В ФРГ, где происходит то же самое, решили принять такой же закон. И возразить против этого вроде бы нечего: в США он работает достаточно эффективно. Но в восьмидесятые годы, когда меня привлекли в качестве эксперта к обсуждению этого закона, я выступил против него. И, кажется, его не приняли до сих пор.

Дело в том, что в США существует хорошо налаженная система контроля за такого рода операциями. Там вообще очень сильная служба финансовой и экономической инспекции, мощная налоговая служба, в ней занято множество людей — хороших специалистов своего дела и оплачиваемых так высоко, что у них нет соблазна поощрять какие-то махинации. В ФРГ подобная служба гораздо меньше, и у государства нет возможности раздуть ее до американских стандартов и снабдить всем необходимым. То есть возможности такие, наверное, нашлись бы, но это значит отвлекать средства от чего-то другого, более важного.

А Восточная Германия? У нее-то с новым законодательством никаких хлопот не было — на ее территорию были распространены законы ФРГ, хорошо отработанные, опробованные; она просто включалась в уже имеющуюся юридическую систему. И что?

Первое время Восточная Германия превратилась в рай — никто не платил налогов! Некому было ни их собирать, ни сосчитать, каковы они должны быть для каждого. Нет судей, которые могли бы принимать решения на основе законодательства ФРГ. Нет администраторов, которые умели бы руководствоваться этим законодательством в своей практической деятельности. Там до сих пор бьются над решением этой проблемы и долго еще будут биться. Тысячам профессоров дают льготные условия, двойную зарплату, чтобы они согласились ехать в Восточную Германию для подготовки и переподготовки кадров.

Закон можно принять за один день. Даже час. А создать инфраструктуру для его применения? Обучить не только кадры, но и всех граждан, как этим законом пользоваться? Сколько на это надо времени?

Когда я работал в Международном банке, в Совет директоров специалисты представили проект закона о развитии частного сектора экономики в третьем мире, для развивающихся стран. Его создавали лучшие эксперты, и сам проект был прекрасен во всех отношениях. Знаете, на обсуждении один из директоров сказал: «Это великолепно! Это все равно что построить Уолл Стрит в Тимбукту».

Это символическое законодательство. Символ прекрасных намерений — не больше.

Ваш налог на добавочную стоимость предполагает очень сложную процедуру исчисления. В ваших условиях он может определяться только по зафиксированным продажам. Но тогда это совсем другой налог — на продажу. Так вводите налог на продажу и именно так его и называйте...

Завтра вы разрешите продавать и покупать землю. А где кадастр земель?

Вы не настолько уникальны, как вам кажется

— То есть, конечно, всякая страна уникальна — и вы тоже. Но утверждать, что до вас никто на свете не проходил путь от административно-командной системы к рыночной, было бы слишком большой натяжкой. Я говорю прежде всего об экономике.

Страны Азии, Африки, Латинской Америки тоже переходили от командной системы к рынку. Программа приватизации, которую мы сейчас трансформируем для ваших условий, была создана для стран Латинской Америки. Во всех развивающихся странах государство играет решающую роль в экономике — та же командная система.

Но для многих развивающихся стран проблемы связаны совсем не с юридическим обеспечением экономических реформ — законодательство-то у них чаще всего есть, прямо заимствованное у промышленно развитых стран. У них нет другого — самой экономики; у них нет богатых ресурсов, которые могли бы привлечь западных инвесторов; у них, как правило, маленькая территория, не представляющая никакого интереса для деловых людей Запада. Ваше положение совсем иное. У вас очень здоровая основа для развития экономики: богатейшие природные ресурсы, образованное население, благоприятная демографическая ситуация (если не говорить о Средней Азии). Во многих странах Африки и Азии, как и в ваших среднеазиатских республиках, скверное состояние экономики усугубляется постоянным ростом населения — в остальных бывших республиках СССР этого нет. Россия может стать развитой в экономическом отношении страной, у нее есть к тому все предпосылки.

Пожалуй, вернее всего сравнить Россию с Аргентиной. В тридцатые годы она была на шестом месте в мире по доходам на душу населения, самая развитая страна Латинской Америки. Население — 28 миллионов человек, а территория в семь раз превышает территорию Западной Европы. Очень образованное население. В сороковых годах перонисты-социалисты ввергли страну в стагфляцию, рыночные отношения были почти свернуты, воцарилась командная система и государственное распределение. А ведь Аргентина должна была стать богаче США, если измерять богатство нации ее обеспеченностью природными ресурсами.

Но здоровый фундамент экономики все же сохранился, рыночная инфраструктура не была уничтожена полностью. Теперь Аргентина реконструирует ее. Сейчас там идет массированная приватизация, в частные руки перешли уже и авиасвязь, и телекоммуникации. Заминка — с железными дорогами: если их полностью приватизировать, наиболее глухие места страны могут оказаться отрезанными от мира — железнодорожная связь с ними убыточна.

Если же искать сравнения в Восточной Европе, я бы сказал, что вам ближе всего Польша. Не Венгрия — она начала реформы намного раньше вас,— а именно Польша. Для вас может быть исключительно важен и интересен опыт польской «шоковой терапии»; этот опыт еще далеко не закончен, и пока трудно сказать, каковы именно будут его результаты.

А вообще перед вами стоят те же проблемы, что и перед всеми странами, уходящими от командно-административной системы, от гипертрофированной роли государства в экономике. Проблема собственности. Проблема создания юридического фундамента и всей инфраструктуры рынка. Проблема привлечения иностранных инвесторов — они вам сегодня необходимы, как воздух.

Только ведь и стимулировать инвестиции надо продуманно. Вот вы освобождаете иностранные фирмы, вкладывающие сюда средства, от налогов на первые год — три года. Стимул? Да ничего подобного! По правилам, принятым во всем мире, прибыль любой фирмы не облагается налогом дважды, но один раз — обязательно. Если вы не взяли налог с американской, например, кампании за полученную у вас прибыль, то она все равно этот налог заплатит, только у себя, в США. Вы просто дарите американскому государству деньги, и больше ничего: самой фирме все равно, кому платить налоги.

В чем на самом деле заинтересованы иностранные инвесторы? В том, чтобы получать прибыль в свободно конвертируемой валюте и иметь право ее вывозить. Пока предложение реинвестировать прибыль здесь же, вкладывать ее в расширение дела или в новое предприятие — стимул сомнительный: для этого нужны твердые гарантии на будущее, и политические, и экономические, и юридические. С гарантиями у вас пока дела обстоят неважно.

Можно и сейчас привлечь иностранный капитал в заведомо выгодные сферы производства, прежде всего связанные с энергоносителями. Но инвесторы пойдут на это при известных гарантиях и при обязательном условии практически полной изоляции от остальной экономики страны. Такие проекты осуществляются в Анголе, в Нигерии — у них есть нефтяные месторождения. Образуется такой совершенно самостоятельный анклав, государство в государстве: иностранные фирмы ввозят абсолютно все необходимое для производства, включая работников, живут по своим законам и только платят налоги, больше ничем с принимающей их страной не связаны. Такой способ пополнения казны, я думаю, вам стоит использовать тоже. Одной из задач нашей экспертной группы будет создание такого рода проектов в вашей энергетике, в добыче нефти. Конечно, если 30—40 процентов вашей нефти просто пропадает при разработках, лучше доверить это дело иностранцам и получить, например, половину — вам же прибыль.

Выбор — всегда риск

— Я говорил уже о самых общих, необходимых и неотменимых для рынка принципах, которые принимало любое государство, если оно действительно собиралось переходить к рыночной экономике. Законы, выражающие и закрепляющие эти принципы, одни и те же во всех странах. В конечном итоге их суть сводится к защите индивидуального предпринимателя перед лицом власти, государства.

Это несущие конструкции рыночной системы, ее каркас. А внутри него каждая страна строит рынок по-своему. Есть огромные различия и в законодательстве в сфере экономики, и, соответственно, в экономической практике, и в самих принципах построения отношений между, например, работниками и нанимателями в степени и самом содержании социальных гарантий.

Во всем этом разнообразии, однако, ясно прослеживаются две основные тенденции, прямо противоположные, которые ярче всего представлены в законодательстве и практике таких стран, как США и Бразилия, с одной стороны, а с другой — скандинавские страны, прежде всего Швеция.

Если в законах об обращении ценных бумаг, например, США могут быть образцом для всех, то об их трудовом законодательстве этого никак нельзя сказать. Защита безопасности труда, ответственность работодателя за здоровье своих работников — это там на очень высоком уровне. На таком, что для развитых стран Европы такие обязательства брать на себя неподъемно, да и самой Америке не так легко с этим справиться на практике. А вот гарантий от внезапных увольнений в Европе намного больше.

В Сан-Франциско, в Санта Монике, в парках всей Калифорнии полно бездомных. На самом-то деле их не так уж много, один-два миллиона на всю Америку, но выглядит это вполне дико. Такого не увидишь ни в Германии, ни в Швейцарии.

Конечно, в Калифорнии прекрасный климат и бездомному не грозит смерть от холода. От голода в Америке тоже не умрешь, там избыток дешевой пищи. Иначе говоря, иметь бездомных может себе позволить только страна с мощной экономикой, чтобы при этом часть населения просто не вымерла. В богатой стране всегда меньше обделенных, и они меньше обделены.

Например, в Бразилии, которая придерживается того же курса в трудовых отношениях, последствия куда хуже. Социальных гарантий в Бразилии — лишь самый необходимый минимум, да и тот воспринимается государством как обуза. Юг страны очень развит по американским стандартам, но множество людей почти умирает от голода. Это — плата страны за прыжок в экономике.

В классическом капитализме вообще не было понятия прав трудящихся, особых прав по сравнению с работодателем. Они полностью равноправны. Тебя не устраивают условия найма — уходи. Ты перестал устраивать хозяина — тот имеет право тебя уволить. Оттуда идут традиции американского трудового законодательства. В Европе — несколько иное, я бы сказал, социально-рыночное хозяйство, над чем так талантливо издевался певец классического капитализма и чистого рынка Хаек.

Но чистого рынка в природе не существует, как идеального газа или любой другой теоретической конструкции. Даже классический капитализм — и тем более его современный вариант в США и в Бразилии — на практике должны были считаться и считаются с тем, что людям необходим хотя бы минимум социальной защищенности.

Вместе с тем излишнее угнетение рыночных механизмов в пользу государственного распределения и социальных гарантий уничтожает динамизм экономической жизни, ввергает страну в экономическую стагнацию. Так произошло в Швеции. До последних выборов она была классическим образцом государства максимально полных социальных гарантий. Эта скандинавская модель хозяйства: минимум рынка, только чтобы поддержать экономику на приемлемом уровне, как показала практика, себя не оправдывает. Это две крайности, и европейские страны — Германия, Франция, Швейцария — постоянно балансируют между ними.

Настоящее искусство — такая балансировка. Любое решение связано с риском, любое вызывает вопросы и претензии с противоположной стороны.

Европейские страны балансируют, опираясь на развитые рыночные структуры и на развитые структуры гражданского общества. Но и вам придется балансировать, и каждое ваше решение связано с еще большим риском.

Если выбрать американо-бразильскую модель хозяйства — у вас, при вашем климате и с вашим недостатком продовольствия, 10—20 миллионов людей окажутся на улице. И будут погибать. Принести в жертву возрождению целое поколение? Даже при максимальной экономической эффективности такой вариант в чистом виде, наверное, неприемлем.

Но мы смотрели первую программу реформ правительства Николая Рыжкова. Так там, пожалуй, одна только социальная защита трудящихся. Так никакие реформы не пойдут.

Баланс необходим. Приватизация: одна крайность — всю государственную собственность продавать на аукционах, другая — все раздать бесплатно. Инвестиции: можно продавать иностранцам собственность по рыночному курсу рубля, и тогда я на свою профессорскую зарплату могу здесь купить отель. И можно требовать предварительного обмена по курсу доллар — 1 рубль 60 копеек, и тогда ни один иностранец ничего здесь не купит. Так во всем. И любое решение — риск.

Но, повторюсь, такого рода содержательные решения принимают политики и экономисты. Наша же задача, западных юристов,— помочь вам оформить эти решения в стройную, внутренне непротиворечивую и, главное, пригодную к непосредственному использованию систему законов. Конечно, философы скажут, что законы есть отражение национального духа, национальных традиций. И в этом есть правда. Половина правды или даже меньше. Сейчас многие бывшие республики СССР считают, что своеобразие принятых ими законов — показатель их суверенитета. Свой флаг поднять легко и дешево. Ввести свою валюту — уже целое дело и весьма дорогое предприятие. Ввести свои, особые законы — это уничтожить не только единое экономическое пространство, но и вообще возможность сотрудничать.

Фундаментальные рыночные законы — вроде правил уличного движения. Унифицированные технические стандарты, без которых невозможно вести хозяйство — и почти никакой философии.

Почти. ●

Разговор с юристом, представляющим на конференции Европейское экономическое сообщество, дополняет интервью, взятое нашим корреспондентом у одного из организаторов конференции, председателя Международного центра законопроектной экспертизы Игоря Юрьевича Жигарева.

Вам очень нужен юрист, даже если вы об этом не знаете

— Европейское экономическое сообщество выделило 400 миллионов экю на техническую помощь СНГ, в том числе на создание нового экономического законодательства. Уже год эти деньги лежат без движения: нет хорошо разработанных программ, под которые их стоило бы выделять.

Но гораздо серьезнее другое: ни один здравомыслящий западный бизнесмен не будет вкладывать деньги в наше производство без определенных юридических гарантий.

— *Такие гарантии нужны только западным бизнесменам? А нашим?*

— Наши предприниматели пока ощущают их необходимость не с такой остротой. Я сужу по тому, насколько они готовы финансировать деятельность юристов — разработку системы законов, обучение судей, юридическую экспертизу. Пока на это у них денег не находится. Они только пытаются влиять на принятие какого-то определенного закона. Каких-нибудь полгода назад их вера в государство была такова, что и это оставляло их равнодушными.

— *Может быть, четкое, систематизированное законодательство в сфере экономики им не вполне выгодно? Ведь любой закон закрепляет не только права тех же предпринимателей, но и их обязанности: перед государством, друг перед другом, перед потребителями их продукции. Не соблазнительнее ли действовать по принципу «схватил и убежал» — и никакого закона?*

— Поначалу многим это кажется соблазнительным. Но только поначалу. Возьмите любой более или менее развитый бизнес, ну, торговлю компьютерами например. Сферы влияния фактически уже поделены между наиболее мощными группами. Что дальше? Дальше надо договариваться между собой, иначе всякая деятельность становится непредсказуемой, а так дела не делаются. Понимаете, бизнесмен с бизнесменом могут договариваться сколько угодно, но когда придет момент подписывать бумаги, за стол сядут юристы.

— *По законодательной обеспеченности экономических реформ все республики бывшего СССР находятся примерно в равном положении: все остро в нем нуждаются. Юристы — не политики, им нечего делить. Почему бы им не соединить усилия?*

— Как и все другие специалисты, юристы в рамках бывшего СССР работали в пирамидальной структуре: их связи уходили наверх и очень слабо были развиты связи горизонтальные. Теперь же, когда границы между республиками одной страны превратились в государственные границы, дело еще больше осложняется. И все-таки одна из задач, которую мы поставили перед нашим Международным центром законопроектной экспертизы,— как раз попытка объединить юристов всех республик в работе над проектами законов в экономической сфере и в экспертизе уже имеющихся проектов.

Но координировать надо бы усилия не только наших, а и западных юристов, которые взялись помогать нам создавать новое «законодательство реформ». Юридические фирмы разных стран стали соревноваться за такие заказы, то есть началась обычная конкуренция, как в любой сфере бизнеса. Но в нашем случае это все-таки не самый эффективный способ работы, особенно когда подходит время приниматься за саму работу.

— *Я что-то никак не пойму: мы с самого начала реформ принимали законы без всякой юридической проработки и до сих пор так принимаем? То есть законодательная деятельность идет вовсю, а кто-то только собирается помочь нам строить ее правильно?*

— Не совсем так, конечно. Сначала, действительно, законы для экономических реформ выдвигались и прорабатывались исключительно экономистами, что повергло западных экспертов в немалое изумление. Позже правительство начало привлекать к работе над проектами законов юристов — и наших, и западных.

Практически все крупные правовые реформы в истории человечества так или иначе связаны с рецепцией — заимствованием — опыта более развитой правовой культуры, начиная с римских Законов XII таблиц. Контакты и сотрудничество с нашими западными коллегами очень плодотворны и поучительны, особенно на нынешнем этапе. Но опыт работы экспертных групп, в которые входят западные юристы высокого класса, показывает, что у наших коллег, как, наверное, у всех профессионалов, есть склонность прибегать к хорошо апробированным, «классическим» рецептам. Они прекрасно себя оправдывают, например, в США или в Нидерландах. Однако наши условия достаточно своеобразны, и калька западных законов может оказаться совершенно неэффективной.

Значит, надо работать вместе. Но тут серьезнейшая проблема: у нас очень мало высококвалифицированных специалистов. Если судить по результатам конкурса, проведенного фондом «Культурная инициатива», в Москве наберется не более двухсот таких юристов, хорошо владеющих английским языком. Вряд ли ситуация лучше в других городах и столицах. И до сих пор у нас не преподается и даже не разработано ни одного сколько-нибудь полного курса предпринимательского права. Профессиональный успех юриста в этой сфере,— как правило, итог самообразования и практики.

Но и тех специалистов, что есть, заказчикам приходится искать, и найти их трудно — тут другой аспект проблемы, связанный с отсутствием гражданского общества. У нас обычно о гражданском обществе вспоминают, когда речь идет о политике: на кого, на какие общественные структуры можно опереться, чтобы не допустить возврата к тоталитаризму, противостоять межнациональным распрям и так далее. Я о другом. Профессиональные сообщества, независимые от государства, живущие по своим внутренним законам,— тоже неотъемлемая и очень важная часть гражданского общества. Известный социолог Мертон формулировал целый ряд правил («этос»), которые формируют и оберегают от вырождения профессиональные сообщества в науке. Так вот, «юридический этос» у нас не сложился. Нет системы неформальных статусов, нет общественной репутации юриста, признанной и гарантированной всем сообществом.

В результате правительство просто не знает, кто из юристов может лучше сделать ту или иную работу. Его выбор во многом случаен. Еще хуже положение предпринимателей, которые все чаще будут нуждаться в услугах хорошего юриста. В подземных переходах и у метро на лотках всякие юридические пособия расхватывают, как горячие пирожки. Часто багаж юриста, предлагающего услуги бизнесменам, умещается в одну такую книжку.

В США есть независимая — не государственная — организация: Институт американского права. Раз в год на сессию съезжается юридическая элита страны. Здесь обсуждают, какие бреши обнаружились в законодательстве, создают модельные законы — стандарт для всех штатов. И мнение элиты ценится очень высоко, к нему прислушиваются все практики и политики. Принципиально, что организация эта независимая, такая экспертиза — сама по себе ценность.

— *Эту брешь в нашей жизни вы и пытаетесь закрыть своим независимым центром? Как он вообще появился?*

— Все началось с того, что группу наших юристов отправили в американские юридические фирмы на стажировку. В этой группе был адвокат П. Д. Баренбойм, ему предстояло работать в одной знаменитой адвокатской фирме «Чадборн и Парк». За время своей стажировки он создал две международные группы экспертов и консультантов. Одна разрабатывала рекомендации, как создать в СССР законодательство о ценных бумагах и фондовых биржах, другая — о банках. Тогда еще был Советский Союз, был

единый рынок, представлявший несомненный интерес для западных фирм.

Конечно, американские юристы приходили на эти постоянно действующие семинары не из-за абстрактных интересов западного бизнеса. Они приходили и работали — заметьте, совершенно бесплатно и действительно постоянно — из своих собственных интересов. Во-первых, чисто профессиональных: все они так или иначе были связаны с изучением нашей экономики, нашего законодательства, наших проблем. Петр Баренбойм привлек к этому делу и других советских стажеров, так что семинары эти были для специалистов источником новейшей информации. Потом, конечно, как подлинных профессионалов их увлекал сам процесс разработки рекомендаций для наших сложных и весьма специфичных условий. Ну и, наконец, многие из них прекрасно понимали, что спрос на юристов, разбирающихся в наших реалиях, которым есть что предложить в создании нового законодательства, в ближайшее время возрастет. И не ошиблись.

Но тогда они работали «в стол», на чистом энтузиазме — заказчика на их проекты не было. Потом мы решили воссоздать эти группы зарубежных экспертов при палате Совета Союза ВС СССР — тогда вовсю шла война республиканских законов, и всем она порядком надоела.

Поработать мы на новой основе не успели — Союз распался. А из этой идеи родился наш Международный центр законопроектной экспертизы. Подчеркну: организация независимая.

У нас две главные задачи. Работа над проектами новых законов и экспертиза проектов, выдвинутых другими группами специалистов. И правовое обучение. Например, мы собираемся перевести и издать элементарный курс банковского права. Американские специалисты готовят список книг, которые, по их мнению, должны представлять для нас особый интерес. Число потенциальных читателей у этой литературы огромно.

Мы теряем, каждый день терпим миллиардные убытки от несовершенства нашего законодательства или от полного отсутствия законов в определенных сферах. Где закон о банкротстве? У нас же тысячи убыточных предприятий живут не по средствам. Хорошо, мы не можем сегодня все их закрыть, потому что они хоть и в убыток, но производят нужную продукцию. Но почему фирма может сегодня закупить метро, широким жестом пригласив всех москвичей кататься бесплатно, а завтра объявить себя банкротом?

Пока не было закона о залоге, мы страшно проигрывали на кредитовании. Во всем мире дают кредиты под хороший залог. Вот мы продали несколько гигантских самолетов «Руслан», а под них можно было взять кредит, тут же сдать в аренду, вернуть кредиты и сохранить самолеты, да еще и подзаработать на них. Но нет закона о залоге, и никто не заключит с нами такую сделку.

А связи между республиками? Кто хоть раз ответил за срыв поставок? Всегда найдутся какие-то «объективные обстоятельства» или последнее постановление собственного правительства, на которое можно сослаться. Значит, вечный «форс-мажор» (этим термином юристы обозначают обстоятельства, не зависящие от воли должника и исключающие его ответственность)? Но в таком случае надо переходить к натуральному хозяйству, к полному самообеспечению, потому что нельзя зависеть от капризов партнера и даже от его «объективных обстоятельств».

А судьи? Это, может быть, самое сложное. Российское министерство юстиции собирается устроить ликбез для судий на всей нашей необъятной территории. Это, конечно, тоже необходимо, но я полагаю, пока разумнее создавать централизованные специализированные суды. Кстати, в США, где дефицита юристов не наблюдается, пошли именно по этому пути, там есть особый суд по банкротствам, например. Очевидно, и нам придется сделать что-то похожее, тогда в ближайшее время надо будет подготовить вполне обозримое число специалистов, это реально.

Юридическая культура общества слагается постепенно. Наша деятельность — один из шагов в этом направлении.

Беседы вела И. ПРУСС

ВО ВСЕМ МИРЕ

Была ли Антарктида частью Северной Америки?

По некоторым геологическим признакам и компьютерным построениям двое американских ученых пришли к выводу, что примерно миллиард лет назад Антарктида и Северная Америка были соединены. Геологи Эльдридж Мурз из Калифорнийского университета и Ян Далзиел из Техасского университета сообщают об удивительном сходстве осадочных пород и древних камней, найденных в Антарктиде и в Скалистых горах. Согласно данным компьютерных расчетов, структура североамериканских горных пород, возраст которых насчитывает около одного миллиарда лет, хорошо совпадает со структурой горных пород Антарктиды того же возраста. «Если представить себе этот древний континент в виде пиццы,— говорит Далзиел,— Северная Америка могла бы оказаться ломтиком между Антарктидой и Южной Америкой».

Что такое биохозяйство

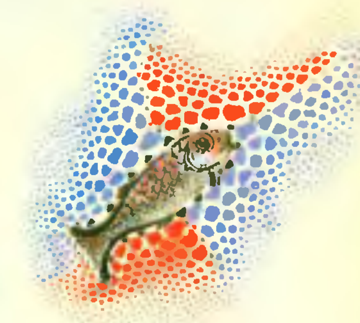
В новых федеральных землях Германии появилось первое официальное биохозяйство, производящее экологически чистые продукты. Но не только их. Оно располагает 725 гектарами сельскохозяйственных угодий, из которых 650 — пашня. И расположено недалеко от Берлина. Хозяйством владеют пятнадцать человек. В нем выращивают зерновые, в том числе и особый сорт пшеницы — с высокой питательностью и хорошими выпечными свойствами. Для восстановления плодородия почвы треть земель засевают клеверной смесью. Используются и пестициды, и минеральные удобрения, но в пределах рекомендуемой нормы. Разводят в хозяйстве и крупный рогатый скот. Особое внимание уделяется породистым коровам, которые содержатся в основном в открытых стойлах. Хозяйство отличается оптимальным подходом к его ведению, комплексностью и бережным отношением к окружающей среде. Овощи и другие экологически чистые продукты всегда пользуются большим спросом, хотя и дороже обычных. В хозяйстве намечается построить небольшое предприятие по переработке мяса и наладить доставку мясных продуктов на рынки Берлина. Продукция биохозяйства имеет собственный товарный знак. Разумеется, в начальный период своей деятельности оно испытывало определенные трудности, но в скором времени биохозяйство начнет приносить постоянный доход.

На фото: выращивание в теплицах экологически чистых сельскохозяйственных продуктов.

В воде жить сложнее

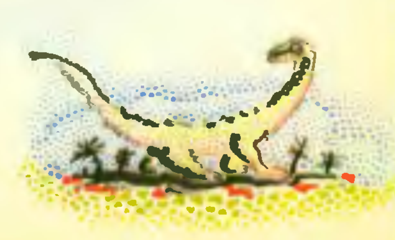
Подводные животные вымирают быстрее, чем наземные. К такому выводу пришли американские ученые. Загрязнение среды обитания, ее уничтожение, введение в водную среду новых, искусственно выведенных видов и чрезмерное истребление водных животных в Северной Америке способствует их исчезновению с ужасающей быстротой. Сейчас около трети видов пресноводных рыб США и Канады находится под угрозой исчезновения и требует особой заботы. В XX веке произошло полное вымирание каждого десятого вида пресноводных моллюсков, а большинству сохранившихся требуется серьезная поддержка. «Хотя рыбы и моллюски представляют ценность как пищевые продукты, объекты для медицинских исследований и указатели качества воды, внимания на них обращают недостаточно,— говорит зоолог Корпорации сохранения природных ресурсов США Ларри Мастер.— Поскольку они не имеют ни шерсти, ни перьев и обитают в такой среде, где их мало кто может видеть и должным образом оценить, трудно ожидать значительной поддержки общественности в деле их охраны».

Динозавр должен выглядеть как... динозавр

Международная группа палеонтологов, обеспокоенных тем, что образ динозавров повсеместно грубо искажается в игрушках и другой коммерческой продукции, создала «Общество динозавров», призванное охранять имидж древних рептилий и увеличить финансовую поддержку исследователям динозавров. Все фирмы, вошедшие в это общество, должны сделать взнос в размере одного процента от стоимости своей коммерческой продукции в фонд исследований динозавров. Эксперты надеются скорректировать все изображения этих животных. Скажем, динозавров, обитателей болот, обычно изображают с волочащимися по земле хвостами, тогда как на самом деле большинство из них держали хвост кверху для балансирования.

Рисунки В. Серафанова

Космический снимок района Норильска поражает гигантской кляксой, разлившейся по тундре на сотни километров,— это след сернистого газа. Мне рассказывал химик из Норильска, что трава, на которую попал этот кислый след, стоит как живая, но когда ее касаешься, она рассыпается в прах. Такие же пугающие космические снимки можно получить, например, и около знаменитой дамбы в Петербурге, да и во многих других местах.

В ужасном состоянии находится наш дом. За последние тридцать лет повсеместно в различных странах мира отмечается значительный рост врожденных уродств, аллергий и других симптомов бедствия. Не приведет ли все это к появлению «деструктивной» популяции людей, процесс развития которой при достижении ею определенной «критической массы» примет характер цепной реакции? Иными словами, не произойдет ли деградации человечества?

CO_2 H_2S SO_2 NO_x Cl_2

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

С. Юфит
доктор химических наук

Чужие

Устойчивость живых систем к повреждающему воздействию

Сегодня разговор о ксенобиотиках. Мы рассмотрим только одно, но чрезвычайно опасное соединение — диоксин.

Отвлечемся на миг и зададимся таким актуальным вопросом: что вреднее — пьянство или курение? Ответ простой, хотя и неожиданный. Если вам за двадцать и тонкие структуры мозга укрепились, курение вреднее. Введение в организм некоторого, не превышающего мощность защитной системы количества этанола пройдет без физического следа. Ведь спирт — одно из веществ, постоянно образующихся в организме, и поэтому организм имеет защитную систему расщепления этого яда. В то же время в организме нет никаких специальных защитных систем от алкалоидов, к которым относится никотин, и он безнаказанно творит свое дело. По отношению к нашему организму никотин — это ксенобиотик. «Ксенос» означает «чуждый» (отсюда же и газ ксенон).

Таким образом, ксенобиотики обладают наибольшими повреждающими способностями. Все экотоксиканты — ксенобиотики, и значит, они наиболее злостно угнетают или уничтожают сообщества организмов.

Чтобы разобраться в этом, необходимо перейти на молекулярный уровень, на язык химических реакций, на рассмотрение биохимических взаимодействий. Именно здесь таится разгадка экотоксикантов. Именно здесь мы можем обнаружить то повреждение в жизненных цепях, которое и приводит к болезни и смерти системы или организма.

Вы, очевидно, заметили: я постоянно смешиваю слова «экосистема», «организм». Делается это сознательно, чтобы вы яснее ощутили, что любой организм, в том числе и человек,— это часть природы, ничем принципиально не отличающаяся от колонии леммингов или леса. Все зависит от точки зрения. Наш организм так же, как и океан или муравейник,— только одно из живых сообществ.

Диоксин — вещество, которое считается самым ядовитым из известных в настоящее время. Считается, что «безопасная» по возникновению рака доза его — $6{,}5 \cdot 10^{-15}$ грамма на килограмм, или, после несложных вычислений, 0,01 мкг за всю жизнь длиной в семьдесят лет. В таблетке аспирина 0,325 грамма. Если ее разделить на 32 миллиона частей, то это и будет «безопасная» доза диоксина на всю жизнь.

Но диоксин — это только один из огромной группы хлорсодержащих ароматических соединений, страшных не своей ядовитостью, а воздействием на экологические системы. Наиболее изучено с этой точки зрения всем известное вещество — ДДТ. Его история необычайно поучительна. На его примере видны планетарные масштабы деятельности человека и скудость наших знаний о возможных последствиях вторжения в природу. Мы действуем, как безумные слепцы, разрушая тончайшие нити, связывающие все живое в единый комплекс. И так было всегда. Томас Беддоуз, английский поэт прошлого века, уже тогда ужасался:

Природа осквернена.
В самые заповедные уголки ее проник человек,
Верша свои грязные деяния
О бедная, загубленная планета!

Воспоминание о ДДТ

ДДТ впервые синтезирован в 1874 году, однако его инсектицидные свойства были открыты только в 1937, и в 1948 году швейцарский химик П. Г. Мюллер получил за это от благодарного человечества Нобелевскую премию. Какое это было прекрасное вещество! Оно малотоксично для теплокровных, то есть для нас; токсичная доза — 0,25—0,4 грамма на килограмм, и чтобы померечь, съесть надо пару столовых ложек, да и то это не наверняка. А вот для личинки комара достаточно 125 граммов на гектар! И вот результат: применение ДДТ избавило от малярии миллиард человек, причем 40 миллионов из них должны были умирать каждый год. Урожайность защищенных от насекомых посевов повысилась чуть ли не на 30 процентов. Теперь вы понимаете, почему за двадцать лет — 1937—1957 годы — было израсходовано не менее 1,5 миллиона тонн ДДТ. А дальше, собственно, и начинается экология. Рассмотрим свойства ДДТ по порядку.

Устойчивость. Я уже сказал, что ДДТ — устойчивое вещество. Это теперь все понимают, что хороший пестицид (инсектицид и другой «цид») должен как раз быть неустойчивым, чтобы быстро разложиться после применения и не загрязнять продукты питания,— «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Результат устойчивости: из 1,5 миллиона тонн ДДТ, произведенных в мире, около 75 процентов до сих пор находятся в природе.

Цепи передачи. Можно было думать, что поскольку ДДТ плохо растворим в воде, то он и будет лежать там, где его высыпали. Увы, это глубокое заблуждение. ДДТ жирорастворим и устойчив. Следовательно, при попадании в организм он может концентрироваться в жировых тканях и постепенно выделяться из организма. Но «организм» в это время уже далеко ушел, убежал или улетел от того места, где попал в него ДДТ, или его уже съели другие организмы и унесли еще дальше. Это только одна из простейших цепочек, их изучено множество. Результат: весь земной шар заражен ДДТ. Даже в Антарктиду выпало не менее 25 тысяч тонн ДДТ (хотя эта цифра иногда оспаривается).

Привыкание. Природа защищается,— а насекомые это ведь часть природы,— и вот уже около ста пятидесяти видов насекомых вообще не боятся ДДТ, а у других, в том числе и у комаров, порог чувствительности повысился в десять и более раз.

Опасность. Исследования показали, что ДДТ даже в дозах предельно допустимой концентрации (1,5 миллиграмма на килограмм) — это канцероген. Более того, он влияет на все физиологические и иммунные системы организмов.

Общий вывод: ДДТ — это неселективное высокоустойчивое ядовитое вещество долговременного воздействия на живые организмы с труднопредсказуемыми дальнодействиями, несомненно, наносящее невосполнимый урон чуть ли не всей биосфере.

Вот так-то! Начали во здравие, а кончили за упокой. После 1957 года ДДТ повсеместно был запрещен для использования. В 1970 году запретили его и в СССР. Однако до сих пор иногда используют.

Мне бы хотелось, чтобы трагическая история ДДТ заставила всех всегда помнить о четырех «китах» экологического мышления: устойчивость ксенобиотиков; цепи передачи их по биосфере; привыкание организмов; опасность любого нового вещества.

Можно дополнить этот список новыми «китами», например «трансформация ксенобиотиков», поскольку зачастую безобидные вещества, изменяясь в своих странствованиях по биосфере, становятся чрезвычайно опасными ядами. И, наконец, «синергизм». Это слово в данном случае означает усиление или даже провоцирование вредоносных свойств у довольно безобидных и постоянно присутствующих в природе веществ другими, также малоактивными ксенобиотиками. Эти два «кита» прямо подводят нас к рассмотрению диоксинов.

Диоксин как суперэкотоксикант

Все начиналось очень благородно. Я бы даже сказал — благородно-экологически, поскольку целью была утилизация, или, как еще говорят, ассимиляция отходов крупнотоннажных химических производств. Ну, например, если вы хлорируете бензол, чтобы получить растворитель хлорбензол, то побочно образуются и ди-, и три-, и все остальные замещенные полихлорбензолы. Часть из них — ценные продукты для получения других органических соединений, например красителей, а что делать с остальными? И вот в начале тридцатых годов фирма «Дау Кемикл» в США разработала метод замены хлора на гидроксил. При этом получили полихлорфенолы. Они оказались очень полезными для консервации древесины, и им даже присвоили имя собственное: дауциды — в честь фирмы.

Однако уже через несколько лет, в 1936 году, раздался первый звонок — массовые заболевания среди рабочих, занятых консервацией древесины с помощью дауцидов. В основном это было тяжелое кожное заболевание — хлоракне, известное уже давно на других хлорных производствах. Расследование показало, что сами чистые полихлорфенолы хлоракне не вызывают. Значит, дело в примесях. Фирму заставили очищать дауцид, и вроде бы все затихло.

Были и другие звонки и звоночки, однако гром грянул только после вьетнамской войны. Летом 1961 года ВВС США приступили к реализации операции «Рэнч хэнд» на территории Южного Вьетнама. Задача состояла в распылении гербицидов, то есть веществ, убивающих растительность, которые американцы фарисейски называли безобидными дефолиантами — веществами, заставляющими растения всего лишь сбрасывать листья. Так надеялись раскрывать базы вьетнамцев. За первые три года распылили две тысячи тонн гербицидов. Дальше химическая война развернулась во всю силу, ежегодно американцы сбрасывали десятки тысяч тонн гербицидов. По подсчетам, до 1972 года было использовано около ста тысяч тонн различных смесей гербицидов, большей частью это был так называемый «оранжевый реагент». Вьетнамские леса были уничтожены, земля загублена, миллионы людей получили поражения.

Но эта трагедия была далеко от Америки и от компании «Дау Кемикл». Так бы все и ушло в историю. Однако уже через несколько лет после окончания вьетнамской войны среди тех ветеранов, которые были причастны к распылению «орандж эйджент», участилась смерть от рака, стали появляться дети-уроды, выросло число заболеваний крови и т. д. Организация ветеранов выступила с иском к правительству США и фирме «Дау Кемикл». Надо сказать, что к ветеранам в Штатах относятся с нескрываемым обожанием, а не просто с уважением. В результате чрезвычайно обширного химического, социологического, эпидемиологического, медицинского исследования было непреложно установлено, что все эти болезни ветеранов войны во Вьетнаме, а значит — и вьетнамцев, обусловлены действием диоксина, который содержался в «орандж эйджент», и, самое главное, фирма об этом знала. Ветераны выиграли иск, и фирме пришлось сильно раскошелиться.

Сколько же диоксина было в составе этих гербицидов? Всего-то пятьдесят частей на триллион. Действие подобных диоксину веществ на организм примерно одинаково. Они в отличие от обычных ядов не подавляют какие-то функции организма,— например, цианиды блокируют дыхательную цепь,— а, наоборот, чрезвычайно стимулируют активность окислительных железосодержащих ферментов в организме. Это приводит к резкому разбалансу во всех системах организма. Вы помните, как Алиса в Стране чудес то увеличивала, то уменьшала свой рост? Но организм ее был сбалансирован, и она оставалась все той же Алисой. Теперь представьте, что было бы с ней, если бы после глотка из волшебного флакончика у нее стала бы расти только одна нога или только шея. Вот это и есть действие диоксина — чудовищная активация только одной ферментной системы. Диоксин — тотальный яд, он поражает все формы живой материи.

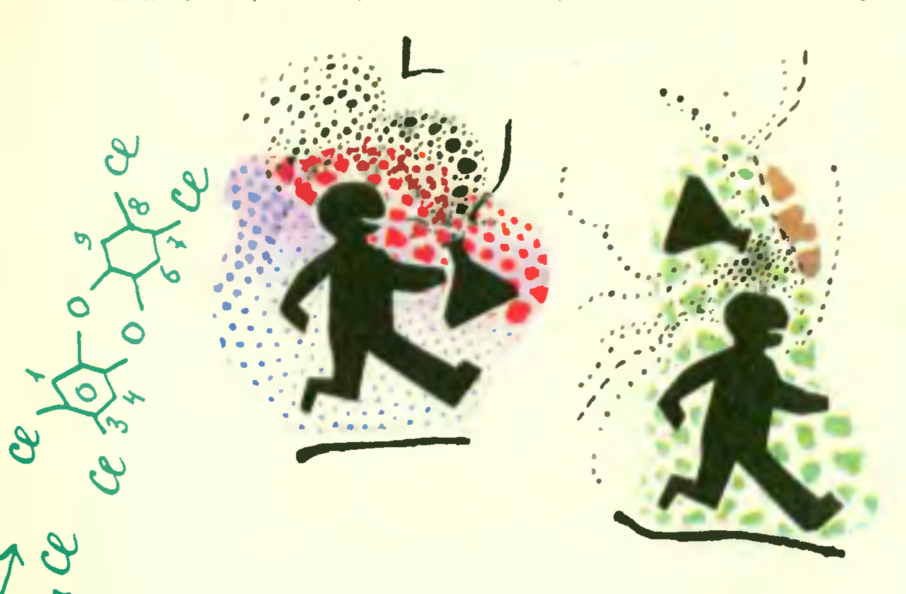
Другое поразительное и исключительно вредное свойство диоксина (и его «родственников») — это устойчивость. Мы уже говорили об устойчивости ДДТ; с диоксином же ничто сравняться не может, он устойчив до температур выше 750 градусов Цельсия, а разлагаться начинает при тысяче градусов. Химически диоксин инертен. Кислоты и щелочи на него не действуют даже при кипячении. Хлор из яда также убирается с трудом.

Однако самое вредное свойство диоксина — его способность активно соединяться с иными веществами. Он образует прочные комплексы со многими полициклическими природными соединениями и тем самым включается в цепь переноса.

Вернемся, однако, к экологическим проблемам. Вспомним о ПДК, чтобы увидеть относительную ценность этой характеристики. Ее беда, а иногда и прямой вред, в том, что она устанавливается для чистых веществ и определяется на животных, обычно на мышах. Вот хорошая иллюстрация. Для опыта взяли мальков радужной форели и в аквариум насыпали им в первом случае просто летучую золу от сжигания, в другом — экстракт из этой золы, а в третьем — этот же экстракт после удаления примесей. Следовало ожидать, что очищенный экстракт будет ядовитей, ан нет. Ядовитей был «грязный» экстракт. Это наглядный пример синергизма и указание на еще одну характеристику диоксина: он делает токсичными и безобидные вещества. Впрочем, конечный результат опыта одинаков: и в том, и в другом случае все рыбки погибли и, надо добавить, в муках. Главные причины гибели — кровоизлияния, некрозы, опухоли разного рода.

Откуда же приходят диоксины?

Главный источник загрязнения диоксином в западных странах — это мусоросжигательные заводы (у нас их так мало, что их вклад в общую загрязненность диоксином невелик, хотя, конечно, для людей, живущих около этих заводов, ущерб может быть

очень большим). Вот два примера. Нидерланды: общее количество сжигаемого бытового мусора — 2663 килотонны на восемь заводов. Выброс диоксинов в воздух — 0,15 миллиграмма на тонну. Общая эмиссия диоксина в воздух — 412 граммов в год.

Все остальные источники дают намного меньше. Сжигание опасных отходов даст 43 грамма в год, сжигание древесины — 16 граммов в год. Использование пестицидов — 50 граммов в год, металлургическая промышленность — 45 граммов в год, химические производства — 5 граммов в год, транспорт — 7 граммов в год, все остальные — еще меньше.

Общий выброс диоксинов в Голландии в 1991 году — 614 граммов в год в воздух, 4 грамма — в воду, 3 грамма в год — в почвы.

1803 грамма в год выделялось в связанном виде. Надо сказать об этой графе особо. «Связанный» диоксин — это летучая зола с электрофильтров, илы из отстойников, фильтровальные материалы, дерево и текстиль. Совершенно непонятно, что делать (и что делают) с этим «связанным» диоксином. По всей видимости, он пока просто лежит в хранилищах, ведь не будете же вы снова сжигать золу, которая накопилась при очистке дымовых газов. Это еще одна трудная задача, которую задает нам диоксин.

Мощный источник диоксинов, который, по-видимому, очень важен для нашей страны,— это целлюлозно-бумажное производство. При производстве бумаги древесину разделяют на целлюлозу и лигнин. Лигнин — это хорошая заготовка для

получения диоксинов. Отделение целлюлозы от лигнина проходит, естественно, не полностью. В результате целлюлозная пульпа, из которой делают бумагу, всегда содержит и лигнин. Для того чтобы бумага была белой, пульпу обрабатывают хлором. Целлюлоза отбеливается, а лигнин хлорируется.

Итог: в сточных водах ЦБК — целлюлозно-бумажных комбинатов — 400 частей диоксинов на триллион (триллион — это 10^{12}). Вроде бы не так уж и много, но беда в том, что на каждую тонну целлюлозы образуется 300 тонн стоков. В результате при получении одной тонны целлюлозы образуется сто миллиграммов диоксинов и сотни граммов (!) их предшественников. Этот источник диоксинов в тех странах, где он существует, дает весомый вклад в общее загрязнение среды. Так, в Швеции различные системы сжигания дают 200 граммов диоксинов в год, сталелитейная промышленность — 50—150 граммов в год, а ЦБК — 20—40 граммов диоксинов в год. Это три главных загрязнителя в Швеции.

Полихлорбифенилы (ПХБ)

$$CCl_3CHO + 2C_2H_5Cl \xrightarrow{H^+} (ClC_6H_4)_2CHCCl_3 + H_2O$$

Общий объем выброшенных в природу диоксинов и всех их родственников и предшественников достигает, по-видимому, нескольких сот тонн. Этого количества (да еще вспомните 1—3 миллиона тонн ДДТ) достаточно, чтобы привести к глобальному нарушению функций живого вещества планеты. Что мы и наблюдаем в действительности — рост заболеваний, рост аномалий и уродств, падение рождаемости и т. д., и т. п. Теперь на многие десятилетия человечество будет вынуждено создавать условия для своего безопасного существования рядом с этими ядами — суперэкотоксикантами.

Коротко — о диоксинах в нашей стране. Коротко, потому что сказать нечего. До сих пор нет ни одного подробного исследования состояния окружающей среды с целью установления загрязненности диоксинами. Полученные в этом году данные по ЦБК говорят, что мы опять «впереди планеты всей»: на некоторых ЦБК обычные нормы выбросов диоксинов перекрыты нами в сто и даже в тысячу раз. Но зато у нас нет мусоросжигалок, и этот источник диоксинов пока отсутствует. В Москве, правда,

запланировано строительство около 12-ти мусоросжигательных заводов. Не хотел бы я поселиться рядом. Хорошо ли жить с мусором, это отдельный вопрос. Взамен мусоросжигания мы пополняем запасы диоксина, массированно применяя запрещенные в других странах гербициды и пестициды, которые либо содержат примеси диоксинов (как оранжевый реагент), либо служат предшественниками диоксинов.

И наконец, еще об одной глобальной опасности, с которой мы сталкиваемся каждый день. Это питьевая вода. Вот ход событий во время одной из крупнейших экологических катастроф за последнее десятилетие. Так же, как и почти все катастрофы (вспомните Чернобыль), она началась с грубого нарушения технологии и техники безопасности. При перекачке фенола на уфимском комбинате «Химпром» произошла утечка, и фенол из цистерн вылился на землю. Было это в ноябре 1989 года — зима, снег. В общем, никаких мер по ликвидации аварии не приняли. С наступлением весны (март 1990 года) снег растаял, и во время паводка фенол отправился в речку Шугуровку, которая впадает в реку Уфа. Какие-то «очень умные» люди расположили водозабор городского водопровода ниже сброса промышленных стоков, в результате фенол попал в водопровод, превысив ПДК в 25—30 раз. То, что «карболка» плохо пахнет, это полбеды, но фенол сам по себе весьма ядовит. Местные санитарные власти продолжали хлорировать воду. Это привело к появлению хлорированных фенолов — трихлорфенола (канцерогена) и токсичного пентахлорфенола, то есть ядовитость воды еще больше возросла. Пока спохватились — хлорирование прекратили только в апреле,— отравилось много людей. В конце концов водопровод вообще отключили и снабжали население водой из цистерн. Южная густо населенная часть города осталась без воды. Вот вам последствия преступной безответственности.

На этом примере видно, что хлорирование воды хорошо как средство обеззараживания и крайне опасно токсикологически. Чем больше органических примесей в воде, тем больше вероятность образования продуктов хлорирования и в первую очередь — опасных хлорфенолов.

Мне очень трудно закончить эту беседу, так как множество важных фактов и интересных мыслей исследователей диоксинов приходится оставить до другого раза. Среди этих фактов есть и такие пугающие, как простой расчет полной гибели плодородных почв из-за уничтожения всех аэробных микроорганизмов или, напротив, бурный рост нитрифицирующих бактерий, приводящий к таким концентрациям нитратов в почве, что вся продукция поля становится ядовитой, и т. п. Пугать есть чем. Но есть и другие взгляды. Так, считают, что именно чрезвычайно большая склонность диоксинов к адсорбции, связыванию с твердыми частицами (пыль, силикатные и угольные частицы, оксиды железа и глины и т. п.), — спасительный фактор, так как связанный диоксин может недвижно лежать много лет, постепенно разрушаясь.

Поэтому в заключение, отвлекшись от химии, сообщу вам только один, но самый главный факт. Цивилизованное человечество осознало глобальную угрозу диоксинов для жизни на Земле, что говорит о высоком уровне развития разума, достигнутого на нашей планете. Стало ясно: если человечество и погибнет, то это произойдет не в грохоте ядерных взрывов, а тихим шествием диоксина.

Следствием этого было принятие во всех промышленно развитых странах специальных законов о диоксинах. Эти законы направлены на перестройку всех производств, продуцирующих диоксин. Самый простой пример: отбеливание бумаги постепенно переводится сначала на малохлорные методы, а затем и на бесхлорные. Нет хлора — нет диоксинов. Такой же эволюционный путь принят и для всех других промышленных объектов. Так, в Нидерландах в 1989 году принята программа «Сжигание-89», которая регламентирует все процессы сжигания в стране, способные продуцировать диоксины. В результате выполнения этого закона вместо 621 грамма токсических эквивалентов диоксина в год уже в 1995 году выбросы в воздух составят только 100 граммов в год. Это данные Национального института здоровья и охраны окружающей среды. В нашей большой стране пока такого института нет.

А теперь сообщу вам и самый главный, с моей точки зрения, факт: мы единственная из промышленно развитых стран, не имеющая никаких законов о диоксинах.

Наша жизнь полна мистики. Сменяющие друг друга правительства верят в английскую пословицу: «Помяни черта — он уже здесь» и считают, что нельзя поминать всуе опасные слова — «радиация», «СПИД», «диоксин» и т. д., тогда их как бы и не будет.

А может быть, у нас и вправду диоксинов нет? ●

*Значимость научного события непредсказуема. Сушневская теоретико-биологическая школа (мы писали о ней в номере 8 нашего журнала за прошлый год) не претендовала на эпохальность, но многие ученые и сегодня возвращаются к этому, казалось бы, небольшому событию, видя в нем ростки нового типа научного знания, рождающегося на междисциплинарной основе. По их рекомендации публикуем беседу корреспондента журнала с участниками Сушневской школы — географом **В. КАГАНСКИМ** и культурологом **Г. ЛЮТИКОВОЙ**.*

Биология — жизнь — культура

«Знание — сила»: — Итак, в какой все-таки конференции вы участвовали — теоретико-биологической, междисциплинарной или культурологической?

В. Каганский: — Школа была вполне биологической по составу участников и вполне междисциплинарной по основной тематике. Противоречия тут нет, ибо биологи (особенно не стремившиеся занимать высокие посты в научной номенклатуре) в последние три десятилетия очень активно участвовали в междисциплинарных движениях, и отнюдь не только теоретико-биологических: нет нужды напоминать, что с самого начала и кибернетика, и теория систем, и средовое движение (отчасти совпадающее с природоохранным), и область искусственного интеллекта включали представителей этой дисциплины, часто игравших роль бродильной закваски.

Г. Лютикова: — Культурологической в привычном смысле этого слова школу назвать нельзя. Но ее конкретная научная событийность обнаружила себя как событийность культурная: проживание культуры в рамках самого научного дискурса, сходство форм общения ученых по поводу их профессиональных предметов со способами функционирования культуры — карнавалом, драмой, игрой. И все это — в пространстве глубинных, почти интимных, содержаний. Кроме того, представления о культуре — это средства методологической работы, то есть культурология выступает в функции методологии. Наконец, культура — неотъемлемый компонент личностного измерения научной деятельности.

В. Каганский: — Связь науки и культуры — одна из самых популярных ныне тем для методологов; хотя обсуждаются обычно либо утерянные, либо запутанные связи, либо связи опасные. Всякий ученый — человек и как таковой живет в культуре. Утверждение более чем банальное, а вот как именно носитель профессии «добывания» общезначимых истин пребывает в культуре, где кроме истин есть многое другое,— все еще весьма туманная область. Более того, носителям массового научного сознания вообще не вполне очевидно, что они безусловно погружены в среду культуры. Чем иначе объяснить памятную дискуссию шестидесятых годов о «физиках и лириках», состоявшуюся, по существу, в проблеме статуса науки как самодостаточной культуры. Ведь и умеренные и радикальные «физики» так называемую общую культуру, в сущности, просто отрицали. Первые — находя в научной деятельности собственную этику, моральные нормы, эстетику, поэтику и т. п., вторые — отстаивая принцип чистоты науки, недопущения в нее культурных (гуманитарных) содержаний.

Однако если некоторая социально организованная и значимая группа людей формирует собственное отношение к культуре, притом весьма интенсивное по проживанию (хотя бы и бедное по содержанию), то она формирует нечто вроде субкультуры (контркультуры). Для нее становится необходимой собственная функциональная модель, содержащая все компоненты «обычной» культуры — систему ценностей, практики эстетического действия, нормы поведения и т. д. Так культура становится проблемой и бытия науки, и жизни науки как социального института, и среды повседневности ученых.

«Знание—сила»: — Вы упомянули междисциплинарные движения. Это тема особая и обширная. Но не могли бы вы коротко рассказать о них, ведь школа, о которой идет речь, возникла не на пустом месте.

В. Каганский: — Сложившиеся к семидесятым годам междисциплинарные движения компенсировали жесткость укрепившихся дисциплинарных границ и потому нуждались в рефлексии их становления, осмысленности основ и социальной базы. Рефлексия эта, восходя к тем корням, на уровне которых «древо познания» еще не расщепилось на стволы, заново проживала самии научные традиции, находя в них своеобразную новизну. Междисциплинарность (скорее методологическая, нежели инструментально-эмпирическая) состояла в известной мере из общения представителей раз-

ных наук и как только интенсивность общения угасала, из междисциплинарной почки вырастала новая дисциплинарная ветвь. Именно так случилось с кибернетикой и теорией систем. Междисциплинарные движения всегда пропитаны духом авантюры, всякого рода маргиналиями и маргиналами. В этой среде идей никто не считал, титулов стыдились, к иерархиям не апеллировали, радикальность идей и их сомнительность были почти синонимами. Результатов, как обнаружилось впоследствии, вырабатывалось вполне достаточно, хотя и неканоническим путем.

Обращение к культуре было для этой среды неизбежным. И вот почему.

Во-первых, установка на преодоление барьеров между научными дисциплинами требовала объемлющих горизонтов, в пределах которых можно было бы работать, не натыкаясь на эти барьеры, на границы самой науки как типа деятельности и системы знаний. Такую возможность дает обращение к культуре.

Во-вторых, культура стала тем понятием, с помощью которого можно было осмыслить собственную деятельность, уяснить внутреннюю напряженную событийность, присущую подобным междисциплинарным движениям, их неизбежный драматизм. Ведь биологи занимались проблемами, ценность коих не сводилась к чисто научным. Все методологические схематизации, «поиски корней» и оснований собственного знания были, так сказать, уже опробованы и прожиты, но не приносили удовлетворения. Основные вопросы оставались без ответа. Иначе говоря, участники такого рода междисциплинарных бдений вынуждены были осознать, что они ведут друг с другом диалог, нити которого проходят через всю толщу культуры, более того, что только последнее обстоятельство в конечном итоге и гарантирует осмысленность их деятельности.

В-третьих, методологические ходы нередко приводили к результатам странным и шокирующим — за парадигмами обнаруживались фундирующие их ценности и поведенческие стереотипы, стандартные мифологемы. В этом смысле обращение к культуре и знаниям о ней было продолжением центральной методологической установки «поиска корней», но побуждало к отказу от ограниченного представления об их рационально-эмпирическом характере.

Поиску оснований — хотя бы в теории — не может быть конца. В. Ю. Милитарев назвал это безнадежное с виду положение «трилеммой Мюнхгаузена», имея в виду успехи барона в вытаскивании самого себя за волосы. Бесконечный спуск — либо произвольная остановка, либо замкнутый круг. И только в пространстве культуры последнее может оказаться продуктивным, лишь бы круг был пошире.

В истории науки обращение к социокультурному контексту общепринято и даже тривиально, но исключительность данной ситуации в том, что подобный ход — не реконструкция исследований законченных, ставших историей, а компонент текущей жизни науки, нечто включенное в осуществляемую здесь и теперь научную рациональность и приводящую к вполне ощутимым результатам.

«Знание — сила»: — Ну хорошо, давайте вернемся к собственно биологическому исследованию. Что же все-таки дает самому биологу обращение к культуре?

В. Каганский: — Биолог — исследователь живого, одновременно он ведь сам живое существо, пребывающее во вполне определенных и ограниченных рамках культуры.

В несколько огрубленном виде ситуация выглядит следующим образом: *биология есть развертываемая средствами определенной культуры картина, которую организмы одного вида строят относительно организмов всех других видов*, причем поставляемые культурой средства могут основываться на такой картине мира, где специфика живого вовсе не актуализирована. Налицо три множества: научные специализации, в каждой из которых есть свои средства выстраивания картины реальности; живые существа, виды, каждый из которых взаимодействует с другими живыми существами (Homo sapiens — один из этих видов); культурные системы, имеющие свои особенности во взаимодействии живого и неживого (при том, что само различие живого и неживого культурно инвариантно как различие добра и зла).

Оказалось, что нет способа отдельно ответить на два искусственно изолированных вопроса: каковы культурные интерпретации тех или иных содержаний биологического знания и каковы биологические основания тех или иных смыслов и фактов культуры. В междисциплинарной по характеру и методологической по типу деятельности, ориентированной на осмысление феномена живого в самом широком смысле — от жизни молекулы ДНК до жизни ландшафта, культурные смыслы — не автономные, изолированные фрагменты, они буквально пронизывают ее.

По-видимому, можно говорить о манифестации изначальной погруженности исследования в культуру и культурной нагруженности методологии как обеспечивающей рефлексию такого исследования. Взаимодействие человека с другими живыми организмами, при котором и возникает знание о них,— процесс в культуре. С другой стороны, культурная коммуникация — не что иное, как особая коммуникация разнообразных живых организмов одного вида, в данном случае — Homo sapiens. Культура нагружена «жизненным содержанием» в той же мере, в какой знание о нем стало культурным фактом (то есть артефактом).

Г. Лютикова: — На уровне личностной мотивации очевидно проступает черта, которую можно было бы назвать «тотальностью»: личность биолога-профессионала обнаруживает стремление к жизненной цельности не в механическом соединении собственно профессиональной и «культурной» деятельности (знаток лишайников еще и ценит оперу!), а как к осознанному укоренению профессиональных знаний, навыков, стереотипов в горизонте культуры. Синтез профессионально-научной субкультуры и общей культуры требует от ученого личностного проживания культуры и помещения научной картины мира в иерархию общекультурных ценностей.

Отсюда — внимание к эстетическим и этическим аспектам собственной исследовательской деятельности, обращение к исторической памяти других поколений исследователей, к содержаниям обыденного сознания. Все это присутствует в повседневной рутинной работе биолога.

Классический систематик, он работает с таксономическими схемами своих предшественников. Для понимания этих схем он принужден обращаться к духовной конституции их создателей, жизни и привычкам. А внимание к духовной жизни другого всегда порождает (или имеет предпосылкой?) не менее пристальный интерес к своей, то есть в данном случае к ее влиянию на принятие профессиональных решений.

В. Каганский. — Говоря о цельности жизненного мира как о главной характеристике профессиональной работы биолога, необходимо упомянуть одну чрезвычайно редкую, почти невозможную для традиционных научных конференций особенность Сушневской школы. Границы научных дисциплин и предметов, типов работы и жанров научных текстов были не только размыты, они просто потеряли былую значимость. Вообще стоит отметить, что жанр обсуждения превалировал над жанром доклада-сообщения как во временном, так и в ценностном отношении, а его рамки задавались отнюдь не фрагментами реальности (чего мы обычно ожидаем от естественных наук), а проблематикой: не картина мира выстраивалась как обобщение некоей эмпирии, а эмпирия и способы работы с ней рассматривались как соответствующие или не соответствующие той или иной картине мира (методологически — крамола невероятная!). Участники школы были увлечены задачей согласования: сопоставлялись, соотносились, сращивались не узловые моменты концепций, но сами личностно и культурно ориентированные целостные спектры содержаний.

«Знание — сила»: — Как вы уже обозначили вначале, существуют еще более веские основания рассматривать данную школу-конференцию как некое культурное действие...

Г. Лютикова: — Да, ее событийность подчинялась двум признанным формам и феноменам культуры — демифологизации и карнавализации, а течение дискуссий — не только научно-логическим, но и образно-ассоциативным построениям.

«Знание — сила»: — Можно ли вас так понять: рефлексия оснований собственного знания предполагает работу с мифами науки и даже борьбу с ними?

В. Каганский: — В науке и тем более в научной методологии нет мифологизации, хотя научная картина мира вполне мифологична. После недавней публикации классических работ А. Ф. Лосева это вряд ли требует особых доказательств. Но изначальная мифологичность науки — вещь совершенно невыносимая для массового научного сознания. Не случайно ученые, обнаружившие ее, сразу покидают научную деятельность. Характерно, что более всего беженцев из науки дает физика, где мифология наиболее агрессивна.

Именно непосредственное ощущение того, что нынешнее биологическое знание пропитано мифами, приводило на конференции к тому, что обсуждение почти всякой темы рано или поздно, но отнюдь не прямо и не просто, а путем напряженной работы в жесткой дискуссии, выводило к выявлению некоторого фокального мифа, дальнейший анализ которого обнаруживал его внутреннюю ложность (в той мере, в какой правомерно говорить о ложности мифа). Ну вот пример.

Широко известное как аксиома утверждение «леса — легкие планеты», обыгрываемое в сотнях статей, книг, призывов, обращений к общественности, дающее основание множеству природоохранных мероприятий и экологических программ по спасению лесов,— оказывается, всего лишь неверно понятая метафора. Ибо выделяя кислород в процессе фотосинтеза, древесная растительность столько же его и поглощает при разложении биомассы. Иначе говоря, вырабатываемый ею кислород не выделяется свободно в атмосферу, а участвует в замкнутом цикле, изолировать же его от этого цикла может лишь естественное «захоронение» в болотах или... деревообрабатывающая промышленность. Легкими планеты в истинном смысле слова являются болота и лесоразработки. Миф оказывается ложным, но обнажается его истинная функция — защита лесов от вырубания.

Вопрос же о том, почему этот миф оказался столь живучим, несмотря на элементарную биологическую неадекватность, выводит нас уже в сферу европейского миропонимания, где болота и разрушительная деятельность человека оцениваются однозначно негативно. Здесь, как мы видим, культурология (где хорошо изучены культ деревьев и оппозиция «лес — город») приобретает функции методологического средства или, иначе, критики методологических схем.

Г. Лютикова: — Так что мы не занимались «разоблачением предрассудков», как это принято в сциентистской традиции. Во всяком случае, несмотря на увлеченность демифологизацией, этот процесс не имел такого неприятного оттенка. Демонстрируемые мифы не разрушались, а помещались на более соответствующее им место в культурном контексте.

Скажем, центральным событием конференции стала напряженная, многочасовая дискуссия, тема которой звучит прямо-таки эпатирующе: «Свалка (помойка) — склад — музей». Она весьма показательна как пример дерзкой демифологизации науки, как акция, радикальная и маргинальная одновременно.

Однако это была не авангардистская эпа-

тирующая игра, а нечто связанное непосредственно с судьбами профессиональной биологической культуры. Речь шла о характерной особенности нынешней цивилизации: ее центр имеет тенденцию постепенно превращаться в музей, а осваиваемое пространство периферии — в свалку уже выброшенных или еще не востребованных для использования предметов. Основная же часть используемых долгое время находится на так называемых складах, то есть хранится.

В. Каганский: — Вы спросите, какое отношение все это имеет к биологии? Самое прямое: разнообразие живых организмов, изучаемых биологом in vivo, превращается как бы в экспонаты музея или коллекции, своего рода «информационные концентрационные лагеря», где в принудительной сохранности пребывают мумифицированные тела (трупы) организмов, обреченные на уничтожение (смерть) в обыденной среде. Реальной жизненной средой организмов является так называемый антропогенный ландшафт, типологически обнаруживающий все следы склада-свалки.

Говоря упрощенно, наша культура просто вынуждает биолога работать с трупами, поскольку такие формы представления живого многообразия, как, скажем, парк или сад, не занимают в ней сколько-нибудь существенного места. Антитеза «свалка — музей», казалось бы, очевидная и яркая,— иллюзорна. И то и другое — суть скопление вырванных из жизненного контекста, то есть (витально и семантически) умерщвленных предметов, порядок которым задан извне. При желании и свалку можно представить своеобразным музеем.

Осмысливая подобные сюжеты, биолог не выходит за границы своего предмета, он лишь уясняет его конституционные принципы. Биологу важно знать, как получены канонические сведения о живых организмах — «на воле» или в «трупной неволе». Тем более что смерть организма приводит к стиранию в нем многих жизненных форм, видимых и значимых, но трудно фиксируемых.

Кроме стремления к достижению наиболее адекватного результата в изучении живого, тут значим и этический аспект. Если склад — эстетически и этически нейтральная реализация идеи сосредоточения-хранения разного, то музеефикация означает, что «экспонируемость» вещи важнее ее жизни; ради показа вещь может и должна быть умерщвлена, а затем вторично «оживлена» в особой эстетической или познавательной соборности (художественный или естественноисторический музей). Не говоря уж о том, что и музеефикация, даже если безоговорочно принять ее культурную ценность,— процедура весьма проблематичная. Во-первых, необходимо решать, какой именно фазис жизни организма (предмета) должен экспонироваться, во-вторых, где же место самой жизни? Ведь невозможно же, в самом деле, музеефицировать весь универсум!

Г. Лютикова: — В эту помоечно-музейно-складскую схему интерпретации современной цивилизации укладывается множество интереснейших нюансов из самых различных сфер — судьба живых организмов и живописных полотен, ландшафтов и компьютерных образов.

В культуре европейского типа складу и музею приписывается функция охраны и спасения. Эта установка (в немалой степени подстегивающая процесс музеефикации) подвергалась в дискуссии радикальному переосмыслению. Реакцией на кризис многообразия форм, объединяющий кризисы экологический, духовный, культурный, обычно становится стремление «спасти и сохранить». Любой ценой законсервировать некие значимые и исчезающие фрагменты реальности — ветшающие центры городов, старые ремесла, вымирающие виды. Намерение благое, но все это пытаются сохранить насильственно, ценою изъятия из естественной смысловой среды, путем если угодно, умерщвления. В этом — нежелание примириться с естественным концом, признать, что в вещном мире ничего вечного нет и быть не может. Борьба с естественным порядком вещей оборачивается борьбой с самим ходом жизни, на что и растрачиваются немногие оставшиеся жизненные ресурсы. Применительно же к попыткам в искусственных условиях поддержать жизнь умирающих видов это означает борьбу с эволюцией.

Поэтому миф о жизненной необходимости спасения любой ценой всех значительных фрагментов, если взглянуть непредвзято, оборачивается агрессивной борьбой с реальностью. Кроме того, в нем заложена безумная или бездумная иллюзия всемогущества и глубокое неверие в то, что значимое (ценное) будет порождено самой жизнью. Впрочем, пафос всемогущества обычно и сочетается с отрицанием самотворчества реальности. Если же отказаться от готовности остановить жизнь ради тотального сохранения всего, то придется признать реальность, в которой далеко не все желательное возможно, не все ценное вечно. То есть признать мир, где есть смерть.

«Знание — сила»: — А что вы подразумеваете, когда говорите о карнавализации?

В. Каганский: — Характерное для карнавализации переворачивание высокого и низкого, сакрального и профанного касалось в данном случае не только и не столько статусных ролей участников конференции, сколько научных содержаний. Происходила карнавализация смыслов.

С общего согласия и при видимом энтузиазме роль повергаемых идолов играли такие сверхценные для культуры европейского типа установки, как высокий статус познающего субъекта, приоритет причинно-следственных объяснений, устранение личностной специфики участников познавательного процесса, перенос сложившегося дисциплинарного расчленения науки на реальные сферы самого бытия. Зато признавались неоспоримыми или, по крайней мере, достойными серьезного рассмотрения маргинальные и едва терпимые в респектабельном научном сознании структуры: непосредственное эмпатическое познание, диалог

(в прямом, а не метафорическом смысле) между человеком и другими живыми организмами, сомнения в существовании истинных суждений, независимых от культурного контекста.

Тронное место истинности как главного атрибута научного знания заняла проблема интерпретации (понимания), выявления смысла, а не эмпирического содержания. Основной ценностью было общение, диалог, условием которого всегда является установление личностного и культурного контекста его участников. Главным же ресурсом получения содержательного знания была признана личность исследователя.

«Знание — сила»: — Не кажется ли вам, что дерзость участников школы выходит за рамки демифологизации науки и карнавализации смыслов? Кажется, что сущность «сущневского феномена» — не столько взаимопроникновение науки и культуры, сколько выход в некую новую культурную парадигму.

Г. Лютикова: — По-видимому, да. Возможно даже, что описываемая школа-конференция — симптом новой культуры, вызревающей в недрах профессионального сообщества биологов и притягивающей «маргиналов» других дисциплин, как естественнонаучных, так и гуманитарных.

В. Каганский: — По утверждению С. В. Чабанова (Институт эволюционной физиологии и биохимии РАН), европейская культура никогда не была биоцентричной. То есть не полагала существенным выработку (и реализацию на уровне картины мира и социальной культурной практики) представления о живом — об универсуме живых существ и месте человека в нем. Как ни парадоксально, не была биоцентричной и биология. Ведь биоцентричная биология, как и любая другая дисциплина, возможна лишь в биоцентричной по характеру и биоморфной по способу жизни культуре. Как и положено органичной культуре, она вырастает из недр существующей, из активного с ней взаимодействия, будь то конфликт или позитивное дополнение. Биоморфность на конференции проявилась в примате самоорганизации над планированием (как в содержательном плане, так и в межличностных взаимодействиях, что даже несколько культивировалось), в ориентации на обсуждение как на своего рода «рост содержания» (в отличие от доклада, где содержание представляется в уже готовом виде), в существенном многообразии и разнообразии участников — от возрастного до профессионального — при несомненном стилистическом, ценностном единстве, в большой общекультурной пластичности.

Мы заявили тезис о «новой культуре». Культуре, прорастающей на крошечном участке науки биологии. Он может показаться весьма спорным и даже претенциозным. Однако кто знает, в какой точке сплошного пространства культуры происходит сегодня то, что окажется событием, знамением или началом. ●

КУРЬЕР НАУКИ И ТЕХНИКИ

Свидетель трагедии

Конец тридцатых — начало сороковых годов XIII века для многих городов Руси стал временем испытаний. Полчища Батыя безжалостно уничтожали все на своем пути, превращая в пепел и маленькие селения, и большие города. Жизнь и судьба некоторых из них прервались в эти годы навсегда.

Москва была сожжена дотла в январе 1238 года — на третий день осады. Оставив за собой пепелище, войска Батыя ушли на Владимир. Некоторые москвичи, предвидя гибель города, спрятали в землю свои богатства. Однако сами вернуться за ними уже не смогли — или погибли при взятии Москвы, или были угнаны в плен. И остались эти свидетели трагедии наших предков в земле на долгие и долгие годы.

Клады чаще всего находят случайно. Именно так в 1988 году в Московском Кремле был найден большой клад серебряных украшений конца XII — начала XIII веков, о котором уже писал наш журнал *. И вот в октябре 1991 года — снова открытие. И снова оно связано с событиями 1238 года. Удивительно, что эти клады, спрятанные совсем недалеко от Спасской башни Кремля, на Боровицком холме, сохранялись более 750 лет. Ведь они могли быть найдены и раньше — например, при строительстве зданий в Кремле — или могли погибнуть, незамеченные при земляных работах. Но судьба распорядилась иначе — они попали в руки ученых, став интересным и важным свидетельством не только страшных событий зимы

* «Знание — сила», 1989 год, № 4.

1238 года, но и великолепного мастерства и таланта древнерусских мастеров.

О ювелирных изделиях конца XII — начала XIII веков мы можем сегодня судить в основном только по вещам из кладов. Как и сейчас, золото и серебро высоко ценились в древности, и украшения, ставшие немодными, переделывались, переплавлялись, следуя моде. Такие вещи, доступные лишь княжеско-боярскому сословию, редко попадали в жилой слой города, они бережно хранились, поэтому каждая такая находка представляет огромный интерес для исследователей.

Итак, в октябре 1991 года в Кремле на Боровицком холме на глубине пяти метров был найден клад. В нем — 23 предмета. Это серебряные украшения конца XII — начала XIII веков, великолепные образцы ювелирного искусства. Очевидно, все они были предметом гордости какой-то очень знатной и богатой москвички, ее парадным убором. И было чем гордиться! Великолепные шестилучевые подвески-колты, покрытые не одной тысячью мельчайших шариков — зернью. Вещи, потрясающие современных ювелиров, ибо техника эта, достигшая к XIII веку своего наивысшего расцвета, ныне мало кому из мастеров доступна. А рядом с колтами — изящные височные кольца, крепившиеся к волосам или к головному убору.

В те давние времена женщины на шее носили витые шейные обручи или, как их еще называют, гривны. В кладе их целых три. И еще серебряный медальон прекрасной работы, покрытый чернью и гравировкой. Есть очень редкие вещи. Например, две серебряные бусины. Они сделаны с использованием зерни и сканной проволоки. На одной — двенадцать полусфер, каждая из которых в местах пайки обрамлена шариками мельчайшей зерни,— изумительное произведение человеческих рук!

А вот браслеты. Один сделан из двух толстых перевитых проволок. Его концы, видимо, завершались изображениями звериных голов, которые были обломаны еще в древности. Второй — великолепное произведение ювелирного искусства. Он состоит из двух широких створок. Такие браслеты-наручи были не только украшениями, они скрепляли широкие рукава женской одежды. На браслете — чудесные птицы, фантастические животные. Каждая створка разделена на шесть частей, в которых фигурки животных помещены в художественно выполненные арочки. Богатейшая фантазия, тончайшее чувство композиции, прекрасный вкус! Браслеты-наручи — одни из самых интересных и сложных по форме и технике выполнения ювелирных изделий Древней Руси.

Находки кладов рубежа XII—XIII веков на Боровицком холме позволяют по-новому взглянуть на историю Москвы этого периода, почти не известную нам из-за крайне скудного освещения событий в письменных источниках. Лишь данные, полученные археологами при исследовании культурного слоя Московского Кремля, проясняют, насколько активна и насыщенна была жизнь нашей столицы в этот период. Москва — один из немногих древнерусских городов, переживших монголо-татарское нашествие. Здесь культурный слой XIII века достигает толщины полутора метров (при его общей мощности в Кремле 6—7 метров). Всем известна судьба Старой Рязани, полностью уничтоженной во время вторжения, очень долго приходил в себя после разорения древний и цветущий Владимир — столица княжества. А в Москве, несмотря на страшное разорение войсками Батыя, шла интенсивная жизнь, развивались ремесла, строились храмы, укреплялась сильная центральная власть. Естественно, все это возникло не на пустом месте. И находки богатейших кладов в Кремле рассказывают о накопленных материальных ценностях, о торговых и культурных связях нашего города.

Т. Авдусина,
Т. Панова

1. Серебряный медальон с позолоченной бусиной — держателем для подвески. На фоне, выполненном в технике черни, выгравирован равноконечный крест, нижний конец которого переходит в сложный орнаментальный мотив. Это так называемый процветший крест. На кремлевском медальоне, единственном среди подобных изделий домонгольского времени, «цветение» завершается изображением стилизованной змеиной головки. Несмотря на утраты в правой части медальона, рисунок восстанавливается полностью.

2. В состав клада серебряных изделий начала XIII века, найденного в Московском Кремле в 1991 году, входят украшения трех основных групп: украшения головы — зерненые колты и височные трехбусинные кольца, шеи — витые гривны, бусы и медальон и рук — браслеты. Бережно сохраняли в древности даже обломки изделий из серебра (в кладе есть обрывки проволоки), чтобы использовать их при изготовлении новых, более модных украшений.

Пить или не пить?

Все больше специалистов приходит к мнению, что систематический прием малых доз алкоголя можно использовать в качестве профилактики сердечных заболеваний. Одно из последних доказательств этого утверждения — исследование семи американских медиков, в котором участвовало 5159 человек. Они пришли к выводу, что риск сердечного заболевания понижается на 25 процентов у тех, кто потребляет ежедневно около тридцати граммов алкоголя. Причина — в балансе «хорошего» и «плохого» холестерола в крови.

Алкогольная профилактика сердечных заболеваний встречает сопротивление скептиков, по мнению которых человек стоит перед дилеммой: или болезнь сердца, или цирроз печени. Но, как говорили древние, все — яд и все — лекарство. Дело в дозе...

Рисунок В. Сарафанова

Экоавтомобиль

Этот малыш, выпускаемый английской фирмой «Ринг-спед», создан с учетом требований к охране окружающей среды. В качестве топлива он использует неэтилированный бензин, расходуемый очень экономно. Кузов машины сделан из цветного термопластика, а потому не требует дальнейшей окраски. Такие машины выбрасывают в атмосферу значительно меньше вредного свинца. За последние три года продажа этих автомобилей резко возросла. Если в 1987 году неэтилированного бензина было продано всего 13 процентов от общего количества, то в начале 1991 года его доля составляла уже 40 процентов. По цене же литр неэтилированного бензина стоит на три пенса дешевле обычного. Словом — полезно для природы и выгодно для владельца автомобиля.

Для работающих с дисплеем

Проведенные в Великобритании обследования работающих с дисплеем выявили: более сорока процентов из числа опрошенных испытывают чрезмерное напряжение зрения, что является одним из основных источников стресса на работе. Фирма «Кембридж оптикл груп лимитед» совместно с Британским советом по медицинским исследованиям создала и запустила в производство новые оптические линзы «Комфорт-41». Они в значительной степени предохраняют глаза от мерцающего света дисплея. Изготавливают их по рецепту врача и вставляют в оправу очков исключительно для защиты глаз. Полагают, что вскоре Европейское Экономическое Сообщество издаст директиву с требованием от стран — членов сообщества принять меры к выпуску дисплеев для компьютеров, не излучающих резкий слепящий свет. Линзы «Комфорт-41» помогут не только работающим с компьютерами, но и всем служащим, страдающим от чрезмерного напряжения глаз и головных болей, вызываемых у некоторых из них флюоресцентным освещением.

На снимке: сотрудник фирмы «Кембридж оптикл груп лимитед» за проверкой партии линз «Комфорт-41».

Верен себе сорок миллионов лет

Хотя это кажется странным, но пеликан — одно из живых существ на нашей планете, которое почти не изменило свою внешность и привычки за целых сорок миллионов лет. Доказательством тому — окаменевшие останки отдаленных его прародителей, обнаруженные учеными в земных пластах. Оказывается, пеликан обязан этому рекорду рядом своих особенностей, прежде всего — пристрастием к рыбе и блестящими способностями рыбака.

Стая пеликанов в полете образует дугу. Как по команде, они все устремляются к воде и крыльями подгоняют рыбу к мелководью, где у нее остается единственный путь — к огромным зобам птиц.

А вот другие, не менее замечательные данные. Самые большие белые пеликаны обитают на Тихоокеанском побережье Америки. Рост их достигает 1,8 метра, размах крыльев — трех метров, а вес — одиннадцати килограммов. По размерам их соперниками могут быть только альбатросы и кондоры. Живут такие пеликаны около пятидесяти лет, а скорость, с которой летают эти громоздкие на взгляд великаны, поистине изумляет — 80 километров в час! Что же касается высоты их полета, то ее верхняя граница достигает 2400 метров. На такой высоте пеликаны просто планируют, несомые воздушными течениями.

Б. Цейтлин

Физика — миф — свобода

Лики одушевленного космоса: натурфилософия Павла Флоренского

Среди российских мыслителей начала века Флоренский — далеко не самый популярный. Не то, что Бердяев. Имя Флоренского более на слуху в академически элитарных кругах — среди богословов, философов, математиков, лингвистов.

Не будучи специалистом ни на одном из названных поприщ, позволю себе неакадемически поразмышлять о творчестве этого мыслителя. На то меня поощряет отечественная философская традиция — цеховая замкнутость для нее менее всего приемлема. И как раз у Флоренского особенно внятно выражен традиционный мотив российского философствования — антиэлитарность. Или, по традиционному же определению, «народность».

А что у Флоренского мало похоже на нашу традицию, так это профессиональный интерес к «положительному знанию», в частности к естествознанию. По-российски недоверчив Флоренский ко всякого рода «специализму» — будучи сам специалистом всякого рода! Почти в любом специфически предметном знании он любит и умеет открывать просто-человеческие смыслы. И обратно, размышляя о «последних» вопросах как о первично насущных для всякого человека, находит к ним подступы со стороны «положительной» науки. Вот этим Флоренский воистину своеобразен.

Поскольку я занимаюсь физикой, с нее и начну разговор. Но не с точки зрения специалиста. Хотя и должен признаться: не будь у меня естественнонаучного образования, моя встреча с Флоренским, возможно, вовсе не состоялась бы. Мое знакомство с физикой оказалось благоприятным условием встречи. Физикой меня Флоренский зацепил. Но как только зацепил, так затем уж увлек далеко за пределы физики, вообще за пределы какого-нибудь частного поприща. И вывел — к моему метафизическому дому. А если выражаться не столь высокопарно, то скажу так: благодаря Флоренскому я стал внимателен к тому, что есть во мне от всякого человека. Более того, не в особливости, а именно во всякости своей нашел нечто важное для меня и родное.

Но ведь и физика имеет к тому отношение. Ибо что такое физика? Во всеобъемлющем смысле,— а Флоренский внушает обратиться именно ко всеобъемлющему, то есть коренному, этимологическому смыслу,— так вот физика в означенном смысле — это природа. А человеческая всякость — это и есть моя природа!

Но вот какое странное, казалось бы, суждение из того следует у Флоренского: всякую иную, бессловесную (якобы) природу достоверно могу я понять, только исходя из своей же всякочеловеческой. Не так уж давно такой подход и вправду казался странным с позиций строгой научности и оттого грубо суеверным. Назывался он обидным (для ученого) словом «антропоморфизм». Теперь же происходит реабилитация того подхода. И название ему подыскали более почтительное: антропный принцип. Так чем же последний отличается от наивного (беспринципного) антропоморфизма? По моему разумению, он есть честное осознание того, что никакой картине мира, даже научной, не избавиться, во всяком случае, от скрытого, антропоморфизма. А коль так, то пускай уж он будет открытым, пускай будет встречен во всеоружии рефлексии. Близкие к тому соображения нахожу у Флоренского. Причем у него они осмыслены как гносео-, так и онтологически. Начну с гносеологии.

Ключевое слово, как я уже заметил,— «достоверность». Декарт исходит из той же категории, приложенной, однако, к иной сущности, нежели у Флоренского. Бытие моего личного разума — таково содержание картезианской достоверности. Возможно ли строго отделить лично мой разум от не моего? Так вот, различение это Флоренский как раз и полагает сомнительным. А та достоверность, из какой он первично исходит, в том и состоит, что лично мой разум себя узнает вовне. И только благодаря тому обретает уверенность насчет своего персонального

бытия. Свой разум я *обличаю* — нахожу его в ликах одушевленного космоса — эрго, существую и мыслю.

Но ведь эта формула есть не что иное, как «самовыражение» мифа! И вправду, реабилитация мифа — это, можно сказать, программный мотив в натурфилософии Флоренского. По Гегелю (и не только по Гегелю), миф как раз и есть инобытование моего внутреннего мира в образах внешнего. Можно и так сказать: если мое представление о реальности я безотчетно отождествляю с ней самой, то это и значит, что я привержен мифу. То есть миф упраздняет гносеологическую проблему. И уж поскольку нахожу у Флоренского оправдание мифа, то вправе теперь перейти к онтологическому обоснованию его натурфилософии.

Человеку, конечно, психологически «выгодно» сообразовывать внешний ему мир с собою. Флоренский с этим не спорит. Он только утверждает, что сама эта «выгода» коренится в истинном родстве: в иносущной ему природе человек действительно узнает свою, ибо та и другая запечатляют природу божественную.

Так вроде бы положено думать священнику и богослову. Однако мысль Флоренского идет, несомненно, дальше «положенного». Не столь она заряжена апологией, сколь дерзновением. Религиозным, трепетным, но дерзновением. Лики одушевленного космоса мыслятся ему более чем запечатлениями, знаками, познавательными образами божества. Для Флоренского они святы как феномены божественного *присутствия*. Из-за того, замечу, репутация Флоренского среди верующих до сих пор небезупречна. Есть и такие, кто считают его вовсе язычником. Стоит признать: для подобных подозрений Флоренский оставляет повод. Если называть язычеством веру в Бога, *наяву* присутствующего, то Флоренский — да, язычник!

Другое дело, что это язычество, вернее сказать, этот миф, у него философски осмыслен. И потому, строго говоря, не совсем это миф. Наивно не замечать гносеологической проблемы — совсем не то, что философски защищать такую наивность. Рефлексия мифа, как бы положительно его ни оценивала, с самим мифом не совпадает. Просто потому, что рефлексия. Она мифологична (вот именно — *мифо*-логична) только в том смысле, что ее предметы суть первичные и неопосредованные впечатления от внешнего мира. По мысли Лосева, ближайшего последователя Флоренского, именно из таких впечатлений впервые образуется миф. Знать, что они только впечатления,— при всем том принимать их в сознание на правах всамделишной истины. Такова суть ненаивного, самосознающего мифа. Он не скрадывает гносеологической проблемы, а как раз честно предлагает ее решение.

Суть его в том, что для узнавания истины человеку надобно овладеть не более чем двумя навыками: видеть глазами и слышать ушами. Всего лишь? Нет, это не всего лишь! Спонтанно человеку видится и слышится то, что ему некритично мнится видимым и слышимым. Так что речь идет о навыках, а не о спонтанном умении. Учиться щедрому, не стесненному стереотипами видению и слышанию — это и значит воспитывать в себе религиозное восприятие мира. Потому что истина, открытая для освобожденных глаз и ушей, является человеку не безответной, а непременно говорящей ему нечто для него важное. То есть предстает духовным, или, как сказал бы Лосев, «интеллигентным» ликом.

И вот главная мысль Флоренского: я должен верить своим глазам и ушам, ибо к тому призывает меня создатель всего видимого и слышимого. «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Павел, Рим. 1:19, 20).

Для всей деятельности Флоренского нет более подходящего эпиграфа. Каким бы ни было ее предметное поле, всеобъемлющий смысл ее всюду один и тот же: «через рассматривание творений» познать правду Творца. Все библейские религии славят щедрость Всевышнего на всякое благо. И только христианство устами апостола Павла говорит большее: Творец на истину щедр. Тварный мир — это больше, чем творение, он есть предкнижное откровение Творца. Честное «рассматривание творений» — непременно честное! — само по себе приводит к вере. Так что же есть вера? Некритичное принятие господствующего мнения? Если и можно его назвать верой, то уж никак не христианской. По христианскому же разумению, вера — это самое настоящее знание!

Но, конечно, не теоретическое и не практическое. Во что веруешь, того не доказать рассуждением и не испытать фактом. Ибо что это значит — доказать или испытать? Не что иное, как свести содержание веры к очевидностям опыта и рассудка. В конечном счете расстаться с ним ради таковых очевидностей.

Напротив, знание, достойное веры,— а это и значит *досто*верное,— должно не разлучать меня с тем, во что верую, а как раз вплотную к нему приблизить. Такое знание назову «эйдетическое». То бишь достоверное благодаря самой же его наличной форме, или, говоря по-античному, его эйдосу. Хотя и мудреное слово, а выражает оно закономерность, вполне доступную обыденному разумению. В самом деле, коль нет у нас никакой предварительной информации о предстоящей вещи (либо о предстоящей личности), то из чего исходит наше первичное о ней представление? В таких случаях мы ее не «подводим» под какое-то общее понятие и не воображаем себе сторонних последствий ее появления. То есть в наше разумение не входит ничего, кроме нее же самой.

Чем личность (или вещь) *на*-лично является, то и признаем достойным веры. Другое дело, что в обыденном опыте такую достоверность мы имеем безотчетно. А в чем она содержится «концентрированно», в чем целенаправленно подается, так это в художественном и прежде всего в поэтическом творении. На примере поэзии особенно ясно, чем своеобразно эйдетическое бытование истины. Ведь если меня убеждает поэтическое изречение, то не чем иным, как своей же голосовой наличностью. Что в поэзии явно — то истина. И никаких иных критериев истины тут быть не может!

Но ведь поэзия — это не обязательно стихи. Отчего бы ее не разуметь обобщенно: как любое творение, любое дело, коего смысл достоверен эйдетически, то есть по одной только его наличной яви? Так вот, настрой на эйдетическое, то бишь на поэтическое разумение вещей,— это и есть то единое, чем у Флоренского роднятся все его богословские, естественнонаучные, филологические интуиции. В этом все дело: Флоренский — прежде всего поэт! И потом уж богослов — священник — математик — физик — инженер — филолог.

Впрочем, филологию стоит выделить особо. Мысль Флоренского по ее общей направленности филологична. К явлениям природы он обращается не за тем, чтобы природу объяснить вчуже, а чтобы ее услышать как телесно запечатленную, то есть как *слов*ленную духовность. Первозданная духовность, «софийность» так называемого материального мира,— вот это и есть лейтмотив размышлений Флоренского.

Почему «так называемого»? А потому, пишет Флоренский, что «в религиозном сознании вовсе нет ничего соответствующего слову светскому «материя». Но ведь можно и не «по-светски» разуметь слово. Можно и не держаться за тот смысл, какой ему придан в новоевропейской философии. Обратимся к этимологии. «Материальная» — значит материнская. Таковою запечатлелась природа в архаическом разуме. Женственная духовность, внутренне присущая тварному миру,— и есть София, мудрость. Спонтанная, дорефлективная, нутряная, а все же — мудрость. Но каким образом, по каким соображениям эту женскую логику (без всякой иронии так говорю) человек признает мудрой? Да просто потому, что таковою она *является* человеку. Но является не в специально логических, а в ее же собственных формах.

То есть явления природы суть ее же слова, безрассудно и безымянно внятные человеку. Как это понимать? Ну, например, так: ручей журчит,— вот это и есть его молитва. «Всякое дыхание да хвалит Господа» — этот стих тоже подходит эпиграфом к натурфилософии Флоренского. Понятно тогда, почему он и церковь именует Софией. Храмовая служба не противостоит миру, а является символом, то есть собранием (в точном переводе) всекосмической... Как бы это назвать? Вот: всекосмической *благобрати*. Не могу найти более подходящего слова. Благодать — от Бога к миру. Ну а тогда ответное движение твари к Творцу — это, конечно, благобрать. Софийность тварного мира — и есть его способность на благобратную речь, его языческость. Да, Флоренский — апологет язычества. Но какого? Того, что во всяком человеке коренится как его первозданная ответность Богу. Стало быть, имманентно (а не привходяще) живет даже в библейских религиях, даже в христианстве. Откровение Христово — благодать, а язычество — благобрать рода человеческого, то, чем берет человек данное ему свыше.

Итак, природа словесна. Обратное для Флоренского столь же бесспорно: слово есть природа. Слово, по Флоренскому, обладает «магичностью». Это значит, что не по какой-то сторонней норме оно «приписано» к своему смыслу, а оно из себя же его излучает. В феноменальной, то есть в налично вещной его выразительности лучится энергия самой выражаемой сущности. В той мере внятно своей вещностью, в какой оно вещее слово. А это ведь и есть существенно поэтическое восприятие слова. Поэту оно является прежде

всего живущим. И потому уж значащим.

Смысл того или иного слова поэту не известен заведомо. Поэт не заведует семантикой слова, а в том и состоит его творчество, чтобы ее изведать у самого же слова. На этот счет есть у Флоренского филологическая концепция (она же и философическая). Суть ее в том, что семантика не навязана слову внешне как функциональная упряжка, а она коренится в его самобытной витальности. «Дар слова, — пишет Флоренский, — есть дар всеприменимый, и область слова не менее области сознания, если только не более». А что это значит — «если только не более»? Понимаю так: слово «про себя знает» и такие смыслы, что в сознание говорящего до поры до времени еще не вошли. «Дар слова» потому и «всеприменимый», что слово настроено отозваться человеку даже и на такие его душевные состояния, на такие индивидуально особливые интуиции, каковых сам он еще не осознает, а только хочет осознать. Слово, иначе говоря, обладает саморазвивающейся смысловой структурой. А *раз*виваться, конечно, может только то, что уже *свито* в самой органике слова. И не этот ли смысл латинским *vita* *слов*лен? Жизнь — как феномен, она ведь и есть «виение»: *раз-vitie* и *с-vitie*.

А более всего эта семантическая гибкость, по его мнению, присуща философскому и научному термину. Теперь уж лингвисту понятно: слово-термин никак нельзя считать атомарной единицей смысла. И тут Флоренский говорит большее: если ученый или философ избирает какое слово термином, он тем самым не по произволу (или соглашению) вкладывает в него свою концепцию, нет, — в самом слове ее *узнает* как имманентно созревшую.

Так что же есть терминологическая точность? В науке и в рационалистической философии с термином обращаются так, будто он по какому-то проекту устроен наподобие инструмента. А назначение проекта в том состоит, чтобы определить термин на ту или иную «службу», тем самым заведомо исключить возможности, не предусмотренные «службой». Флоренский же замечает иное устроение термина — не по техническому проекту, но, скорее, по генетической программе. Различие тут не только в происхождении. Технические устройства, по мысли Флоренского, суть безотчетные «проекции» *отдельных* человеческих органов. Слово же представляет собой целостный организм, не ограниченный той или иной специализацией. Если какому рукотворному устройству его и можно уподобить, так это дому, ибо только дом среди прочих изделий представляется Флоренскому всетелесно универсальным. (Недаром ведь и Хайдеггер называет язык «домом бытия».)

Итак, научный или философский термин — не безответное орудие, а живое средоточие мысли. У Флоренского именно поэтическое внимание к термину более всего способствует точному обращению с ним. И обратно, последнее, по его убеждению, поэту как раз более всего необходимо. Вот что он пишет об этом: «...Право на символотворчество принадлежит лишь тому, кто трезвенной мыслью и жезлом железным пасет творимые образы... Не виртуозность разработки, но аскетическое трезвение в самом буйстве творческих порывов есть признак истинного творчества». Суждение это вполне применимо к его собственному творчеству. Но «аскетическое трезвение», по-видимому, для Флоренского не самоценно, а к тому его обязывает некий положительный принцип. Позволю себе выразить его той формулой, что известна благодаря другому мыслителю, — «благоговение перед жизнью». Думаю, Флоренский признал бы своим этот швейцеровский принцип. К точности в обращении с термином не техническая инструкция обязывает, а благоговение перед жизнью. Инструкция предписывает нормативную точность, поскольку составлена в расчете на заведомые функции механизма или инструмента. Благоговение перед жизнью обращает не к модели живого существа, а к самой его непредсказуемой реальности. Тем самым воспитывает ситуативную, или окказиональную точность. Последнее определение представляется мне более подходящим, коль речь идет о витальности слова. Ведь многое в слове и в живом теле, как, впрочем, и в доме, устроено про запас, дабы нашлось чему примениться ко всякому случаю. То есть ко всякой оказии.

Думаю, Флоренский уповает как раз на семантическую запасливость научного термина. Как иначе в его натурфилософии могли бы уживаться такие, казалось бы, несовместимые вещи? С одной стороны, реабилитация мифологического понимания природы, с другой — профессиональная корректность в обращении с современными ему научными концепциями. Но ведь концепция, по Флоренскому, есть не что иное, как развернутый или раз-витый термин. А термин благодаря витальному его инстинкту не дает себя раз-вить до полного исчерпания, а кое-что свивает в себе про запас. Так вот, чтобы ученому выйти за рамки узкопрофессионального, то бишь обыденного научного мышления, чтобы подняться на уровень методологической рефлексии, для того ему стоит прислушаться к свитой семантике научного термина. И затем ее сопоставить с раз-витой, дабы специально физическое значение научного термина осмыслить мета-физически.

Вот почему для своей натурфилософии Флоренский не изобретает какую-то особливую физику. Вполне ему «хватает» общепризнанной. А уж он-то настроен более чем критично по отношению к «положительной» науке, вернее, к позитивистскому пафосу «строгой научности». При всем том как раз в положительном содержании науки находит абсолютную истину. Нет, никоим образом он не отождествляет научную истину с абсолютной. Речь не о тождестве — о символическом соответствии. Суть его та, что миф не представляет собою чего-то альтернативного или хотя бы чего-то дополнительного к специально научному знанию. Нет, в мифе содержится знание то же самое, но на более глубоком уровне. Метафизическое разумение природы изоморфно специально физическому, свитая семантика научного термина, то бишь мифологема, изоморфна *раз*витой. А это и значит, по любимому определению Флоренского, что они символически одна другой соответствуют.

Понимать ли это так, что верность мифологического разумения природы научно доказуема? Подход Флоренского располагает к обратному суждению: научная мысль с большими или меньшими отступлениями исподволь держится тех ориентиров, каковые архаическая, она же всякочеловеческая, народная интуиция уже наметила. Ибо всякому разуму, даже самому что ни есть «элитарному», они присущи как его имманентная народность. Так что интеллигент, если он свое же, умственное дело исполняет творчески, тем самым уже совершает хождение в народ — имманентное. Это не значит «интимное», безысходно замкнутое в творческом субъекте. Ведь творчество есть также транссубъективный, культурно значимый феномен. А при таком его рассмотрении не выходит ли так, что научная мысль по мере развития все более обращается к ее свитым резервам? То есть имманентное хождение в народ оформляется на уровне методологической рефлексии. Коль и вправду оно так происходит, то не без участия Флоренского. В его время это мало кому представлялось актуальным. Не то, что теперь, когда наука действительно стала производительной силой. Причем не только в мире вещей. Мифы XX века суть тоже ее произведения.

Картезианская логика науки, она же, по Флоренскому, «возрожденская», задает ей безвозвратно поступательное развитие, при каком она все далее отступает от ориентиров, намеченных издревле. Вот что, по размышлению Флоренского, из того получается: «Опасность, когда-то казавшаяся неопределенно далекой, уже вплотную подступила к культуре; и не в силу отвлеченных соображений приходится пересматривать курс недавней культуры, а под натиском самой жизни, мы как члены человеческого рода, как личности уже не в состоянии жить среди продуктов самоотравления возрожденской культуры. Мы фактически уже восстаем против нее, не кто-либо один, а многие, большинство. Когда физик или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, а дома, в своей семье, с друзьями чувствуют другое, вступая в противоречие с существенными предпосылками своей собственной мысли, то не значит ли это, что личность каждого из них разделилась на несколько исключающих друг друга? Личность рассыпается, утверждая отвлеченное единство всей своей деятельности. Но это не соборность, не синтез, не творческое объединение, а разложение, механическая смесь — словом, не жизнь, а смерть. И смерть не от злой воли того или другого деятеля культуры, а необходимое последствие самого хода ее». Вот, стало быть, для чего науке надобно «припомнить» свои неспециальные, всякочеловеческие истоки. Без такого «припоминания» профессионально воспитанный интеллект творческой личности разлучается с ее же имманентной народностью.

Вот и Флоренский сложнейшие интеллектуальные построения любит поверять житейскими интуициями. В бытовом жизнепонимании, утверждает он, «все есть, все возможное богатство мысли. Но нельзя распознаться в этом богатстве, трудно, а порой и недостижимо отыскание требующегося, вот сейчас, предмета или угла зрения... Такое жизнепонимание подобно огромной библиотеке, не только не имеющей каталога, но и не расставленной по плану». Так не для того ли наука, чтобы все расставить по полкам и составить опись? Вер-

нее, тем наука и занимается. Да только так, что главное забывает: к чему ее каталоги и планы приложены.

Продолжая сравнение Флоренского, можно так выразить его представление о научной методологии: оригинальные рукописи она не только заменяет, но и подменяет библиографическими шифрами. Памятливо обращаться с «рукописями» — то не науке свойственно, а философии. Благодаря философской рефлексии научная мысль припоминает: собственно мыслью она стала задолго до того, как вкатилась на колею научной методологии. Собственно мышление и есть припоминание того благобратного слова, в коем запечатлелось безотчетно нутряное природоведение. Ну а если бы удалось вытащить на свет рефлексии таинственную связь «головного» знания с «нутряным»?

Не окажется ли тогда под сомнением познавательная ценность физики? Коль ее результаты отчуждены от житейских интуиций, посему не достойны веры — грош ей цена! А коль она приближается в конечном счете к тому же знанию, от какого ушла, что нового, по сравнению с обыденным, дает научное постижение природы?

Вот тут нас и выручает антропный принцип! Коль ему довериться, то историю физики, от Декарта до наших дней, не стоит считать прошедшей впустую. Даже усомнившись, вслед за Флоренским, в ее служении истине. И даже объявив ее великим заблуждением человеческого разума. Пускай оно так — и заблуждения Промысел Божий обращает во благо. И вот какое: специально устроенная человеческим разумом для познания иносущной ему природы, физика «неспециально» срабатывает как устройство для его *само*познания. Так оно следует из антропного принципа. Во всяком случае, правомерно и такое его толкование. Ведь если понятиями об иной природе человек ее сообразует со своей же человеческой, значит, свою он волей-неволей выговаривает таковыми понятиями. Во всяком явлении природы они символически подразумевают духовное содержание и в этом смысле уподобляют его человеку. Отчего ж тогда их не признать символами собственно человеческого духа?

«Науки о духе» — так в старину называли гуманитарные науки. Стало быть, физика — гуманитарная наука! Другое дело, что в ряде наук, традиционно гуманитарных, ей подобает особое место. Во-первых, понятия и методы физики к бытию человека применимы не в собственно предметном, а именно в символическом разумении. Пример такого разумения можно найти у М. Планка. В каких случаях, задается он вопросом, закон возрастания энтропии не срабатывает? Если встречаются два световых луча из разных источников, они, конечно, никакой упорядоченной картины не образуют. Но если когда-то из одного луча они вышли, затем их раз-лучили всякими зеркалами и линзами, и вдруг судьба им подгадала встретиться вновь? Что же тогда увидим на экране? Распределение света получается даже более слаженное, чем порознь от каждого луча,— эффект противоэнтропийный. Не происходят ли, далее пишет Планк, подобные явления в духовной жизни? Не берусь угадывать, о чем он подумал,— о любви, о поэтическом вдохновении, мистическом откровении или о каком ином из тех явлений, что в просторечии называют чудом. Одно несомненно: нет у него намерения причинно объяснить чудо когерентностью световых лучей. Чудеса в жизни людей и противоэнтропийные эффекты в жизни световых квантов мыслятся ему не более, чем подобными явлениями. Но ведь и не менее! Понятие когерентности не объясняет чуда, зато прекрасно служит как его научное иносказание. То есть как символ.

Наука при ее нынешнем самосознании смиренно отказалась от прежних амбиций: свести духовную жизнь к физико-химическим процессам. Но и в ту пору, когда наивный редукционизм еще доживал свой век, появляются такие научные дисциплины, что исходят не из причинного, а из символического принципа бытийных соответствий. И не последнюю роль в тех разработках сыграли идеи Флоренского. Не «потому, что», а «так же, как» — вот ключевой предлог, связующий социально-культурное бытие с космическим.

А что если в самом деле мир на всех его «этажах» устроен единообразно? Если всякое бытие — материальное, духовное — послушно одним и тем же универсальным принципам? О том ведь говорит человеку древнейшая его интуиция. Отчего бы ей не довериться, коль она достойна веры?

Нетрудно тогда заметить: наиболее послушны универсальным принципам как раз те формы бытия, каковыми занимается физика. А это значит, что так называемая «физическая реальность» представляет собою (вернее, физика ее так представляет) образцовую символику вездесущих принципов. Этим, стало быть, тоже определяется особая роль физики на гуманитарной службе. Ведь если ее понимать как иносказание о человеческом бытии, то оно получается даже более компактным и оформленным в сравнении с прямым, то есть гуманитарным сказыванием. Заглядывая в физику, традиционные «науки о духе» могут там себе выбрать безупречно добротные модели и выкройки. Так оно и происходит. «Резонанс», «когерентность», «бифуркация» — эти слова уже появляются в гуманитарном лексиконе. А слово «энтропия» давно уж значимо за пределами его первоначальной предметности.

Даже в собственно физической природе, в коей традиционная физика не признает живой души, даже и там современная наука синергетика открывает некий аналог человеческой свободы. При некоторых критических условиях ансамбль частиц попадает в точку бифуркации. Это значит, что ему предстоит выбрать какой-либо из нескольких возможных путей дальнейшей эволюции. «Выбор» непредсказуем и, более того, подчас окказионально определяется «хотением» всего одной частицы. Вот, стало быть, пример того, как физика иносказует истину о человеке: история есть феномен личной свободы! «Синергия», «синергизм» — любимые слова в лексиконе Флоренского. Теперь же ими обозначено то направление, что задает общую тенденцию в современной науке,— одухотворить «физическую реальность». Идеи Флоренского, быть может, не напрямую повлияли на становление синергетики. Думаю, однако, не случайно ее основоположник (И. Пригожин), хотя и живет за границей, известен под русской фамилией.

«...Мне вовсе не безразлично,— писал Флоренский,— буду ли я думать и ощущать в единстве с человеческим родом или же склонюсь к отщепенству, то есть к общечеловеческой ереси, к мысли обособленных кругов, кружков и единиц. Мне далеко не безразлично, дышать ли полной грудью среди лесов и полей или задыхаться в пыльной комнате; и чрез глубинную установку моего сознания жизнь моя неминуемо определится в самом важном для меня весьма различно».

Непривычным кажется подобное понимание свободы, особенно в контексте нынешнего, то есть «просвещенческого», представления о личности. «Думать и ощущать» народно, «в единстве с человеческим родом» — это и значит для Флоренского «дышать полной грудью среди лесов и полей». А склоняться «к мысли обособленных кругов, кружков и единиц» — все равно что «задыхаться в пыльной комнате». Теперь, когда мы согласны (вроде бы) признать духовную ценность индивидуализма, такое и вправду кажется непотребным. Но что поделаешь? Очень уж долго наше историческое житье-бытье проходило под знаком отрицания личной свободы. Оттого, наверное, ее смысл нам представляется перво-наперво тоже отрицательным.

Что же есть свобода в положительном смысле? Чтобы его разуметь, достаточно прислушаться к самому слову. Свобода — это свойность. Я, конечно, не свободен, коль в моем внутреннем мире взамен «я» распоряжается всякообразное «мы» или безличное «оно». То есть я не свободен, коль сам себе не свой. Но ежели свой себе только я сам, ужель я свободен? Коль оно так, то ради сбережения моей свободы мне следует отказаться от творчества и вообще от всякого дельного выражения самого себя в мире феноменов. Да и не только творить, а что-либо говорить самому себе и даже просто являться — это тоже в ущерб моей свободе. Ибо моя речь и даже мое тело суть иное, нежели «я сам». Стало быть, ничем положительным такая свобода не является. *Наяву и на деле* самого себя не могу я признать своим!

К означенному абсурду, по мнению Флоренского, как раз и приводит «возрожденская» концепция свободной личности; чисто логически она противоречит самой идее творчества. Но ежели Флоренский приемлет иное понимание личной свободы, то, конечно, не из-за того, что ему оно представляется логически безупречным. Перво-наперво не в силлогизмах, а в эйдосах, во внеположных *пред*стояниях достоверно ему *само*стояние личности. Внешними запечатлениями обретает мой разум достойную веры *на*личность самого себя. Чем своее мне явь моего-всехнего бытия, чем шире моя благобрать, тем глубже коренится моя личная свобода. Вот что полагает Флоренский достойным веры помимо и прежде логического испытания.

Сполна испытать такое исповедание свободы ему довелось совсем не на поприще «чистой» мысли. Не миновал его наш исторический, общий для многих, гулаговский удел. Чем не доказательство от противного? Ты настроен свойно жить в сущем мире, свойно принять выпавший тебе удел,— а мир и удел приходят за тобой в кромешной чужести!

Сколь же свободна личность, возмогшая такой удел и такой мир *сделать* своими! ●

Николай I Павлович, император Всероссийский (1796—1855).

А. Смирнов,
доктор исторических наук

Разгадка смерти императора

Внезапная кончина 18 февраля 1855 года Николая I породила легенды. Одна гласила, что Николай не мог пережить неудачи Крымской кампании и покончил с собой, другая обвиняла лейбмедика Мандта, иностранца, в том, что он «уморил царя». При всей несовместимости легенд слухи совпадают в главном — в убеждении о неестественности смерти государя. Легенды эти, распространившиеся с молниеносной быстротою, были настолько тревожны, что уже в первые дни после кончины Николая потребовалось правительственное оповещение о событии 18 февраля, чтобы их пресечь.

24 марта 1855 года «с Высочайшего соизволения» вышла книга на русском, польском, английском и французском языках — «Последние часы жизни Императора Николая Первого» (без указания автора и издателя, с пометою типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии), как выясняется, принадлежавшая перу главного управляющего II Отделением графа Д. Н. Блудова. Характерен эпиграф: «Блаженни мертвии, умирающии о Господе». Книга сия была направлена к тому, чтобы, кратко изложив ход болезни императора, его просветленную кончину, рассеять сомнения в неестественности его смерти.

Для успокоения умов была напечатана записка доктора Мандта «Ночь с 17-го на 18-е февраля 1855 года», первоначальная редакция которой была, однако, исправлена и дополнена в духе политической необходимости момента. Позже Мандт издал весьма ценную, с точки зрения сообщаемых сведений, статью «О последних неделях императора Николая I». Об этих документах — разговор позже.

Уже после революции многочисленные источники на эту тему пополнились новыми, найденными в архивах. В 1918 году в архиве графа П. Д. Киселева, человека умного и наблюдательного, была обнаружена рукопись, принадлежавшая его перу, освещающая последние часы Николая I.

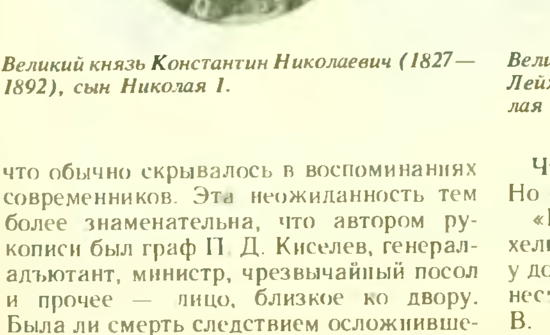
В рукописи Киселева сильно выражено непосредственное чувство полной неожиданности, внезапности кончины Николая,

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), сын Николая I.

Великая княгиня Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская (1819—1876), дочь Николая I.

что обычно скрывалось в воспоминаниях современников. Эта неожиданность тем более знаменательна, что автором рукописи был граф П. Д. Киселев, генерал-адъютант, министр, чрезвычайный посол и прочее — лицо, близкое ко двору. Была ли смерть следствием осложнившегося гриппа или Николай не сохранил сил душевных и оборвал сам нить своей жизни?

Литература — и официальная, и мемуарная — представляет кончину Николая следующим образом: «Сей драгоценной жизни положила конец простудная болезнь, сначала казавшаяся ничтожною, но, к несчастью, соединившаяся с другими причинами расстройства, давно уже таившимися в сложении, лишь по-видимому крепком, а в самом деле потрясенном, даже изнуренном трудами необыкновенной деятельности, заботами и печалями, сим общим уделом человечества и, может быть, еще более Трона». Это — граф Блудов. А вот что пишет доктор Мандт: «В Гатчине государь стал неузнаваем: душевное страдание сломило его прежде, чем физическое. Если бы Вы его видели при получении каждой плохой вести! Он был совершенно подавлен, из глаз его катились слезы, и часто он слишком обнаруживал овладевшее им отчаяние. Но эти минуты бывали для государя нечеловеческим мучением...» В более поздних заметках о Николае мы находим указание на то, что в Гатчине, где он тогда жил, «помнят про его бессонные ночи, как он хаживал и клал земные поклоны перед церковью».

Что же так угнетало властелина? Но — все по порядку.

«Не желая отказать графу Клейнмихелю в просьбе быть посаженным отцом у дочери его, государь поехал на свадьбу, несмотря на сильный мороз...— пишет В. Панаев, директор канцелярии императора.— Этот вечер был началом его болезни: он простудился. Возвращаясь, ни на что не жаловался, но ночь провел без сна... Другую и третью ночь провел тоже беспокойно, но продолжал выез-

жать. Ни в городе, ни даже при дворе не обращали внимания на болезнь государя; говорили, что он простудился, нездоров, но не лежит... Государь не изъявлял опасения насчет своего здо-

Великий князь Михаил Николаевич (1832—1909), сын Николая I.

ровья, потому ли только, что в самом деле не подозревал никакой опасности, или же, вероятнее, и для того чтобы не тревожить любезных своих подданных. По сей последней причине он запретил печатать бюллетени о болезни его. Сия болезнь продолжалась с разными изменениями от последних чисел генваря до 9-го февраля».

Наиболее точную датировку развития болезни мы находим в камер-фурьерском журнале, начиная с 5 февраля.

Суббота, 5 февраля: «Сего числа Его Величество почувствовал себя несовершенно здоровым. Прогуливаться не выходил».

«То же 6—7-го по несовершенному здоровью прогуливаться и принимать с докладами никого не изволил».

Но уже 8 февраля, во вторник, царь выезжал на манеж, а к концу недели явно окреп и даже делал смотр войск. В камер-фурьерском журнале в записи за 11 февраля есть намек на то, что в этот день Николай чувствовал недомогание: «Его Величество по пробуждении чувствовал себя слабым и потому изволил приказать послать к Отцу Духовнику и сказать, что он по несовершенному здоровью слушать утреню и часы не может, но постарается быть к Преждеосвященной Литургии». Вечерняя запись говорит, что «по причине лихорадки Его Величество в церкви быть не мог и вечером». Полного исцеления еще не было.

Александр II Николаевич (1818—1881), сын Николая I, наследник престола, с 1855 года — император.

Великий князь Николай Николаевич (1831—1891), сын Николая I.

С 12 февраля Николай «с докладами г.г. Министров принимать не изволил, но отсылал дела к Его Высочеству Государю-Цесаревичу»; однако из записи за тот же день явствует, что от одиннадцати часов «были у него на посещении» граф Орлов и министр двора граф Адлерберг. В табели за воскресенье 13 февраля на полях помечено: «Его Величество заболел 10 февраля лихорадкой, которая 11-го числа повторилась. Ночью на 13-е число было мало сна. Лихорадка менее. Голова свободнее. Его Величество выхода к Литургии иметь не изволил». В записях за 14 февраля, понедельник, читаем: «Его Величество ночью на 14-е число февраля мало спал, лихорадка почти перестала. Голова свободна». С 10 по 15 февраля недомогание, временами усиливаясь, все же шло на убыль: «Голова свободна», «Лихорадки нет». Но именно эти-то факты и обходят преднамеренно царедворцы-мемуаристы.

И Блудов, и Панаев, и Мандт, давшие наиболее полное описание последних дней Николая, как будто не замечают улучшения состояния его здоровья с 12 по 17 число и берут все развитие болезни за одни скобки — с 9 по 17 февраля. Но и они не отрицают важный факт — гнетущее впечатление, которое произвела на Николая телеграмма о поражении русских войск под Евпаторией, полученная им 12 февраля. Почти оправившийся от гриппа Николай переживает новый кризис — нравственный, физическое недомогание сменяется душевными муками и слезами отчаяния. Для Николая, всегда гордившегося своей

Граф Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872), генерал-адъютант, министр государственных имуществ.

невозмутимостью, это состояние необычно. Его терзает тревога за армию, за исход войны.

В 10—11 часов ночи с 17 на 18 февраля Мандт, как он пишет, не терял надежды на выздоровление государя и, сделав все нужные медицинские предписания, не раздеваясь, прилег отдохнуть до трех часов в одной из комнат дворца, оставив у постели больного доктора Карелля. В половине третьего ночи, когда он встал, чтобы идти на смену Кареллю, ему подали записку от фрейлины Антонины Дмитриевны Блудовой следующего содержания: «Умоляю Вас, не теряйте времени ввиду усиливающейся опасности. Настаивайте непременно на приобщении святых Тайн. Вы не знаете, какую придают у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы — иностранец, и вся ответственность падет на Вас. Вот доказательство моей признательности за Ваши прошлогодние заботы. Вам говорит это дружески преданная Вам А. Б.». Вот в этом пункте (описание ночи с 17 на 18 февраля) официальные источники и доктор Мандт начинают сбиваться.

Мандт пишет, что он поспешил к Николаю и после осмотра его, убедившись в том, что его положение крайне опасно, что у него начало паралича, приступил к возложенной на него миссии. Николай I мужественно выслушал диагноз Мандта и попросил позвать наследника.

Почему вдруг паралич, при гриппе, почти залеченном?

Современники самым подробным образом описывают последние минуты Нико-

Великая княгиня Ольга Николаевна, королева Вюртембергская (1822—1892) дочь Николая I.

Александра Федоровна (1798—1860) принцесса Прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, с 1817 года — жена Николая I.

лая, мольбы императрицы о принятии святых Тайн, прощание с семьей, находившимися во дворце сановниками и слугами, обряд исповеди и затем кончину его в 12 часов 20 минут пополудни 18 февраля. Но причина внезапного «паралича» от этих описаний не становится понятней, скорее, наоборот. Закрадывается сомне-

ние, что власти хотят что-то скрыть, «заговорить», отвлечь внимание.

Первый бюллетень о его болезни от 13 февраля (запись в камер-фурьерском журнале 13 февраля) появился в газетах только 18-го, когда Николай уже умирал. В прибавлениях к тому же номеру газеты был приложен бюллетень № 2 о состоянии здоровья 17 февраля в одиннадцать часов вечера, подписанный лейб-медиками: «Лихорадка Его Величества к вечеру усилилась. Отделение мокроты от нижней доли правого легкого сделалось труднее». В субботу, 19 февраля, в отделе внутренних известий газеты повторили бюллетень № 2. Бюллетень № 3 от 18 февраля, четыре часа пополуночи: «Затруднительное отделение мокроты, коим страдал вчера Государь Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным». И № 4 от того же числа, девять часов пополуночи: «Угрожающее Его Величеству параличное состояние легких продолжается» с припискою после подписей врачей: «Государь Император сего числа, в 3 1/2 часа пополуночи, изволил исповедаться и причаститься святых Тайн в полном присутствии духа». И только 21 февраля, на четвертый день после смерти Николая, был опубликован манифест о его кончине. Это невероятно. В памяти невольно встают события марта 1953 года, когда все мы читали сообщения о болезни другого властелина, тоже уже усопшего.

Естествен и логичен ход болезни императора только до 12 февраля, так говорят факты. А 12 февраля Николай получает известие из-под Евпатории, которое, по свидетельству Мандта, «положительно убило его... тут ему был нанесен последний удар». «Сколько жизней пожертвовано даром,— эти слова и эта мысль постоянно возвращались к нему.— Бедные мои солдаты!» У всех авторов воспоминаний и записок, не исключая и Киселева, остается пробел с 12 по 17 число. Это явно преднамеренное умолчание многозначительно. Камер-фурьерский журнал свидетельствует об улучшении самочувствия Николая с 13 по 16 февраля: лихорадка прошла, голова перестала болеть, ночами он не спал, но бессонница была следствием уже морального беспокойства, а никак не физического недуга.

До вечера 17 февраля, с которого Мандт начинает описание знаменательной ночи, во дворце все спокойно, спокойно именно потому, что до самой ночи и сам Мандт продолжал всех уверять, что опасности нет. Наследник, императрица, не говоря уж о дворе и широкой публике, и не подозревают о возможности скорого смертельного исхода. Но дальше начинается преднамеренный туман, пробел в изложении лейб-медика.

Он получил записку Блудовой с просьбой «не терять времени ввиду усиливающейся опасности», но каким образом Блудова могла знать о тяжелом положении больного и сообщить об этом его врачу до того, как этот врач осмотрел его и убедился, что кризис наступил? Здесь кроется неточность, точнее — умолчание. В «Воспоминаниях» Панаева мы находим следующее интересное сообщение. Когда Панаев наскоро набросал свое описание последних дней Николая I, Александр II дополнил его некоторыми деталями. Запомним: сын лично просматривает и редактирует информацию о смерти отца. Затем Панаев снова редактировал эту «удачную в литературном и политическом отношении», по выражению правительственных кругов, статью и в два часа ночи по высочайшему повелению лично распорядился в редакции четырех газет, чтобы вынули часть набранного на завтра материала и заменили привезенным им. Далее «потребовано было,— пишет Панаев,— от доктора Мандта подробное описание хода самой болезни государя; он составил его (разумеется, на немецком языке). Надобно было, для соблюдения верности, перевести его буквально, что поручил я одному из чиновников канцелярии, хорошо знавшему по-немецки, а потом исправил или, лучше сказать, вовсе переделал в слоге, что уже я должен был взять на себя при помощи доктора Енохина, так как многие медицинские термины были мне неизвестны. Мы проработали с ним часа три, не вставая с места, и успели в том, что статья Мандта появилась вслед за моею статьею».

Прочтя это сообщение, мы уже совсем иначе, с другой степенью доверия — а точнее, недоверия — подходим к оставленному Мандтом документу, зная, что редакция Панаева могла и записку Мандта еще более изменить в надлежащем политическом направлении.

Взяв под сомнение записку Мандта, можно позволить себе привести свидетельство некоего «неизвестного лица», сообщенное со слов доктора Карелля, коллеги лейб-медика Мандта. Это лицо рассказывает, что «17-го февраля он (Карелль.— *А. С.*) был потребован к Императору Николаю ночью и нашел его в безнадежном состоянии и одного — Мандта при нем не было. Император желал уменьшить свои сильные страдания и просил Карелля облегчить их, но было уже поздно, и никакое средство не могло спасти его. В таком положении Карелль, зная, что не только в городе, но даже во дворце никому не известно об опасности, отправился на половину Наследника-Цесаревича и потребовал, чтобы его разбудили. Пошли разбудить и Государыню и немедля отправили напечатать два бюллетеня за два предшествующих дня». Очень интересный факт. Запомним, что будят Карелля вне очереди и зовут к умирающему, где должен был быть (но не был) дежурный врач Мандт.

Если допустить, что приведенная здесь ссылка на свидетельство Карелля достоверна, тогда так называемая записка Мандта теряет все свое значение и дело в связи с данными камер-фурьерского журнала принимает иное освещение.

События могут представляться следующим образом. В начале февраля Николай заболевает простудой, настолько, однако, незначительной, что почти не нарушается обычный ход его жизни: с 7 по 10 февраля никаких указаний на развитие болезни не встречается в камер-фурьерских журналах. И никаких жалоб для публики не дается. 10—11 февраля простуда обнаруживается легкой лихорадкой и проходит. Далее, 12-го числа Николай получает известие из Евпатории: неприятель прочно закрепился в Крыму. Это означает, что война по существу проиграна. Мало того, рушится вся внешняя и внутренняя политика и сами основы миропонимания императора Николая I. Было от чего впасть в тяжелые раздумья и оказаться во власти ночных кошмаров. Чтобы скрыть это тяжелое настроение, овладевшее Николаем, во дворце поддерживают разговоры о лихорадке, о его нездоровье. Двор обеспокоен затворничеством царя, ежедневно съезжаются во дворец лица, близкие царской фамилии, в ночь с 17-го на 18-е во дворце остается на ночь великий князь Константин Николаевич и министр двора граф Адлерберг. Предположим, что Николай действительно принял в эту ночь яд. Этим мы как будто противоречим главному нашему источнику — камер-фурьерскому журналу, который начинает бить тревогу еще 17 февраля днем.

Но на полях того же журнала встречаются три бюллетеня, содержание которых указывает на то, что во дворце ночной кризис не был неожиданностью: «Вчера была сильная лихорадка с страданием правого легкого. Всю ночь лихорадка продолжалась и мешала спать Его Величеству; извержение мокроты свободное, заметно, что и подагра участвует в болезни». «Болезнь Его Имп. Величества началась легким гриппом, а 10-го же февраля при слабых подагрических припадках обнаружилась лихорадка». «С появлением вчера страдания в правом легком лихорадка была довольно сильна. Ночь Его Величество провел без сна. Сегодня лихорадка несколько слабее и извержение легочной мокроты свободно» (на подлинном подписали: Мандт, Енохин, Карелль).

Самым важным вопросом при определении создавшегося в действительности положения является вопрос, когда камер-фурьер заносил записи в журнал? Ровность почерка, выдержанность стиля каждой ежедневной записи говорят за то, что они делались им поздно вечером, когда жизнь во дворце замирала и можно было подвести итоги дню, или на другой день поутру. При внимательном рассмотрении страниц журнала за 17 и 18 февраля можно легко заметить, что запись касательно молебна о здравии больного сделана свежими черными чернилами до слов «читана была молитва об исцелении от тяжкой болезни Государя Императора»; эта же фраза и последующие написаны явно в другой прием, везде иными, бледными, разбавленными водою, чернилами. Далее, все сообщения и бюллетени о болезни Николая за эти дни вписаны *на полях журнала*, тогда как вообще поля оставались чистыми и в продолжении нескольких недель на них делались записи только о событиях, пропущенных камер-фурьером.

Возникает гипотетическое, но очень соблазнительное предположение: не были ли вписаны бюллетени за 17 февраля и часть событий за этот день задним числом, то есть 18 февраля? Впечатление явно вписанного позже текста производит только бюллетень от 18 февраля (напечатанный в газетах под номером 3): «Затруднительное отделение мокроты, коим страдал вчера Государь Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным».

Когда мы рассматриваем далее страницы этого журнала, то видим, что три предыдущих вышеприведенных бюллетеня написаны тем же почерком и чернилами, что и явно вписанный бюллетень за 18 февраля. Можно предположить с достаточным основанием, что после того как 18 февраля камер-фурьер закончил свои записи, ему велели вписать на полях табели за 17-е число три бюллетеня и за 18-е — один. Чернилами,

разбавленными водой, писать неудобно, и он берет свежие чернила, отчего разницы между текстом, написанным тоже свежими чернилами (текст за 17-е), и бюллетенями как будто нет, но она сразу бросается в глаза при взгляде на запись за 18 февраля и вписанный на ее полях бюллетень.

Это предположение можно, конечно, оспорить, и вписанный бюллетень, быть может, объясняется каким-нибудь случайным фактом, но, вчитываясь в бюллетень № 3 от четвертого часа пополуночи 18 февраля, удивляешься его содержанию: ведь он написан после того, как Мандт убедился, что у Николая начался паралич, после приобщения умирающего; написан тогда, когда он находился уже в агонии, а содержание бюллетеня весьма осторожно, это наводит на мысль, что все четыре бюллетеня были написаны сразу с целью создать иллюзию, что болезнь развивалась постепенно.

Конечно, чтобы утверждать это, необходим, быть может, более подробный анализ записей камер-фурьера, но сомнения в достоверности официальных сообщений о кончине Николая уже посеяны, и мысль о его самоубийстве и прямом участии Мандта в этом не оставляет исследователя.

Более или менее определенные намеки об отравлении Николая нередки в мемуарной и исторической литературе, но наиболее авторитетными из них, наводящими на определенные пути «искания истины», представляются записки А. Пеликана, старого петербуржца, дипломата, а позже цензора. Сообщив некоторые данные, касающиеся биографии Мандта и обстановки кончины Николая, Пеликан пишет: «Вскоре после смерти Николая Павловича Мандт исчез с петербургского горизонта. Впоследствии я не раз слышал его историю. По словам (моего) деда (имеется в виду Пеликан, Венцеслав Венцеславович (1790—1873), председатель медицинского совета, директор медицинского департамента военного министерства, президент Медико-хирургической академии), Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собою Николаю яду. Обстоятельства эти хорошо были известны деду благодаря близости к Мандту, а также и благодаря тому, что деду из-за этого пришлось перенести кой-какие служебные неприятности. Незадолго до кончины Николая I профессором анатомии в академию был приглашен из Вены прозектор знаменитого там профессора Гиртля, тоже знаменитый уже анатом Венцель Грубер. По указанию деда, который в момент смерти Николая Павловича соединял в своем лице должность директора Военно-медицинского департамента и президента Медико-хирургической академии, Груберу поручено было бальзамировать тело усопшего императора. Несмотря на свою большую ученость, Грубер в житейском отношении был человек весьма недалекий, наивный, не от мира сего. О вскрытии тела покойного императора он не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За это он посажен был в Петропавловскую крепость, где и содержался некоторое время, пока заступникам его не удалось установить в данном случае простоту сердечную и отсутствие всякой задней мысли. Деду, как бывшему тогда начальником злополучного анатома, пришлось оправдываться в неосмотрительной рекомендации. К Мандту дед до конца своей жизни относился доброжелательно и всегда ставил себе в добродетель, что оставался верен ему в дружбе даже тогда, когда петербургское общество, следуя примеру двора, закрыло перед Мандтом двери, дед один продолжал посещать и принимать Мандта. Вопрос этический, выступавший с такой рельефностью в данном случае, не раз во времена студенчества затрагивался нами в присутствии деда. Многие из нас порицали Мандта за уступку требованиям императора. Находили, что Мандт как врач обязан был скорее пожертвовать своим положением, даже своей жизнью, чем исполнить волю монарха и принести ему яду. Дед находил такие суждения слишком прямолинейными. По его словам, отказать Николаю в его требовании никто бы не осмелился. Да такой отказ привел бы еще к большему скандалу. Самовластный император достиг бы своей цели и без помощи Мандта: он нашел бы иной способ покончить с собой, и, возможно, более заметный».

Князь Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), государственный и общественный деятель.

Грубер Венцеслав Леопольдович (1814—1890), анатом, профессор, академик.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), министр внутренних дел, министр юстиции, главноуправляющий II Отделением «Собственной Е. И. В. канцелярии» и председатель Департамента законов Государственного совета, председатель Государственного совета и Комитета министров.

Панаев Владимир Иванович (1792—1859), литератор, директор Канцелярии Министерства императорского двора.

А допустимо ли психологически самоубийство Николая? Когда мы задумываемся над биографией и всей историей царствования самолюбивого самодержца с присущей ему своеобразной идеологией, сначала полного самоуверенности: «Берегитесь, народы, и трепещите», а затем униженного, сознающего, что «все царствование его было ошибкой», сломленного и переживающего это как личную трагедию, то надобно сказать: да, допустимо.

Автору этих строк удалось найти некоторые данные, подтверждающие версию о самоубийстве Николая I.

Передо мной воспоминания Ивана Федоровича Савицкого, человека весьма близкого в те дни к наследнику-цесаревичу Александру. Савицкий — полковник Генерального штаба, адъютант цесаревича Александра по части Генерального штаба. Он родился в 1831 году в Литве в старинной дворянской семье, окончил пажеский корпус, позже — Академию Генерального штаба. Еще будучи пажем, был приближен ко двору, стал участником детских забав, отроческих игр наследника и его брата, окончил

с отличием академию и оказался на правах друга детства в свите цесаревича.

Его прямые обязанности как одного из старших адъютантов штаба гвардии требовали обязательного присутствия всюду, где бывал командующий гвардией — наследник: на всех приемах, парадах, маневрах и церемониях; принимать участие в составлении программ многих придворных празднеств, составлять отчеты об их проведении. Ему многое пришлось увидеть и пережить. Он видел жизнь за дворцовыми кулисами, недоступную для всех остальных.

Позже Савицкий вышел в отставку, принял активное участие в восстании 1863 года и остался в эмиграции. Свои воспоминания он писал вдали от голубых мундиров, совершенно свободный от цензуры. И потому, конечно, у воспоминаний этих особый колорит. Послушаем же осведомленного участника событий:

«Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной мысли, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмелившуюся подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота.

Окруженный лжецами, льстецами, не слыша правдивого слова, Николай I очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатории. Гибель его армии — опоры трона — раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность, ошибочность его политики.

Но для одержимого непомерным тщеславием, самомнением деспота легче оказалось умереть, наложить на себя руки, чем признать свою вину. Военные демонстрации союзнического флота на Балтике, в Черном море, у дальневосточных берегов ясно показали уже к весне 1855 года полное преобладание союзников на море, а их десант в Крыму и неудачная попытка сбросить его в море показали, что и на суше союзники также имеют решающее превосходство. И хотя война еще длилась, более того, борьба шла по нарастающей, ее исход был ясен для Николая I».

Савицкий далее пишет: «Немец Мандт — гомеопат, любимый царем лейб-медик, которого народная молва обвинила в гибели (отравлении) императора, вынужденный спасаться бегством за границу, так мне поведал о его последних минутах:

«После получения депеши о поражении под Евпаторией вызвал меня к себе Николай I и заявил:

— Был ты мне всегда преданным, и потому хочу с тобою говорить доверительно — ход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой, это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот поворот. Ему это сделать будет легче, столковавшись с неприятелем.

— Ваше Величество,— отвечал я ему.— Всевышний дал Вам крепкое здоровье, и у Вас есть и силы и время, чтобы поправить дела.

— Нет, исправить дела к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены, с тем и вызвал тебя, чтоб попросить помочь мне. Дай мне яд, который бы позволил расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро, но не внезапно (чтобы не вызвать кривотолков).

— Ваше Величество, выполнить Ваше повеление мне запрещают и профессия и совесть.

— Если не исполнишь этого, я найду возможным исполнить намеченное, ты знаешь меня, вопреки всему, любой ценой, но в твоих силах избавить меня от излишних мук. Поэтому повелеваю и прошу тебя во имя твоей преданности выполнить мою последнюю волю.

— Если воля Вашего Величества неизменна, я исполню ее, но позвольте все же поставить в известность о том Государя-Наследника, ибо меня как Вашего личного врача неминуемо обвинят в отравлении.

— Быть по сему, но вначале дай мне яд».

Свидетельство Савицкого уникально. Оно совпадает с вышеприведенными косвенными данными, но новым светом освещает их, существенно дополняет и окончательно снимает сомнения.

«Было это 3 марта 1855 года (по н. ст.),— продолжает Савицкий,— Александр, узнав о случившемся, поспешил к отцу, рухнул к нему в ноги, обливался слезами. Врач оставил сына наедине с отцом. О чем они говорили, что порешили, осталось между ними. Вскоре Александр, в слезах, опечаленный, вышел из кабинета отца.

А Николай I слег и уже не встал более. В ту же ночь во дворце узнали, что царь тяжко занемог. Вызвали придворных лекарей на консилиум, признаки отравления были так явны, что врачи отказались подписать заготовленный заранее бюллетень о болезни. Тогда обратились к Наследнику и по его повелению придворные врачи скрепили своими подписями бюллетень, отослали его Военному министру. Так в полночь высшие сановники империи были осведомлены, что всемогущий, едва ли не бессмертный повелитель уже одной ногою в гробу».

Дальнейшее нам уже известно из ранее опубликованных материалов. Императора срочно соборовали, внесли соответствующие записи в камер-фурьерский журнал задним числом, придав невинной простуде видимость неизлечимого недуга...

Обо всем случившемся, а главное — о беседе с императором и его приказе лейб-медик Мандт написал позже брошюру и хотел издать ее в Дрездене, но московское правительство, узнав о его намерении, пригрозило лишением весьма солидной пенсии, если он немедленно не уничтожит написанное. Мандт выполнил это требование, но опасаясь быть обвиненным в отравлении венценосного пациента, рассказал во всех подробностях о случившемся избранному кругу заинтересованных лиц, Савицкий был одним из них.

«Утром, когда Николай еще лежал в своем кабинете,— свидетельствует Савицкий,— я пошел взглянуть на него. Страшилище всех европейских народов покоилось на ложе своем, прикрытое одеялом и старым военным плащом, вместо халата долго служившим хозяину. Над кроватью висел портрет рано умершей дочери Александры Николаевны, которую усопший очень любил, облаченной в гусарский мундир. Николай даже женскую прелесть без мундира не воспринимал.

В глубине кабинета стоял стол, заваленный бумагами, рапортами, схемами. В углу стояло несколько карабинов, которыми в свободное время тешился император. На столах, этажерках, консолях стояли статуэтки из папье-маше, изображающие солдат разных полков, на стенах висели рисунки мундиров, введенных царем в армию. У кровати сидел ген. Сухозанет и вытирал платком свои сухие глаза. Заявил мне, что дни и часы неотступно находится у тела императора без еды и воды, хотя при жизни и не любил покойного. На суровом лице усопшего выступили желтые, синие, фиолетовые пятна. Уста были приоткрыты, видны были редкие зубы. Черты лица, сведенного судорогой, свидетельствовали, что император умирал в сильных мучениях.

Александр ужаснулся, увидя отца таким обезображенным, и вызвал двух медиков — профессоров Медико-хирургической академии, повелел им любым путем убрать все признаки отравления, чтобы в надлежащем виде выставить через четыре дня тело для всеобщего прощания согласно традиции и протоколу. Ведь все эти фатальные признаки неопровержимо подтвердили бы молву, уже гулявшую по столице, об отравлении императора.

Последней волей Николая I был запрет на вскрытие и бальзамирование его тела, он опасался, что вскрытие откроет тайну его смерти, которую хотел унести с собой в могилу.

Два ученых, вызванных, чтобы скрыть подлинную причину смерти, буквально перекрасили, подретушировали лицо и его надлежащим образом обработали и уложили в гроб. Исследованный ими новый способ бальзамирования тела не был еще отработан должным образом и не предотвратил быстрое разложение тела; тогда обложили последнее ароматическими травами, чтобы заглушить зловонье».

Из Зимнего дворца тело покойного надлежало перевезти в Петропавловскую крепость, в царскую усыпальницу. Войска шпалерами встали от Зимнего до Петропавловки, и между стройными рядами застывших гвардейских полков двинулась в путь траурная процессия.

Во главе процессии шел царский двор, за ним — старший генералитет с ассистентами, неся на подушках короны и ордена, полученные едва ли не от всех европейских монархов, затем целая армия священников и катафалк, за которым шествовал молодой император с братьями своими, герольды, солдаты, одетые в древние мундиры. Идущая во главе процессии раззолоченная толпа держалась в высшей степени неприлично, мало того что всю дорогу в ней не прекращался говор и смешки, курили сигары и папироски, вызывая тем возмущение у сгрудившихся по обочинам улиц простолюдинов.

По отбытии императора из крепости начался воистину театральный разъезд. После рукопожатий и пожеланий, которыми обменивались разъезжающие, храм опустел, в нем осталось лишь смердящее тело покойного да гвардейский караул.

Четыре дня продолжались траурные богослужения, поутру и вечером повторялись одни и те же сцены, на пятый день гроб с пением «Вечная память» водрузили рядом с гробницей Петра III и Екатерины II. ●

Начало, обреченное на конец: христианское столетие в Японии

А. Мещеряков

Сейчас, с концом эры воинственного атеизма, наши взоры обращаются к христианству, столь долго гонимому. В глазах русского человека это гонение служит сертификатом подлинности и правоты. Восторженность неофитов и властей, перешедших от строгостей к неуемному заигрыванию с церковью, легко понятна — хочется от греха душу облегчить. Однако благожелательности совершенно недостаточно для того, чтобы разобраться в таком многостороннем явлении, каким всегда было христианство.

В связи с этим особый интерес представляют «самодостаточные» культуры, которые остались глухи к проповеди христианства, но в то же время сумели обнаружить этический и энергетический потенциал, необходимый для создания стабильных социальных отношений и динамичного развития. В качестве одного из примеров такого рода можно привести Японию, которая совершила свой не-христианский выбор вполне осознанно. Попытаемся понять, что стоит за этим выбором.

Время с середины XVI века по первую половину XVII нередко называют «христианским столетием». Это определение вполне удачно с культурологической точки зрения. Ибо если политическая история этого времени представляет собой окончание «эпохи воюющих провинций» (то есть переход от феодальной раздробленности к централизованному государству с гегемонией сегунов из дома Токугава), то наиболее ярким событием в духовной жизни страны была встреча двух культур — японской и европейской.

В соответствии с уже сложившейся парадигмой межкультурных контактов Япония выступила в качестве пассивной, воспринимающей стороны. Активная же роль принадлежала европейцам — миссионерам и купцам из Португалии, Испании и Италии. Раньше такая же активная роль принадлежала Китаю.

Однако между китайским и европейским влиянием на Японию есть весьма существенные отличия. Если влияние китайской культуры, прослеживаемое по крайней мере с VI века, было вызвано прежде всего внутренними потребностями Японии в усвоении достижений китайской цивилизации (письменность, устройство государственных институтов, технические достижения) и потому значительное число японцев путешествовало на материк за «китайской грамотой», то проникновение европейцев было обусловлено лишь их односторонней активностью.

Есть и еще одно важное отличие. Начало китайского влияния относится ко времени, когда многие культуроформы были явлены еще в зародыше, то есть обладали определенной гибкостью. К XVI же веку история японской государственности насчитывала уже тысячу лет и сущностные параметры культуры определились достаточно жестко. К основным характеристикам японской духовной культуры, сформировавшейся в результате взаимодействия синтоизма, буддизма и конфуцианства, следует отнести примат коллективных (государственных, семейно-родовых) ценностей перед индивидуальными, политеизм и, конечно, развитый культ предков.

Время импринтинга уже прошло, и поэтому любое инородное вмешательство должно было вызвать определенную реакцию отторжения. Это тем более справедливо в отношении такой отличной от японской культуры, как европейская, культуры, основанной на христианских ценностях. Принять ее в полном объеме значило бы тотально отринуть культуру собственную, что в корне противоречило одной из основных установок японского менталитета — установки на преемственность.

Вряд ли Франциск Ксавье, первый проповедник христианства в Японии, принадлежавший к ордену иезуитов, отдавал себе в этом отчет. Его письмо, отправленное из Кагосимы собратьям по ордену, дышит оптимизмом: «Люди, которых мы встретили так далеко,— лучшие из тех, что мы открыли до сих пор; мне представляется, что среди языческих народов не найдется такого, кто превосходил бы японцев». На основании этого умозаключения руководством ордена делались прогнозы, благоприятные для миссионерской деятельности.

И правда, поначалу европейцы встретили в Японии самый теплый прием: японцы проявили большой интерес к товарам из Европы (часы, глобусы, карты, музыкальные инструменты, картофель, табак встречены были с радостью) и поощряли торговлю. С удовольствием демонстрировали японцы свои достижения. В августе 1589 года было объявлено о проведении грандиозной десятидневной чайной церемонии, в которой иностранцам, буде они обладают вкусом к чаю, предлагалось принять участие.

Иезуиты, слывшие знатоками человеческих душ, не могли и помыслить в начале своей миссии по христианизации Японии, что уже в 1637 году будет издан указ о закрытии страны, согласно которому иностранцам придется Японию покинуть. Правда, уже задолго до этого эйфория от приема, оказанного Ксавье, прошла, ибо за приветливостью и радушием обнаружилась высокоорганизованная дисциплина мышления, мало поддающаяся реформированию. Японцы охотно носили европейское платье, выращивали арбузы и тыквы. Что до собственно христианства, то один из миссионеров, Косме де Торрес, мрачно отмечал, что дзэнские монахи задают ему такие головоломные вопросы, на которые не могли бы дать удовлетворительный ответ ни Фома Аквинский, ни Скот Дунс.

Каково бы ни было отношение различных миссионеров к перспективе распространения христианства в Японии, почти все они сходились в одном: японцы достойны уважения. Итальянец Алессандро Валиньяно, очень тонкий наблюдатель, отмечал: «Даже несмотря на то, что латынь столь непривычна для них и хотя такие трудности таятся в передаче искусства говорения на их язык ввиду несоответствия порядка слов и отсутствия терминологии... по своей натуре они настолько способны, искусны, обучаемы и прилежны, что это вызывает удивление, поскольку даже дети находятся в классе по три или четыре часа на своих местах не шелохнувшись, как если бы то были взрослые люди...»

Однако лестных отзывов миссионеров недостаточно было для синтеза двух культур. Японцы довольно быстро поняли, что главный предмет экспорта европейцев — не товары, а продукт духовный — христианство, принятие которого требует от адепта коренной переделки всего того, что ему знакомо с детства. На свет появляются достаточно многочисленные сочинения антихристианской направленности.

Критика христианства в этих сочинениях может показаться читателю примитивной; кто-то скажет, что христианство намного сложнее, изощреннее и глубже, нежели то учение, которое предстает перед нами в изложении японских мыслителей. Возможно, это и справедливо. Но так же справедливо и то, что в том конкретно историческом социуме, которому предназначались инвективы против христианства, эта критика представлялась вполне адекватной.

Главные аргументы против христианства можно подразделить по крайней мере на три группы. Первая. Христианство как система ценностей, не совместимых с основополагающими принципами японской культуры. Вторая. Внутренние противоречия христианской догматики. И третья. Несоблюдение христианами (миссионерами) этических норм своей религии.

Особенно интересна первая группа аргументов, ибо две последних вряд ли представляют собой что-то новое по сравнению с той критикой, которой подвергалось христианство в Европе со стороны атеистов, сектантов и еретиков.

В менталитете японцев (как, впрочем, и всех других народов Дальнего Востока) сверхценности государства принадлежит очень большое место. Эти чувства были особенно обострены в результате многолетних междоусобных войн, лишивших японскую государственность стабильности. Основой же государства и всех социальных отношений считалась семья. Поэтому японские государственники были твердо убеждены, что христианство подрывает едва обретаемую стабильность внутри страны, ибо главное в христианстве — это обязательства перед Богом, а не перед бюрократическо-военной и семейной иерархиями. Может быть, лучше всего это положение было высказано известным ученым Араи Хакусэки (1657—1725). И хотя в отличие от многих своих коллег и предшественников он не считал, что, распространяя свою веру, христиане имеют прямые планы по завоеванию Японии, он одновременно полагал, что с распространением христианства подданными неизбежно овладевает дух мятежности. Именно игнорирование такого основополагающего элемента, как сыновняя почтительность, многократно приводило к смене династических линий в Европе, чего Японии счастливо удалось избежать. А ведь японцы по крайней мере с XII века были твердо убеждены, что непрерывность династической линии — их этноотличительный признак и предмет особой гордости (по сравнению, скажем, с Китаем и Индией).

Поэтому японцы крайне недоброжелательно относились к тем местам в Писании, где умалялось значение кровнородственных свя-

зей. С неприкрытым ужасом они цитировали Писание: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч, ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня...»

Ксавье в своей проповеди, проходившей во владениях князя Оути, заявил, что все нехристиане, включая людей давно умерших, даже предки тех людей, которые в данный момент слушают его, обречены вечно гореть в огне. Проповедник был немедленно изгнан, а христианство во владениях Оути объявлено вне закона.

Одна из самых противоречивых фигур этого периода — Фабиан Фукан. Сначала он был буддийским монахом, потом стал ревностным христианином, но затем разочаровался в новом вероучении и вновь обратился к буддизму. Таким образом, он знал христианство изнутри, и потому его мнение можно считать особенно авторитетным. «Первая заповедь требует не выполнять повеления государя или отца и не щадить себя, если выполнение их идет вразрез с волей Господа. В этой заповеди сокрыто желание покорить и захватить страну, разрушить Закон Будды и Закон государя». Кончает Фукан весьма энергично: «Скорее — наручники на них и в кандалы!»

Разрушительной для социального порядка признавалась и практика исповеди. В глазах приверженцев традиционных ценностей отпущение священником любых прегрешений исповедуемого ведет к росту преступности и подрывает моральные устои общества: «Даже если этот человек разбойник или пират, даже если он убил отца или мать, даже если он совершил пять смертных грехов, даже если он виновен в заговоре и мятеже против государства и других тяжелейших преступлениях — если он полностью покается в них, священник выслушает его, простит ему его грехи, и преступления перестают существовать... Следует признать, что священник — опора разбойников и учитель мятежников и убийц. Знайте — это ужасное учение!»

Призыв Фукана — «наручники на них» — был услышан и получил практическое применение. По данным ордена иезуитов в период с 1616 по 1629 годы было казнено 750 христиан, а еще несколько тысяч подвергнуто жестоким преследованиям. Оппозиционные сегунату князья с юга Японии принимали христианство и крестили своих подданных в обмен на благосклонность миссионеров и заморских купцов, поставлявших не только мирные товары, но и огнестрельное оружие. Для центральной власти это служило дополнительным раздражителем в неприятии христианства.

Традиционно образованным японцам была непонятна готовность христиан пострадать «за веру», выявленная в результате преследований христиан, пыток, которые многими из них переносились с большим мужеством. Японский феодальный менталитет придавал огромное значение сверхценности верности, но верность эта понималась как личная преданность конкретному лицу, сеньору. Гибель сеньора превращала полноценного самурая в ронина, в «человека — перекати-поле». Человек не воспринимался как самодостаточное образование, но лишь как совокупность определенных отношений — их разрушение означало дезинтеграцию личности. Готовность же христиан положить свою жизнь за абстрактную и потому непонятную веру признавалась критиками христианства абсурдом.

Фукан писал: «Ради того, чтобы принять мученическую смерть за веру, они пренебрегают своей жизнью и ценят ее меньше, чем пыль и мусор. Когда мудрый правитель повелевает Поднебесной, добро поощряется, а зло наказывается. И нет большего наказания, чем лишение жизни. Однако последователи христианского Бога не изменяют своей веры, не боясь за свою жизнь. Это воистину ужасно!» И это при том, что отдать свою жизнь за сеньора в бою или избежать унижения путем харакири считалось делом наидостойнейшим! Европейцы же, как известно, с большим неодобрением относились к широко распространенным в Японии абортам и харакири — как разновидности самоубийства.

Осознанный политеизм японской культуры создавал большие возможности для инкорпорирования в местный пантеон необозримый пантеон любых божеств «на общих основаниях». Скажем, в 1568 году в Киото был построен небольшой буддийский храм Намбандзи, посвященный памяти Франциска Ксавье. Считалось, что богослужение в нем способствует успешной торговле между японцами и европейцами. В сущности буддизм был адаптирован в Японии похожими методами. В результате синтоистские божества стали считаться аватарами (временными воплощениями) будд и бодхисаттв. Вероятно, что-то похожее могло бы произойти и с христианством, если бы оно не имело столь ярко выраженных претензий на свою уникальность. При такой установке религиозный, — а значит, и культурный — синтез оказывался догматически, интеллектуально, психологически и эмоционально маловозможным.

Христианская концепция единого Создателя подвергалась массированной критике на том основании, что, согласно японским представлениям (первоначально перенятым ими, вероятно, у китайцев), Небо и Земля не являются сотворенными и, как таковые, не имеют начала и конца. Таким образом, вся христианская космологическая модель оказывалась отвергнутой. В противном случае пришлось бы признать, что вся многовековая китайско-японская религиозно философская традиция не соответствует истине. «Если бы Бог был создателем неба и земли и мириада вещей, тогда бы знание о том было бы достоянием традиции во всех странах. Однако в летописях Трех Стран (Индии, Китая и Японии.— *А. М.*) нет записей об этом».

К этому рассуждению примешивалось и по-человечески понятное чувство обиды: «Помимо того они утверждают, что не-христиане не могут быть спасены в загробной жизни. И это тоже ужасно. Среди людей во всем мире принадлежащие к христианству едва ли насчитывают одну десятитысячную часть!»

Еще одним камнем преткновения для японцев был антропоцентризм христианства («и поставил Господь человека владыкою над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»). Противопоставление животно-растительного мира и человека выражено в японской культуре далеко не столь энергично, как на Западе. Это, видимо, чувствовал и Ксавье, специально обращавший внимание миссионеров на необходимость разъяснения принципиального отличия бессмертной души человека от смертной души других живых существ, что входило в безусловное противоречие как с буддийским учением о карме, так и со всем модусом японской культуры вообще, для которой человек — лишь частное проявление универсального потока жизни.

Жестокие преследования властями христиан, изгнание миссионеров, волевое решение о закрытии страны предлагают соблазнительный путь объяснить неудачи христианства в Японии чисто историческими обстоятельствами. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, дело обстоит много сложнее. Даже в условиях обеспеченной свободы совести (частичной — сразу после реставрации Мэйдзи 1867 год, полной — после окончания второй мировой войны) христианство не сумело обеспечить сколько-нибудь широкую опору внутри страны. И, следовательно, проблема заключается не столько в конкретных исторических обстоятельствах, сколько в общекультурных. Многие аргументы против христианства, высказывавшиеся в XVII веке, продолжают оставаться актуальными и в конце нынешнего столетия.

Может быть, главный культурологический урок, который удается извлечь из анализа событий четырехвековой давности, заключается в терпимости. Той терпимости, которой недоставало (и недостает) непосредственным участникам событий. И хотя гонения на христиан не могут быть предметом особой гордости японцев, тем не менее упрек в нетерпимости может быть адресован японцам в меньшей степени, чем европейцам. Не будем забывать, что именно они всегда считали христианство единственно верным учением и вели войны за его чистоту. Япония же таких войн не знала.

Еще более актуален этот урок для России. Энергия, с которой выступают друг против друга церковные иерархи различных течений православия, заслуживает лучшего применения. ●

З. Миркина

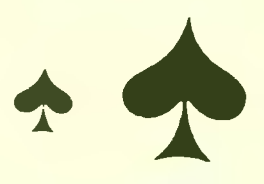
Туз пик

«Черт сидел на Валериной кровати,— голый, в серой коже, как дог, с бело-голубыми, как у дога или остзейского барона, глазами... в позе неизбывного терпения и равнодушия... Шерсти не было, было обратное шерсти: полная гладкость и даже бритость, из стали вылитость. Теперь вижу, что тело у моего черта было идеально спортивное: львицыно, а по масти — догово...

Главное были — глаза: бесцветные, безразличные и беспощадные. Я его до всего узнавала по глазам, и эти глаза узнала бы — без всего. Действия не было. Он сидел, я — стояла. И я его — любила».

Понимайте, как хотите. Огромное тире, как удар. Пропасть, через которую одним прыжком сердца, разрывая с этим берегом,— на тот. Что за берег? Неведомо. Ведомо только, что через пропасть, что чернота, что великая опасность, что вызов всему существу, всему сердцу. Сердце сжато, как пружина, собрало все свои силы и готово к ответу, готово ответить всем собой.

Главный дар феи, положенный в колыбель маленькой Марины, была великая духовная отвага, в которой таилась призванность к духовному подвигу, еще совершенно неведомо какому; но благополучие, но защищенность, но тепло и уют дома — не для нее. Для нее — пиковый туз.

«Пиковый туз у Маши (няня, гадавшая на картах.— *З. М.*) — был удар, и удар — *был*. Удар, занесенным черным вверх глядящим сердцем конца алебарды — в сердце» (эссе «Черт»).

«Больше всех королей и валетов я любила — пиковый туз...— пишет Марина Ивановна.— Пиковый туз был Черт».

Что это? Любовь ко злу? Но где оно, зло? В чем оно? Не было ни в детстве, ни в зрелости — никогда не было в Марине Цветаевой любви ко злу.

Была любовь к свободе, к независимости — со всеми вытекающими отсюда следствиями. Другая сторона свободы — незащищенность. Другая сторона независимости — ответственность. Чувство, что никто не ответит за мою душу. Душа сама за себя ответит. Причастная Духу жизни, полная Духа жизни, она не позволяла никому и ничему разделить ее со всей таинственной бездной Духа. Никаких посредников! Непосредственность. Открытость бездне. Открытость силе, которая изнутри, внутренним напором раздвигает и сметает все границы.

Изнутри бьющая сила, уходящая корнями в неведомые истоки жизни. Душа, «с детства привыкшая глотать раскаленные уголья тайны», никогда не согласится на обмеление — на потерю глубины и внутренней свободы. Она скорее согласится на потерю внешних ориентиров, на одиночество, на отверженность, на отсутствие опоры. Свободный — это тот, кто не имеет никакого внешнего господина, и потому свободная душа призвана к битве со всем внешним, посягающим на ее свободу.

Марина Цветаева была рождена бойцом. Ее жизнь и творчество — прежде всего битва, духовное борение.

Битва за внутреннюю свободу — угодная Богу битва, даже если это битва с самим Богом. Это парадокс. Но Бог — наше внутреннейшее, тайное «я». И если Бог приходит извне с намерением победить и принудить внутреннее, Он как бы сам вызывает на борьбу с собой. И победа ангела над Иаковом была вовсе не победой одного бойца над другим. Иначе в чем была бы честь и слава Иакова?

Нет. Бог рукой ангела как бы потрогал духовные мускулы своего творения — и убедился, что это напряженные мускулы свободного, который отдаст свою внутреннюю свободу только вместе с жизнью. И Богу понравилось сопротивление Иакова. И Он вошел внутрь Иакова, углубив и расширив его душу.

Как это вдруг почувствовал Иаков, что он не умещается в себе самом? Что тот, с кем он борется, — не чуждый, не внешний ему, что это тоже он — и что внешняя победа над другим ему не нужна? Как и когда он понял, что есть что-то большее, чем его отдельная жизнь?

Это тайна. Но именно так, сквозь эту тайну, прошел библейский патриарх. Он не уступил другому и не покорил его себе. Он просто перестал его видеть другим — ввел извне вовнутрь. Вот когда произошла его настоящая встреча с Богом. Любовь к Богу, готовность принять

Фотокомпозиция А. Славина

поражение от Бога было условием духовной победы Иакова.

Что такое любовь к Богу — и любовь к дьяволу?

Это не так просто определить. Во всяком случае, декларативная любовь к черту девочки Цветаевой не определяет еще ничего.

Черт отождествлялся в ней со словом «черта» — переход за черту. Чернота, тайна, с каким-то зарядом неведомой жизни,— Нечто, заряженное жизнью, как почка. Как сама природа. Бог же не отождествлялся ни с чем. Это было пустое слово, затверженное всеми; за ним стояло что-то скучное и неживое, ничего не стояло. Пустота.

Бога не видел никогда и никто. Представить его себе нельзя. Непредставим. Запределен. Как же его любить жаркому человеческому сердцу, которому нет дела до каких-то абстракций? Любовь к добру? Но ведь это опять абстракция.

Фея вложила в колыбель Марины Цветаевой не просто отвагу, она вложила жаркое, до нестерпимости раскаленное сердце. И сказать этому сердцу: «люби добро» — значит накормить его вместо насущного хлеба рассуждениями о хлебе. Тут нужно не *что*, а *кто*, не представление, а воплощение — *жизнь*, живой образ. А кругом сплошные представления, наставления, прописи — и ни одного живого образа, способного заполнить сердце. Где взять «бокал по жажде, сей изжаждавшейся меж чаш?». Кругом — наперстки. И вот вдруг — этот, как бы понимающий тайну ее неровно бьющегося, выскакивающего сердца. Может быть, единственный вполне живой, единственный бесстрашный, что-то такое в себе несущий, чего ни у кого нет, без оглядки, ни от кого не зависящий; этот совершенно, божественно независимый некто, из стали отлитый, с глазами, уводящими в бездну,— сам себе князь... Вот он — тот, кто может заполнить сердце. Ощущение от него было, как удар. Туз пик. «Он, сгустившийся до черноты и сократившийся до клинка. Он, собравшийся в удар, как тигр — в прыжок. Позже и этого стало много, позже удар с сердца, на котором лежал, перешел — в сердце. Изнутри меня — шел, толкая — на все дела».

Черт — однако «чертовщины» в нем не более, чем у собаки: может укусить, и жестоко, а может и другом стать, если полюбишь ее, сроднишься с ней...

Дог. Собачий бог. Не человеческий — звериный. А кто заставит детское сердце поверить, что зверь ниже человека? Зверь живее, опаснее и — *роднее*. Он приближает к родной стихии — досознательной, до добра и зла, к темным истокам жизни.

Говорят, что это враждебно Богу? Но Марина Цветаева не верит:

«Бог не может о тебе низко думать — ты же когда-то был его любимым ангелом! — обращается она к своему Мышатому. — И те, видящие тебя в виде мухи, Мушиным князем, Мириадом мух — сами Мухи, дальше носу не видящие...»

Тварь, наполненная переполненная жизнью, обретшая всю полноту — это и есть цветаевский Черт, дог, зверь, Пугачев, Наполеон...

Но неужели в нем (в них) совсем нет зла? И что же такое зло, и откуда оно в мир пришло?

Зло пришло через них. Хотя они сами не есть зло. Первоначально они — совершенные творения, созданные еще до добра и зла. Они полны жизнью — и все. Они свободны. И защищают свою свободу, вступая в битву со всем внешним.

Но как часто внешний победитель теряет внутреннюю свободу и, напротив, побежденный внешне остается совершенно свободным внутренне!

Дьявольщина — это победа внешнего над внутренним.

Первый Божий ангел по смыслу своему — тварь, способная бесконечно расширять свою внутреннюю свободу, до вмещения всего сущего внутрь. Ему дана сила для такого бесконечного расширения души и вмещения духа. Но он присвоил себе эти силы для внешнего господства над другими тварями. Он — внешний победитель, но он оторван от своей же глубины, от общего всем единого источника жизни. Он уже не несет жизни внутри себя. Он живет за счет других, отбирая жизнь у них. Вот когда в мире появляется дьявольщина и злоба. И начинают плясать по миру бесы, самые разные. Есть среди них и мелкие. Князь мира сего в иных случаях (и очень распространенных) сам унижается до мухи, становится пошляком, как черт Ивана Карамазова, всем ужасом пошлости, даже не умещаемым ни в какую отдельную личность, как в царстве Гоголя. Это так. Это другой разговор. А Марина Цветаева видит князя во всем его княжеском достоинстве, может быть еще в самом начале его богоборчества, когда он, как библейский Иаков, еще может быть угоден Богу своей отвагой, дерзновением своего сердца.

Любовь к Богу Марине-девочке (и не только девочке) навязывали. Навязывали не умевшие любить. Во всяком случае, с цветаевской точки зрения не умевшие. Для нее любить — значило дать любимому расправиться «на все стороны жизни моей».

Кто же из любящих Бога дал ему жить в себе? Кто воплотил его?

Она таких не видела. Говорили о любви к Богу все, но никто не воплощал. И что такое воплощенный Бог, она не знала, не представляла себе и представить не могла. Иное дело — любимый Божий ангел, он соизмерим с сердцем, соприроден ему. Его она ощущала. И любила, как бы восстанавливая тот домирный порядок, когда самый прекрасный и был самым прекрасным, и никаких страшных последствий из этого еще не вытекало.

Он был живым — и только. Был самой природой. Противостоял мертвечине. Это противостояние было мужественно, чисто и прекрасно. Он делал что угодно, только не застывал, не остывал, не останавливался. Вечное движение, вечный бег...

Самого Бога Марина Цветаева увидит впоследствии как вечный бег, вечное движение жизни — Дух, сквозящий в мире, сквозь все стоящее — насквозь!

И духовно чуткий католический священник, со-

ветовавший «маленькой славянке» (то же эссе «Черт») «быть ваятелем собственной души», действовал на Цветаеву так же, как загадочный Мышатый,— расправлял ее душу. Этот священник не хотел, чтобы она старалась любить Бога (и тем мешала живому ростку любви пробиваться в ней). Он отсылал ее в простор духовного одиночества.

Ее душа, ее любовь — там, где простор. И если в мире мало простора, она — вместе с бунтарями, раздвигающими пространство.

Черт Марининого детства злом не был. Он был благородным и одиноким. Он был великим одиночеством, одиночеством живого сердца, тем, кому она была «обязана зачарованным, всюду со мной передвигающимся, из-под ноги рождающимся, обнимающим меня как руками, но как дыханием растяжимым, *всё* вмещающим и *всех* исключающим кругом своего одиночества». Этот грозный дог — собачий бог ее детства — Мышатый — всегда вырывался от толп, из стад, как огонь из рук. Его нельзя было найти на мессах — ни на белых, ни на черных.

«Ни в церквах, ни в судах, ни в школах, ни в казармах, ни в тюрьмах,— там, где право — тебя нет, там, где много — тебя нет...»

«Если искать тебя, то только по одиночным камерам бунта и чердакам Лирической Поэзии».

Нет, «Бог не может низко думать о своем любимом ангеле». Не может!

Бог дал ему слишком много сил, слишком много возможностей и ждет, чтобы они осуществились. Личность, формируясь, растя, защищает свою внутреннюю жизнь от всего внешнего, мешающего росту. На этой стадии закрытость и противостояние оправданы. Они служат внутреннему. Рывок, бунт могут быть прекрасными, когда это бунт против всякой застывшей формы, когда это защита жизни.

Вот только бы бунт этот не перешел в инерцию бунта, в убегание от своей сути. Тогда это не защита жизни, а инерция защиты, в которой жизнь разрушается.

Так или иначе, но собачий бог — зверь — природа естественны и другими

быть не могут. Они могут быть прекрасны. Ими можно зачароваться. Но вот добры ли они?

Собачий бог на небе не живет. Он живет на земле. По земным законам. Он не добрый. Он — живой. И только.

И перегрызет глотку всякому, кто станет на его пути, этот собачий бог... Это собравшийся для прыжка тигр — он ведь прыгнет, и разгуляется стихия по просторам российской земли, и хлынет с чердаков лирической поэзии... И не пожалеет никого, как не пожалела когда-то Евгения с его Парашей, как не пожалела капитана и капитаншу Мироновых, как... да несть им числа, тем, кого не пожалела раз гулявшаяся стихия...

Молодец, сказочный Молодец, краше которого нет,— упырь. Упырь, нечисть (поэма «Молодец»). И все-таки Молодец, краше которого нет. И девушка, увидевшая в своем суженом упыря, не разлюбила, не разочаровалась. Чары не рассеиваются при виде страшной, леденящей сердце правды.

Здесь уже нельзя сказать, что в нем нет зла. Есть — и еще какое! И влюбленная в Молодца Маруся зло видит и в зле соучаствует. Она вовсе не тянется ко злу и не любит зла, как многие герои Достоевского, созерцающие в себе две бездны. Нет, Маруся от зла в ужасе. И тем не менее разлюбить злодея не может. Зло, увиденное во всей наготе (грызущий горло упырь), все-таки держит ее душу в плену. Молодец остается ее любовью. «Одно сердце на двоих». Так она чувствует. И упырь сам оказывается невольником зла. Они — пара. Оба краше всех, оба жарче всех. Оба — заколдованы. И с обоих это вовсе не снимает вины, ибо в зле участвуют. Зла не любят, но в зле участвуют. Оно на их совести. Но ведь совесть усыплена. И Маруся, и Молодец усыплены, зачарованы. Не вольны в себе. Ими распоряжается стихия. Они суть стихия.

Но если бы они были только стихией! Тогда с них не было бы и спросу. Стихия невинна. «Знай, что невинен, знай, что не волен»,— говорит Молодец. Но ведь и он, и она — не только стихия, они еще и люди. И как люди — ответственны. Хотя ответственность того, кто злом упивается, и того, кто ослеплен, обезоружен злом — разная.

Если бы герои сознательно и свободно творили зло, поэма была бы сатанинской, а Молодец и Маруся — детьми дьявола.

Сестра Марины, Анастасия Ивановна, считала, что в поэме есть сатанизм, а Пастернак это отрицал. Марина Цветаева тогда, в двадцать шестом году, чувствовала, как Пастернак,— и обвинение в сатанизме решительно отметала.

Сатанизма действительно нет, любовь ко злу в поэме начисто отсутствует. Но служит ли ее создатель высшим добрым силам? Это неизвестно. Силы добра и зла перемешаны, перевиты, как жгуты, обойтись друг без друга не могут. Это сплетение и есть жизнь. Стихийная жизнь.

В первой части поэмы-сказки «Молодец» Маруся, мечущаяся между жизнью и добром, изнемогает, отказывается от добра и открывает все двери стихии, одновременно прекрасной и ужасной. Но если в первой части Маруся чувствует себя побежденной и порабощенной стихией, то во второй происходит нечто другое. Она освобождается.

Не от власти стихии над душой. Нет! От своего сопротивления этой власти. Она, наконец, сливается в одно с этой неведомой, темной, неодолимой силой. И чувствует свое право — быть такой, какая она есть, быть жизненной силой — и только.

Героиня дорого заплатила за свободу души, свободу любви. Немыслимо дорого. Но когда в конце поэмы она улетает с Молодцем в огнь-синь, совершается что-то неизбежное, то, что не могло не совершиться. И ничего, кроме освобождения, кроме красоты полета, душа не ощущает. Стихия сметает все плотины и освобождает душу от оков и гирь. Куда она ведет — неведомо. Ведомо, откуда уводит. Из полужизни. Из вечного сна. Так, как флейтист вывел и крыс, и детей из Гаммельна. Гаммельн — энтропия, инерция жизни, не живая жизнь. А куда ведет флейтист? Куда бы ни вел, он уводит, выводит оттуда, где дышать нечем.

Он меняет стопудовые гири на крылья. Куда они залетят? Неизвестно.

«Борис, мне все равно, куда лететь,— пишет Марина Цветаева Пастернаку.— И в этом моя безнравственность. Моя небожественность». Так она себя оценивает, растерявшись перед чем-то, опрокинувшим все знакомые мерки. Но как бы это ни оценивать, это неизбежно. Душе надо вылететь из омертвелой формы, как бабочке из куколки... Она не выбирала зла. Но стихия, в которой смешивались и добро и зло, выбрала ее. И душе нельзя было не взлететь, не вылететь на простор.

То, что произошло, не могло не произойти. Нравственность здесь обязана замолчать — не потому, что она не имеет права говорить, не потому, что она выше или ниже жизни, поэзии. Ей просто нечего сказать. Она бессильна. Она не несет в себе жизни. А то, что несет в себе жизнь, не несет нравственности...

Трагический перекресток...

Огонь жизни не может быть грешен — вот что знала глубинным — пророческим — поэтическим знанием Марина Цветаева. Сновиденным знанием, «отродясь» знала. Знала, не видя. Верой. Верила в жизнь. И верила в Дух. И потому чувствовала, что жизнь и чистая духовность должны были слиться в одно.

Нет, не гасить огонь, а сжечь все темное и выйти в белизну света. Дорасти до белого накала.

В письме Пастернаку 1926 года она писала о трех видах огня, которые соответствовали для нее трем степеням любви. Огонь и есть любовь. Но есть огонь, который хочет только плоти и вполне насыщается плотью. Это — «огнь-ал — та, с розами, постельная», чувственная, самая поверхностная любовь.

Это для Марины Цветаевой вообще «не в счет, не любопытно».

Проблема начинается с другого огня — любви к душам, души к душе. Огромная стихийная, не укротимая ничем сила, пламя, сжигающее все, что встанет на пути его — огнь-синь. Так она его называет. Синий, как небесная лазурь, а может быть, и как адское пламя... Этот огонь одновременно и одаряет жизнью, и отбирает жизнь. Кого-то одаряет, у кого-то отбирает. А может быть, одну и ту же душу он и наполняет всем жаром жизни, и убивает. Одновременно. Это уровень страстей, уровень многобожия и трагического выбора, выбора между богами. Да, это не только пламя жизни, но и пепел смерти. И душа содрогается. Ей надо выбирать между жизнью и добром.

Отказаться либо от жизни, либо от жалости и добра. Не жить — или жить по законам дикой природы — леса, зверя — силы, а не добра.

Это непримиримое несоответствие всей ее жизни. Всю жизнь Марина Цветаева отшатывалась от одного берега к другому и потом делала обратный рывок.

Возможно ли не рваться на части? Возможно ли быть вполне живым и совершенно неподвластным злу, жить не по природным, а по иным законам?

В двадцать шестом году, обсуждая с Пастернаком своего «Молодца», она верит, что это возможно. Кроме алого и синего огня она видит внутренним оком еще третий, белый,— любовь к Богу. Чистое пламя без дыма. Огонь без пепла. Огонь, который не оставляет после себя черных пожарищ. Горение Духа, сути, ни в чем внешнем не нуждающееся. Этот огонь сам собой горит, сам из себя горит... Неопалимая купина. Светоносный столп жизни, не сжигающий никого. Этот белый огонь «силою бел, чистотой сгорания». Он потому и бел, что в нем нет ничего, не слившегося с ним самим, отделяющегося от него, выпадающего в осадок. Он — всё. Всецелость души. Дух.

Вот он, выход.

Сердце ее как бы знает, что великая задача жизни имеет ответ, но он не найден. Задача не решена, и, однако, решение возможно. Ответ, выход брезжит сквозь мир — в заочности, за оком, есть тайная слиянность всего явно разрозненного. Этот не ведомый глазам и всем ее пяти чувствам выход живет в ней, как жажда, как насущнейшая необходимость,— Бог.

Он — далекий, не найденный, но вечно искомый и вечно зовущий. Образ Божий возникает из вечной алчбы. Душа видит его, как видят путники оазис в пустыне. Мираж? Да, может быть. Здесь, сегодня, вблизи — этого нет. Но там, вдали, в Вечности — есть. Кроме дня, внутри дня есть Вечность. Внутри нас есть нечто непреходящее, непроходящее. Это душа знает. Бездоказательно и неопровержимо.

Это *есть*. Но на той глубине, на которой мы обычно не живем. Это есть. Это наше виутреннейшее, но мы разделены с нашим внутреннейшим.

Мы живем на поверхности самих себя. Чтобы приблизиться к Вечности, надо жить глубже...

Марина Цветаева знает только один способ жить глубоко — жить всей душой, всем напряжением, всей страстью.

Огнь-синь... Пламя жизни. Надо довериться огню. Надо гореть и знать, что огонь сам себя высветлит. Сгори до тла и очистись пламенем!.. Но на самом ли деле огонь очистит душу? А не погубит ли? Он ведь может и жизнь отнять, и душу погубить... Можно ли доверять огню?

— Можно и нужно. Нельзя *не* доверять. Так чувствует поэт. А человек цепенеет, человек не знает. И готов отшатнуться.

Пожар может быть захватывающе прекрасен. Он зачаровывает. Но ведь это — пожар, бедствие! Буря на море, гроза в лесу — все это красота, способная довести душу до экстаза. Но ведь это гибель!

Можно ли доверять губительной стихии? Можно ли идти ей навстречу? Марина Цветаева мучилась этим вопросом всю жизнь. Но пока человек побежден поэтом, она верит в неведомые пути поэзии и идет за поэтом. Как бы страшна ни была стихия, она выведет душу на простор, в Вечность! И своего Молодца Цветаева сравнивает с Орфеем — богом песни, духом поэзии.

«Не смейся опять! — пишет она Пастернаку,— сейчас времени нет додумать, но раз сразу пришло — верно».

В 1926 году времени не было додумать, но продумывала это потом всю жизнь. Просто поверила. И — видя на далеком горизонте белый огонь, — ринулась в огнь-синь.

Три дара мудрецов Востока

Перед вами репродукция оригинальной картины Джеймса К. Кристинси «Три повелителя». На ней изображены восточные мудрецы, явившиеся с дарами в Вифлеем, к младенцу Иисусу на поклонение. Они подарили ему золото, ладан и мирру. К началу первого века ладан и мирра были уже на высоте своей славы. Но ценными дары были не только (и не столько) в денежном отношении. Главное — Иисусу подарили здоровье и долголетие. Золото, ладан и мирра упоминаются в знаменитом древнеегипетском папирусе Эберса как самые первые лекарства. Их лечебные свойства не отрицает и современная медицина.

Ладан и мирра — это смолы, выделяющиеся из надрезов или трещин на коре деревьев, растущих только в определенных районах Северо-Восточной Африки и в Южной Аравии. Древние египтяне всех сословий сжигали эту смолу в своих домах и храмах. Многие жевали ладан, чтобы избавиться от дурного запаха изо рта и воспаления десен. Китайские лекари использовали его для лечения дыхательных путей. Римские медики первого века рекомендовали лекарство из ладана при перевязках ран, воспалительных процессах кожи и ушибах.

Современные врачи признают, что ладан обладает антисептическими, противогрибковыми и противовоспалительными свойствами. Он содержит вещества, способствующие расширению бронхов. Мирра никогда не имела такой феноменальной популярности, как ладан. Дело в том, что он сладкий, а мирра — горькая. Однако именно она была символом общественного положения в цивилизованном обществе древнего мира. Одна ее капля могла вдвое повысить стоимость дешевых духов. Когда в 1922 году была вскрыта гробница фараона Тутанхамона, в воздухе все еще стоял сильный пряный запах.

Мирру в качестве лекарства в древности применяли более широко, чем ладан. Китайские врачи рекомендовали микстуру из мирры и материнского молока при появлении сыпи у детей, а турецкие врачи объявили, что мирра возбуждает даже стариков. Мужчины-арабы пили уксус с миррой против облысения. В Индии лекари прописывали мирру, чтобы избавить пациента от ожирения и продлить ему жизнь.

И наконец, золото. Древние лекари использовали его в традиционной медицине еще до Рождества Христова. В восточном фольклоре говорится, что можно свести бородавки или ячмень, потеряв их золотом. Римские врачи первого века предписывали употреблять золото, растворенное в кислоте, для лечения аппендицита. Египтяне изготавливали из золота тончайшие листки (в стопке в дюйм толщиной их насчитывалось 367 000!) и использовали их для приготовления омолаживающих мазей. И в наши дни пациента, страдающего ревматоидным артритом, лечат инъекциями из растворов, содержащих золото. А в США лекарством аурофин, изготовленным на основе золота, лечат артриты на ранних стадиях. Вот коротко о подарках, поднесенных волхвами младенцу Иисусу. Мудрецы знали, что дарить. На то они и мудрецы.

«Я же не знал, что он так отреагирует...»
Кому из нас не приходилось произносить эти слова в оправдание?
Соционики убеждены, что мы нередко попадаем впросак
лишь потому, что просто-напросто не учитываем
психологический тип человека, с которым имеем дело.
Существуют довольно распространенные ситуации, в которых
правильное поведение обеспечивает половину успеха. Какие?
О них и пойдет речь в этой статье,
завершающей цикл наших публикаций о соционике
(«Знание — сила», №№ 1—10).

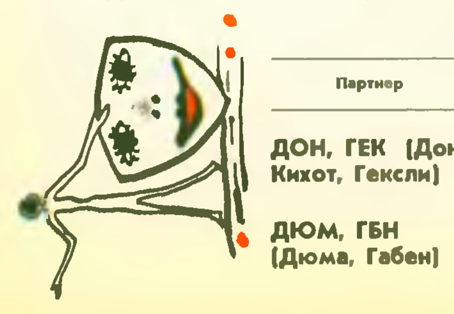

И. Вайсбанд

«Ну что мне с ним делать?»

Начало встречи

Опытный дипломат знает, что всякая беседа должна начинаться со вступления, не относящегося к делу, позволяющего партнерам сориентироваться, почувствовать контакт друг с другом. Эта ориентировка различна у представителей разных типов. Вот почему с самого начала встречи надо сообщить партнеру импульс вполне определенной направленности:

Партнер	Программируемый элемент
ДОН, ГЕК (Дон Кихот, Гексли)	Ориентировка по времени, которым вы располагаете; находитесь ли вы в опасности, цейтноте или расположены к длительной спокойной беседе.
ДЮМ, ГБН (Дюма, Габен)	Напряженность, целеустремленность, волевой импульс, мягко-расслабленное состояние. Не будьте «никаким» в волевом смысле.
ВИК, ГАЛ (Гюго, Гамлет)	Уровень дружественности, теплоты, сердечности (враждебности) предстоящей беседы.
РОБ, МАК (Робеспьер, Горький)	Представление о том, чем вы занимаетесь и как предполагаете это делать.
КОР, ЛЕО (Жуков, Наполеон)	Желаемая степень комфортности, ваше самочувствие, ваши интересы в предстоящей беседе.
ЕСН, БАЛ (Есенин, Бальзак)	Достаточно высокий интеллектуальный уровень, желание выслушать и понять собеседника, озабоченность глобальными проблемами.
ЛОН, ТИР (Лондон, Штирлиц)	Атмосфера логической беспристрастности, готовность хладнокровно оценить аргументы; психологическая дистанция — «на ты» или «на вы».
ТЕД, ДОС (Драйзер, Достоевский)	Эмоциональная атмосфера, тонус; можно быть веселым, задиристым или злым, раздражительным, но не «никаким».

Моральная поддержка

К сожалению, оказать партнеру моральную помощь вы можете не всегда. Для этого необходимо принадлежать к благоприятному для него типу личности или обладать достаточной общей «мощностью», чтобы обеспечить поддержку за счет не самых сильных своих психических функций. Если такая возможность есть, не воспользоваться ею просто негуманно. Здесь нужны не слова, а дела. Если партнер «скис», потерял жизненную энергию, постарайтесь:

Партнер	Как оказать моральную поддержку
ДОН, КОР	Позаботиться о его эмоциональном состоянии, развеселить, ободрить; если вы сочтете это целесообразным, можно вызвать у него и другие эмоции; гнев на кого-то (лучше не на себя).
ДЮМ, ЕСН	Создать у него ощущение надежной поддержки и опоры; важны не столько даже самые конкретные действия, сколько уверенность, что в нужный момент вы всегда придете на помощь; организуйте совместную деятельность (но не давайте конкретных указаний типа: «А сейчас сделай это»).
ВИК, ТИР	Дать ему чувство понимания сути дела, глубоких и скрытых корней происходящих явлений: раскрыть ситуацию с новой, неожиданной стороны; внушить уверенность, что, если суть вещей претерпит какие-то изменения, вы поставите его в известность.
РОБ, ДОС	Позаботиться о его комфорте, удобствах, чтобы он был одет и накормлен, чтобы была крыша над головой.
МАК, ТЕД	Предупредить об ожидающих опасностях, сориентировать в будущем, а еще лучше — позаботиться об этом будущем за него.
ГАЛ, ЛОН	Позаботиться о вещах: заставить купить костюм, зубную щетку и т. д., иногда подарить нужную вещь.
	Дать ему опереться на ваш волевой импульс, вашу твердость и непреклонность.

И. Вайсбанд.
«Ну что мне с ним делать?»

ЛЕО, ГЕК	**Увидев, как он мучается, прибивая вешалку или цепляя дверь, вздохнув, подойдите и сделайте это сами; подскажите ему метод реализации его гигантских замыслов.**
БАЛ, ГБН	**Проявите свое дружелюбие, создайте атмосферу товарищеской преданности и теплоты. Объясните, что его недруг — просто человек злой, завистливый и не любит не только его, но вообще всех.**

Принятие решений

У каждого человека есть чему научиться. Существуют вопросы, в которых он разбирается лучше других.

Партнер	Следует прислушаться, когда он говорит...
ДОН, ГЕК	**«Эта работа перспективна». «Это — человек способный». «Не знаю, как с деталями, но суть дела заключается в том, что...». «Этим стоит (не стоит) заниматься».**
ДЮМ, ГЕН	**«Это противоречит нашим интересам». «Это надо сделать сейчас». «Чтобы нам было удобнее и комфортнее, надо...». «Эта комната ужасна, поищем что-нибудь другое».**
ВИК, ГАЛ	**«Это оставит у них хорошее (плохое) впечатление». «Он обидится». «Да до каких же пор мы будем это терпеть!» «Что вы скисли! А ну веселей!»**
РОБ, МАК	**«Давай разберемся во всем логично». «Организовать работу нашей группы надо так...». «Во всем должна быть система. Поэтому...».**
КОР, ЛЕО	**«Думаю, сейчас надо поставить перед собой такую цель...». «Что вы шарахаетесь! Неужели мы не преодолеем эту трудность!». «Он слишком влиятелен, не будем переть на рожон». «Самое время нанести хороший удар».**
ЕСН, БАЛ	**«Это подорвет наше единство». «Нам грозит опасность...». «Пожалуй, надо подождать более благоприятного момента». «Чтобы сплотить коллектив, хорошо бы...».**
ЛОН, ТИР	**«Это надо сделать так: сначала...». «Этот сотрудник — квалифицированный». «Работу надо делать не как-нибудь, лишь бы сбыть, а хорошо и эффективно». «Я тщательно изучил факты. Было так...».**
ТЕД, ДОС	**«Это непорядочно». «Он его, по-моему, очень любит». «Не следует иметь дела с такими темными людьми». «Как вы можете считаться с затратами, когда речь идет о близких людях!»**

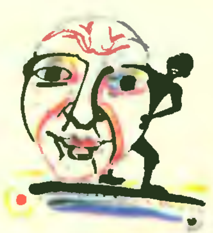
Трудности состоят в том, что психическая функция, с которой идет эта информация, достаточно инертна. Человек выдает подобные советы не тогда, когда вы в них нуждаетесь, а когда он сам созрел. И только если он некоторое время вплотную занимался этим вопросом. Наконец, если он занимается этими вещами давно, у него могли накопиться определенные предрассудки — убеждения, которые были верны, но устарели теперь. Кстати, именно поэтому любители иногда справляются с делом лучше профессионалов.

Если вам необходимо экстренно разобраться в ситуации и выдать стоящий совет, если вы решили сломать старый подход к вопросу и завести новые порядки, причем не на словах, а на деле, то...

Партнер	Умеет оперативно, без долгих раздумий:
ДОН, КОР	**Составить новую логическую концепцию, по-другому объясняющую вопрос. Расставить людей в соответствии с их способностями (ДОН) или волевыми качествами (КОР).**
ДЮМ, ЕСН	**Создать эмоциональный тонус, преодолеть уныние у партнера или в группе, раскачать людей, эмоционально раскрепостить их.**
ВИК, ТИР	**Обеспечить и защитить интересы коллектива, навести порядок и чистоту, создать комфорт, устроить маленький праздник — всех накормить и напоить так, чтобы были довольны.**
РОБ, ДОС	**Предложить неожиданную идею, касающуюся сути обсуждаемого вопроса, создать условия для проявления способностей человека.**
МАК, ТЕД	**Создать волевой импульс, смести преграду на пути, выдвинуть цель, нанести удар.**
ГАЛ, ЛОН	**Предупредить об опасности, принять предупредительные меры, выдвинуть идею, касающуюся сплоченности коллектива, например, лозунг для текущего момента.**
ЛЕО, ГЕК	**Пробудить у людей нужные чувства к себе, своим близким; создать атмосферу любви, преданности, нравственности в организации, коллективе.**
БАЛ, ГБН	**Найти нужный прием, метод, совершить поступок, позволяющий достичь цели в самой немыслимой и непредусмотренной ситуации.**

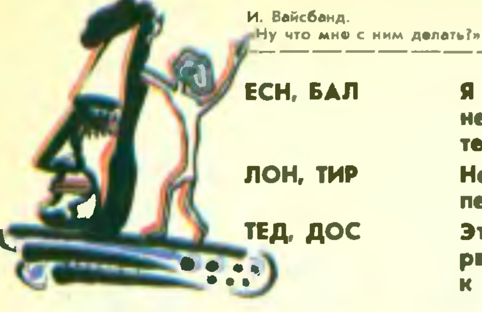

«Ах, извините...»

Вы опоздали на свидание или забыли поздравить человека с днем рождения. Он может подумать, что вы его не любите или не уважаете. Конечно, лучше этого не допускать, но если уж вы попали в подобную ситуацию, надо привести такие оправдания, чтобы они прозвучали убедительно для него.

Партнер	Поймет ваше оправдание
ДОН, ГЕК	**На меня «напала» такая слабость, просто не мог поднять руку. Не было денег.**
ДЮМ, ГБН	**Не было времени. Не мог себя заставить этим заняться, пока надо мной, как дамоклов меч, висела другая проблема.**
ВИК, ГАЛ	**Я не умею этого делать. Не знал досконально ситуацию, положение дел.**
РОБ, МАК	**Это неэтично. У меня плохие отношения с ним, и я не мог к нему обратиться. Мне помешали недоброжелатели.**
КОР, ЛЕО	**Я не понял суть дела. Не были решены глобальные, стратегические проблемы — не мог заниматься и конкретными.**

ЕСН, БАЛ	Я себя плохо чувствовал. Я не схватил ситуацию, не разобрался в ней. Это противоречит нашим интересам.
ЛОН, ТИР	Не было настроения. Я был эмоционально подавлен. Не смог сдержать свои эмоции.
ТЕД, ДОС	Это непрестижно. У меня не было условий для работы. Все так неорганизованно — я не знал к кому обратиться. Не хватило знаний.

Людьми надо восхищаться искренне

«Иногда люди становятся буквально больными, пытаясь добиться сочувствия и внимания окружающих...

Своим самым ценным качеством я считаю способность возбуждать в людях энтузиазм. Развить в человеке все то хорошее, что в нем заложено, можно только путем одобрения и поощрения. Ничто так не убивает честолюбие, как критика со стороны вышестоящих людей. Я никогда никого не критикую. Я верю в то, что человеку необходим стимул в работе. Я всегда готов похвалить его, но не люблю находить недостатки. Если мне что-нибудь понравилось, я от всей души выскажу свое одобрение и похвалу»,— так пишет Дейл Карнеги. Однако не всякая ваша похвала будет воспринята безусловно.

Так, как здесь предлагается, можно похвалить человека даже с иронией, а заодно проверить правильность определения типа: обычно он примет похвалу за чистую монету, даже если есть повод сомневаться в ее искренности. Используйте такую похвалу, если хотите, чтобы человек более активно проявил себя в своем родном типе. Например, если ваш дуал, активатор стесняется в вашем присутствии вести себя естественно.

Партнер	Похвала
ДОН, КОР	Как хорошо ты все организовал. Эту бумагу ты написал как никогда логично.
ДЮМ, ЕСН	Ты просто улучшил мое настроение. Мне с тобой всегда весело.
ВИК, ТИР	Стол был накрыт великолепно, все очень вкусно. У тебя чудесная квартира, очень уютно.
РОБ, ДОС	Очень глубокая мысль. Ты понял самую суть дела. Ты человек очень интеллигентный.
МАК, ТЕД	Мне бы твою силу воли. Ты всегда настоишь на своем. Эту вещь ты сделал очень красиво.
ГАЛ, ЛОН	Ты просто удивительно умеешь предсказать, что произойдет. У тебя поразительное чувство опасности.
ЛЕО, ГЕК	Как ты добиваешься, что тебя все любят!
БАЛ, ГБН	Просто приятно смотреть, как ты работаешь. Всегда найдешь самый быстрый и простой способ.

Партнер	Критика	
	Недопустимо	Правильно
ДОН	Ты должен был это сделать. Ты меня не любишь, не выполняешь своих обязанностей.	Разве можно так расслабляться! Соберись, возьми себя в кулак. Это в твоих интересах. Получишь массу удовольствия.
ДЮМ	Ты неправильно это делаешь.	Это опасно. Ты размениваешься на пустяки, займись лучше серьезным делом.
ВИК	Все это добром не кончится. Тебя нельзя пускать к приличным людям.	Это надо сделать не так. Сейчас я тебе объясню ситуацию.
РОБ	Ты, брат, слабак.	Почему ты с ним так осторожен! Он к тебе хорошо относится. Что ты такой кислый! Проснись и пой!
МАК	Сути дела ты не понял.	Тебе надо разобраться в своих отношениях с людьми. Это неэтично. Будь веселее. Смотри на это с юмором.
ГАЛ	Вечно ты не успеваешь. Ты некрасиво это делаешь.	Это делается не так. Давай разберемся.
КОР	Прикидываешься добреньким!	Оцени проблему с глобальных позиций. Это неперспективно. Надо сплотиться перед опасностью.
ЕСН	Ты неправильно это делаешь.	Так ты себя будешь хуже чувствовать. Самое время проявить твердость.
ЛОН	Ты живешь ради собственного удовольствия.	Мне не нравится твое настроение. Ты неправильно оцениваешь, как к тебе относятся люди.
ТЕД	Ты не понял сути дела, ты поверхностный.	Мне кажется, ты рассуждаешь не вполне логично. Вот послушай...
ЛЕО	Ты плохо соображаешь.	То, что ты задумал, мне кажется опасным. Это добром не кончится.
БАЛ	Ну чего ты расхихикался! Или: что ты стоишь, как истукан, когда у меня уже истерика!	Мы должны с тобой добиться вот этого. Делай что хочешь, а достигни этого.
ТИР	Мне сейчас некогда. Ты не вовремя. Вечно ты торопишься!	Это не совсем этично. Тебе не кажется, что ты его обидел!
ДОС	Ты некрасивый, вялый, неэнергичный.	Это надо сделать не так, а вот как... Логичнее рассуждать так...
ГЕК	Ты слабо соображаешь.	Мне кажется, тут надо проявить упорство (гибкость). В наших интересах сделать так...
ГБН	Не умеешь реагировать на эмоции людей.	Чем ты занялся! Тебе надо заниматься вот этим. Ты же талант!

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Понимаете ли вы свою кошку?

Чтобы в полной мере получать удовольствие от общения со своей кошкой, вы должны понять это существо, узнать, каковы ее потребности, желания, инстинкты, а может быть, и неврозы. Во-первых, помните, что кошка — это не собака и от нее нельзя ожидать соответствующего поведения. Правда, некоторые кошки, воспитанные владельцами собак, могут приносить предметы, гулять вместе с собаками и даже сторожить дом. Кошек можно также научить выполнять разнообразные трюки. Но кошки так ведут себя, лишь когда это совпадает с их интересами и не вступает в противоречие с тем, чем они склонны заняться. В отличие от собак кошек нельзя научить полному подчинению. И не потому, что собаки были приручены раньше кошек: просто кошки иначе «устроены», с только им присущими врожденными, инстинктивными и неизменными формами поведения. Не забывайте также, что кошка — это не ребенок. Пытаться воспитать кошку, чтобы она вела себя, как собака или ребенок, бессмысленно и жестоко.

Поскольку кошка все равно будет инстинктивно точить когти, лучше отвести ей для этого специальное место, чем предоставить пользоваться вашей мебелью. Одновременно с приобретением кошки купите столбик для точки когтей, и вы избавите свою любимицу от дурной репутации, которая в противном случае ждет ее в собственном доме.

Никогда не браните кошку за то, что она охотится: кошки биологически запрограммированы на эту форму поведения. Я помню, как однажды при появлении на лужайке сиамского кота моей приятельницы с крольчонком в зубах раздались ее жалобы: «Сотни раз я твердила ему, чтобы он не таскал крольчат!» Она наказала кота и отобрала крольчонка, после чего кот издал вздох сожаления, откровенно полагая, что прав он, а не его хозяйка. Мне стало стыдно за свою подругу, и я сказала ей об этом. Несмотря на все усилия, ей никогда не изменить этих кошачьих повадок. Позже ее кот попал ко мне в дом на каникулы во время ее отсутствия. Я была предупреждена, что он плохо ест, но, право же, у меня в жизни не было такой прожорливой кошки. По-видимому, дома, в окружении кукурузных полей, кишащих всевозможной добычей, он в основном кормился на воле и был достаточно хитер, чтобы не попадаться на глаза хозяйке!

Некоторые владельцы кошек не хотят, чтобы их питомцы приносили домой охотничьи трофеи. Люди склонны видеть в них подарки. Однако это, скорее всего, проявление сильно развитого инстинкта приносить добычу в гнездо, даже если в нем нет детенышей, которых нужно накормить. Не будь этого родительского инстинкта, многие дикие котята погибли бы.

Казалось бы, мыши и крысы — это одно, птицы — совсем другое, но для кошки все они — просто движущаяся добыча, поэтому вам не следует хвалить кошку за то, что она убивает крыс и мышей и ругать за охоту на птиц. Если вы действительно любите птиц, лучше постройте недоступную для кошек столешницу или сделайте специальную кормушку за окном, что позволит вам и вашей кошке наблюдать за птичками, находясь внутри дома. Конечно, кошка будет ворчать на птиц и энергично поводить хвостом, но при этом все будут в безопасности.

С охотой связан инстинкт игры, но кошка — единственное животное, которое, прежде чем убить добычу, играет с ней. Вот почему этому важному инстинкту нужно потакать. Игрушки для содержащейся в помещении кошки — настоятельная необходимость. Они на долгие часы займут и развлекут ее. Кошки, которым позволено гулять на свободе, гоняются за всем, что движется, и даже фантазируют на ходу: затаиваются и нападают на воображаемую добычу. В игре сама с собой или с другой кошкой она обхватывает, ударяет лапой, кусает, преследует, нападает, крадется, прыгает, хватает, бьет задними лапами или придавливает шеей.

Кошки от природы ласковые создания, они нуждаются в физическом контакте с другими кошками, с другими животными или людьми. Они чутко реагируют на ласку, поглаживания или объятия и сторицей вознаградят вас любовью и преданностью.

Любопытство — еще одна важная черта кошачьих. Кошки настолько любопытны, что «помогут» вам упаковать или распаковать любой сверток. Они любят звук шуршащей бумаги и с большим интересом следят за тем, что вы с ней делаете. К сожалению, кошек некоторых пород, особенно бирманской, так же влекут к себе автомобили, и они с удовольствием прыгают в любой, не беспокоясь о том, что путешествие может окончиться очень далеко от дома. Иногда их возвращают, но чаще — нет. Из-за своего любопытства они заходят в любую отворенную дверь и регулярно наносят визиты соседям, если им это позволяют. Мне рассказывали, что кто-то из моих питомцев не только навещал соседей, но однажды даже залез к ним в постель! Если вы занятой человек и часто уходите из дому, оставляя своих кошек на свободе, может случиться, что у них появится второй дом, где они будут проводить время в ваше отсутствие. И вы можете обнаружить, что вас навещает какая-то кошка, — заходит в дом, уютно располагается там (если это позволяют ваши кошки), а потом возвращается к своему хозяину. Существует немало историй о кошках, получающих двойной паек от двух претендентов на роль хозяев.

Один из немногих природных инстинктов, который нужно подавлять у большинства кошек, поскольку он чреват появлением сотен тысяч нежеланных котят, — спаривание. Кастрировать кошку — это не значит жестоко обойтись с ней. Напротив, вы только поможете животному приспособиться к жизни среди людей.

Сон для большинства кошек уступает по значению только еде и ласкам. Представители семейства кошачьих тратят на сон примерно шестьдесят пять процентов своей жизни, и нельзя лишать их этого. Не позволяйте детям будить кошек, чтобы поиграть с ними, и защищайте покой своих питомцев. Вся семья должна усвоить, что кошке нужно много спать в тихом, темном и теплом (или прохладном, если на дворе жара) месте.

Кошка не может наскучить, даже когда спит. Понаблюдайте за ней повнимательнее и вы увидите, как подрагивают глаза, лапы, уши и усы. Должно быть, во сне у нее оживают в памяти сцены охоты или иные важные события ее жизни. Просыпаясь, кошка обязательно хорошо потянется, поочередно оттягивая то одну, то другую ногу, а потом умоется, чтобы окончательно проснуться.

Кошки любят спать в каком-нибудь укромном местечке, куда исчезают вдруг совершенно неожиданно. Эта привычка свойственна и котятам. Я вспоминаю, как однажды потеряла целый выводок. Причем из дома они никуда уйти не могли. Но когда подошло время кормежки, я заметила, что один котенок выполз откуда-то изнутри открытой полки книжного шкафа. Увидев, как это крошечное создание карабкается поверх книг, я выразила неподдельное изумление. Тотчас при звуках моего голоса за ним повалили другие. Так я узнала, где искать беглецов в случае их исчезновения. Правда, по обнаружении места их укрытия кошки обычно меняют его.

Когда кошка трется о какой-либо предмет, она оставляет на нем свой запах. Точно так же две кошки, трущиеся головами, оставляют друг на друге свой запах, который они опознают при следующей встрече. Если одна из содержащихся в доме кошек отправ

Фото А. Славина

Глава из книги «Кошки». Д. С. Ригардз.

ляется к самцу для спаривания, то по возвращении оставшиеся дома «товарки» отвергнут ее общество, так как почуят запах кота, для них неприемлемый. Ей придется долго вылизывать их, рассказывая, как она счастлива вновь их видеть, пока они не убедятся, что это их бывшая подруга, и не признают ее. Точно так же ваша кошка тотчас поймет, что вы были в доме, где есть кошки. Запах, который издает кошка, может куда больше, чем мы думаем, сказать ее сородичам о поле, возрасте и состоянии здоровья животного.

Вероятно, именно чужой запах нового места заставляет некоторых кошек ненавидеть переезды из дома в дом. Окруженные привычными запахами, они чувствуют себя в безопасности и часто выражают недовольство даже при перестановке мебели. Для некоторых перемена места жительства оказывается настолько болезненной, что они отказываются от еды и бродят по дому, жалобно мяукая. Иногда кошки даже впадают в агрессивность, но это бывает крайне редко. Щедрое проявление любви и внимания — и кошка вновь почувствует себя в безопасности. Но и тогда подержите ее несколько дней в доме, чтобы быть уверенным, что она не убежит, не забудет, где теперь живет, и не потеряется. Эмоционально стабильные и уверенные в себе животные, как правило, адаптируются быстрее других.

Кошек привлекают запахи некоторых растений. Первой в этом списке идет кошачья мята, ароматная многолетняя трава, от которой они словно пьянеют. Кошки катаются на грядке кошачьей мяты, с удовольствием играют с набитыми этой травой игрушками и даже с сухими листьями и цветами, купленными в зоомагазине. Причем взрослые любят мяту больше, чем котята. Если вы захотите вырастить эту траву у себя, возьмите семена (вещество, содержащееся в растении и привлекающее кошек, — непетолактон). Еще одно любимое кошками растение — валериана. Предоставленные сами себе, кошки часто нюхают цветы в саду. И это не только для того, чтобы «прочитать», кто в этот день заходил в садик; кошкам просто нравится все, приятно пахнущее.

Кошки обладают острым зрением, но лучше видят предметы, когда те движутся. Поэтому кошки замирают, увидев другую кошку; точно так замирает мышь, надеясь, что ее не заметит приближающаяся кошка. При плохом свете кошки видят лучше нас, хотя и ничего не различают в полной темноте. У кошек нет цветовой слепоты, как утверждают некоторые.

Многие кошки проявляют живой интерес к своим собратьям, которых видят в телевизионных передачах или видеофильмах. Иногда они даже пытаются поучаствовать в представлении на экране. А иным кошкам, по-видимому, просто нравится смотреть телевизор: возможно, их забавляет мелькание кадров на экране.

Кошки обладают острым слухом и могут различать такие слабые звуки, которые наше ухо не способно регистрировать. Этим, по-видимому, объясняется «сверхъестественное» чувство, позволяющее вашей кошке узнать, что кто-то приближается к входной двери или звонит по телефону, еще до того, как вы услышите стук в дверь или раздастся звонок. Кошка попросту почувствовала первые слабые звуковые вибрации раньше вас.

Для кошек очень характерны звуковые симпатии и антипатии. Говорят даже, что они любят музыку. В одном известном мне кошачьем пансионе в определенные часы дня звучит музыка, чтобы животные, взволнованные переменой обстановки, успокоились и почувствовали себя в безопасности. Большинство кошек не любит громких и шумных звуков. Помню, как одна коричневая бирманская кошечка горько и громко жаловалась всякий раз, когда звонил телефон. В день, когда приезжают за мусором, кошки стараются не появляться возле мусорных ящиков; они почти не показываются, если в доме стройка или ремонт. Вообще, если у вас планируется какое-то шумное сборище, включая и буйные дискотеки для подростков, лучше всего отвести кошке комнату «со всеми удобствами», расположенную как можно дальше от источника шума. Иначе она может уйти из дому и долго не возвращаться.

Вы, несомненно, обнаружите, что кошка очень восприимчива к вашему тону. Это имеет важное практическое значение, так как помогает контролировать поведение вашей питомицы, хотя и не в такой степени, как с собакой. Кошки не любят крика, поэтому громко произнесенная команда может заставить вашу питомицу прекратить свои занятия, если они вам не нравятся. Чего только не сделает кошка ради спокойной жизни! В то же время она мгновенно реагирует на звук своего имени и, как правило, тут же появляется, если, конечно, вы не будете звать ее без причины. Но если вознаграждения не последует, маловероятно, что она откликнется на ваш следующий зов. Это невероятно разумные существа, и они плохо уживаются с неразумными хозяевами.

Кошки обожают, когда им что-нибудь шепчут; они мурлыкают изо всех сил в ответ на милые пустяки, которые вы нашептываете им в уши. Из-за столь чувствительного слуха кошке важно не то, что вы говорите, а то, каким тоном.

Кошки обладают поразительным чувством равновесия. Оно необходимо им, чтобы лазать по деревьям, крышам, карнизам и подоконникам. Чувство равновесия помогает кошке вскарабкаться туда, куда не можем добраться мы или ее извечные враги — собаки и лисы. Быстрая пробежка, молниеносный подъем, и вот уже спасавшаяся от погони кошка сидит высоко на дереве в полной безопасности. Обычно кошка или котенок в состоянии спуститься с любого дерева, на которое они смогли взобраться. Когда мы видим малюсенького котенка, который, удирая от соседской собаки, залез на вершину высоченного дерева, мы начинаем паниковать и звонить в пожарную команду. Оставьте его одного, и в девяти случаях из десяти котенок наверняка спустится сам, хотя, быть может, и не раньше, чем стемнеет, — из-за суматохи, поднятой внизу.

Чувство равновесия поможет кошке при падении с небольшой или средней высоты. Изогнув тело в воздухе, она благополучно приземлится на все четыре лапы. Однако при падении с очень большой высоты кошка может разбиться насмерть.

Многочисленные истории — некоторые из них вполне достоверны — рассказывают, как кошки преодолевали сотни километров, отделяющие их новый дом от того места, где они жили прежде. Подобно возвращающимся домой голубям, кошки, должно быть, обладают способностью определять нужное направление, что и позволяет им так хорошо ориентироваться в пространстве. Найти обратную дорогу по запаху, наверное, можно лишь после очень недолгого путешествия.

Кошки любят четкий распорядок, когда одни и те же события происходят в одно и то же время, изо дня в день, из недели в неделю. Они ждут, что им предложат поесть в строго определенный час, и начинают к этому времени нетерпеливо крутиться под ногами. Это значительно облегчает жизнь и нам, и им, за исключением, может быть, выходных дней, когда так хочется отдохнуть от всех обязанностей. Кошкам нравится также, когда их регулярно расчесывают. Они и в самом деле любят хорошо организованную жизнь, что удивительно для животного, характеризующегося во многих отношениях крайним индивидуализмом.

Может быть, как раз эти высокоразвитые чувства и помогают нам понять, почему кошки, по всеобщему мнению, обладают такой уникальной живучестью.

Кошки общаются между собой, с другими животными и людьми двумя способами — голосом и языком жестов и поз.

Кошачий «язык» менее формализован, чем наш. Просто кошки произносят те звуки, которые считают подходящими к данной ситуации. Хозяин, который не жалеет времени и усилий на то, чтобы слушать своих питомцев и разговаривать с ними, вскоре научится улавливать различные оттенки издаваемых ими звуков, а значит — и смысл того, о чем они «говорят». Однако для достижения подобного взаимопонимания нужно время. Вы должны не только слушать, что говорят вам, но и отвечать, если рассчитываете на двустороннее общение. Без любви, доброты, жалости, терпения и наблюдательности вам не удастся добиться истинного взаимопонимания между вами и вашим питомцем.

Стоит вам задуматься над тем, что говорит ваша кошка, и вы вскоре освоите ее основной словарь. Так, вечерами она будет изводить вас определенными звуками, заставляя «идти спать»: кошки любят отправляться на ночлег в одно и то же время.

Ваше ежедневное возвращение домой кошка будет приветствовать особыми воркующими звуками (то, что мы обычно называем мурлыканьем), если к тому же вы в ответ берете ее на руки и говорите: «Привет! Ну как ты сегодня провела день?» Эти слова приберегайте специально для приветствия и постарайтесь не использовать в другое время.

Среди других звуков — мурлыканье, когда кошка миролюбиво настроена; шипение, когда пребывает в нерешительности; ворчание, когда убеждена, что вы вмешиваетесь в ее дела или вторгаетесь в ее владения; а также звуки, чтобы сказать: «Я голодна, что сегодня на обед?», «Выпусти меня на улицу», «Пожалуйста, открой дверь», «Можно к тебе на колени?», «Давай поиграем!». Жалобные звуки вроде «Где ты была весь день?» хорошо отличаются от выражения гнева или негодования. Сиамские кошки часто высказывают неудовольствие не по поводу конкретного события, а в принципе, например потому, что идет дождь («Почему ты не можешь прекратить его?») или приближаются пугающие события, такие, как визит к ветеринару.

Следует упомянуть также беззвучное мяуканье, когда кошка открывает рот, чтобы что-то сказать или о чем-то попросить, но не издает никакого различимого звука. Этот жест очень подкупает и обычно приводит к желаемым результатам. На самом деле какой-то звук, возможно, и издается, но его могут услышать только животные.

Некоторые кошки всегда отвечают, когда к ним обращаешься, словно владеют «запасом слов» для короткой беседы.

Как владелец кошки вы должны всегда ответить на ее приветствие. Когда бы я ни вошла в дом, я обязательно скажу своим «Привет, красавицы» и одновременно возьму их на руки, чтобы сжать в объятиях. Как только эта процедура войдет в привычку, можете быть уверены, что кошки всегда будут встречать вас у двери. Никогда не кормите кошек, хотя бы даже вы и просрочили время кормления, пока не обменяетесь приветствиями. Кошки не должны подумать, что еда важнее хороших манер!

Большая часть издаваемых звуков предназначена для общения с людьми. Исключение составляют разговор матери с котятами и любовные беседы. Кошка-мать нежными вопрошающими звуками подзывает котят, если они убежали от нее. У нее есть в запасе и другие звуки, смысл которых для котят понятен: «идите завтракать» или «пора спать». Позднее они учатся у нее рычать над живой мышью, которую она поймала, — это предупреждение помогает сохранить добычу, отпугнув других котов.

Хвост у кошки — очень выразительный инструмент для беседы. Он может быть поднят вверх в знак удовольствия или приветствия, либо опущен вниз или поджат во время схватки. Если хвост, как плетка, ходит из стороны в сторону, это проявление гнева, в отличие от собак, виляющих хвостом от удовольствия.

За исключением кошек, у которых прижатые уши — это признак породы, обычно у этих животных уши стоят торчком или направлены в стороны и, как антенны-радары, могут поворачиваться, чтобы улавливать звуки. Часто кошка лежит перед камином в полной неподвижности, и только по движению ее ушей можно сказать, что сквозь

обманчивую дремоту она слушает все ваши разговоры. Уши, прижатые назад, означают приглашение поиграть, адресованное хозяину или другой кошке; но прижатые по бокам головы обычно знаменуют собой гнев или раздражение. Тело прижато к земле, глаза полузакрыты, уши плотно прижаты — поза подчинения.

Усы в соответствии с настроением меняют направление и подергиваются.

Голова используется для такого выразительного жеста, как «бодание», с помощью которого кошка хочет привлечь к себе внимание человека или проявить свою привязанность. Если кошки дружески «бодают» друг друга, это безошибочный знак признания.

Тело тоже может многое рассказать о том, что думает или чувствует животное. Кошка, развернувшись боком, с выгнутой спиной и распущенной шерстью обороняется против другой кошки или собаки, посягающей на ее территорию. Такую позу часто принимает кошка-мать, чтобы защитить свой выводок. С другой стороны, агрессивное поведение часто проявляется в уверенной атаке — кошка наступает на непрошеного гостя, уверенная, что он подчинится.

Кошка, сидящая возле двери с поднятой головой, как бы говорит: «Пожалуйста, отвори дверь, я хочу войти». Но если она сидит возле двери, опустив глаза в пол, ее поза может означать: «за дверью котенок» или «за дверью кто-то есть». Некоторые кошки, стремясь выйти из дома, прыгают на дверные ручки и, немного попрактиковавшись, открывают их, причем иногда не только обычные, действующие по принципу рычага, но и круглые. По рассказам, кошек можно научить пользоваться дверным молотком; постучав в свой дом, они усаживаются и терпеливо ждут, когда им откроют. Я знавала кошек, которые бросались на людей, вошедших в дом без стука или каким-то необычным способом, словом, вели себя, как сторожевые псы.

Кошка, свернувшаяся калачиком на стуле или подоконнике с аккуратно поджатыми под себя лапками и обернутым вокруг тела хвостом, излучает счастье и покой. Кошка, которая, выпрямившись, смотрит в окно, живо интересуется людьми, птицами и другими проявлениями жизни. Однако, увидев другую кошку, ступившую на ее территорию, наша наблюдательница, негодуя, начнет бить хвостом, открывать рот и издавать серию угрожающих звуков.

Если вам пришлось наказать кошку, животное может выразить свое неудовольствие, повернувшись к вам спиной и начав чистить шерсть. Этот жест предназначен для того, чтобы заставить вас пуститься в уговоры, посуетиться вокруг нее, пока она наконец не снизойдет до ответа. Потом ваша питомица еще немного покапризничает, довольная, что неприятности позади и прощение получено.

Поняв, что вы — ее хозяин, кошка научится реагировать на ваше настроение. Если вы заболели, она весь день не сойдет с вашей постели, радуясь, что сидит рядом. Если вы счастливы, кошка тотчас улавливает ваше расположение духа и приглашает поиграть с ней. Как было бы прекрасно, чтобы и мы подобным образом реагировали на настроение наших любимцев.

Иногда им больше всего нужна наша ласка. И просто мы обязаны найти время, чтобы взять их на руки и оказать им хотя бы чуточку внимания. Сиамские и бирманские кошки особенно нуждаются в этом. В погожий денек они вдруг решают отправиться на прогулку и ясно дают понять, что хотят идти вместе с вами. Как бы вы ни были заняты, найдите время для совместной прогулки со своей питомицей.

Сидя на подоконнике, кошка обычно пребывает в созерцательном настроении. «Иногда я сижу и размышляю, а иногда просто сижу», — вот что выражает ее поза.

Если у кошки когда-то была нога в гипсе, а сегодня, чтобы избежать наказания, она хочет вызвать ваше сострадание, то она начинает хромать!

Совсем почти как дети, кошки способны испытывать злобу, собственнические инстинкты, ревность, голод, усталость, недомогание, недовольство, возмущение, неповиновение, отвращение и презрение. Они могут быть счастливыми, шаловливыми, ласковыми, нежными, миролюбивыми, дружелюбными и внимательными. Но есть одно, чего кошки (в отличие от собак) никогда не испытывают,— это чувство вины. Поэтому бесполезно наказывать кошку, она никогда не связывает кару с проступком, а просто обижается на вас. Хотя некоторое смущение они все же могут испытывать, например, после того, как вы скажете: «Нет!», или после выяснения отношений с другим животным. Лучшее лекарство от подобной неловкости — приведение себя в порядок. «Не уверен — умывайся» — таков кошачий девиз.

Всякий, у кого уже есть кошка, наверняка знаком с так называемой безумной тридцатиминуткой. Ранние вечерние часы — время, когда кошка окончательно проснулась после полуденной фиесты, которую она провела, нежась на солнце или прикорнув возле радиатора. В природе это, должно быть, то время, когда следует позаботиться о добыче для вечерней трапезы. Как бы там ни было, именно в эти часы многие кошки дают выход колоссальным запасам своей энергии. Они, как сумасшедшие, скачут по мебели, носятся вверх и вниз по ступеням, делают все новые круги по комнате, прыгают, хватают воображаемую добычу. Отведите это время для веселья и игр в кругу семьи, трюков и упражнений. С возрастом кошки становятся более уравновешенными, хотя время от времени и вспоминают про «тридцатиминутку». Поэтому не надейтесь, что они всегда будут спокойными и тихими. Когда-то им нужно «выпустить пар», особенно если они не могут свободно гулять на воле.

Кошки любят играть в прятки, и ваша скоро научится этому. Только, когда вы найдете ее, обязательно слегка вскрикните. Она снова исчезнет, приглашая вас продолжить поиски. Обнаружив ее, вновь издайте тот же звук, выражающий радость и изумление, — и она опять помчится прятаться в очередное укромное местечко. Если у вас не одна кошка, а несколько, то они могут играть в прятки коллективно. Кошки сами предложат вам поиграть в те игры, которые им нравятся. Будьте готовы откликнуться на их желания.

Они получают огромное удовольствие от небольшого кусочка серебристой фольги, скатанной в виде шарика. Их занимает шуршание свернутого целлофана, который начинает разворачиваться. Что бы ни случилось, старайтесь не смеяться над кошкой — она этого терпеть не может.

Кошки способны чувствовать горечь утраты, когда умирает или уезжает их хозяин или кто-либо из друзей-животных. Некоторые кошки в таких случаях просто изнемогают от горя: они отказываются от еды и ползают по дому, жалостно мяукая. Существует немало историй о кошках и собаках, которые сидели на могилах своих хозяев спустя длительное время после их погребения. Самый первый из моих черных котов был похоронен у нас в саду в двухлетнем возрасте. Друживший с ним полосатый кот на протяжении долгих недель ежедневно навещал его могилу, потом внезапно исчез.

Хотя кошки по природе своей индивидуалистки, некоторые из них нуждаются в компании. Бытует немало рассказов о кошках, подружившихся с представителями других видов животных, в том числе и таких, которые в естественных условиях для них объект охоты. Из-за того, что кошки столь общительны, они становятся прекрасными компаньонами. Никто из вас не почувствует себя одиноким, если у него есть кошка. Но кошки, привыкшие к общению, чахнут и умирают, когда лишаются его.

То, как вы воспитываете своего котенка, в значительной мере определит будущий характер взрослого животного. Каков котенок, такова и кошка. Поэтому начинайте так, как вы намерены продолжать. Не позволяйте котенку делать то, что вы запретили бы делать взрослой кошке.

Я никогда не смогу понять людей, которых кошки приводят в меньший восторг, чем котята. Конечно, малыши забавны, очаровательны, занимательны и обычно очень ласковы. Но хорошо воспитанная взрослая кошка может сохранить все эти качества на долгие годы. У угрюмого хозяина и кошка наводит скуку; если ее игнорируют, она замыкается в себе и становится еще более склонной к одиночеству. При случае она даже может найти себе другой дом, где ее

будут больше ценить. Поэтому обращайтесь со своей кошкой как с членом семьи или вовсе не заводите ее. Котенка берите у такого хозяина, который с самого начала играл бы с выводком, брал котят на руки; иначе они будут слишком пугливы. Пугливость может передаваться и от матери, если она диковата и по опыту своей жизни не питает доверия к людям.

Приучить котенка к дисциплине совсем не сложно, так как кошки более всего восприимчивы к тону вашего голоса и реагируют на резко сказанное «нет», если обычно вы говорите с ними мягким и нежным голосом. Нашим первым двум бирманским кошкам никогда не дозволялось появляться в столовой. В их распоряжении и так было достаточно места. Кроме того, поскольку их кормили раньше нас, мы считали, что они не станут возражать, если побудут в одиночестве, пока насытимся мы. Они попытались переубедить нас. Всякий раз, когда открывалась дверь для очередного блюда, они проникали внутрь, и нам приходилось удалять их из комнаты. Мы не гнались за ними — это было бы воспринято как интересная игра, а просто говорили: «Нет!» и спокойно

ного. Вы обнаружите, что тем самым препятствуете проявлению агрессивного поведения, и кошка перестает кусаться.

Кошки незлопамятны, и вы никогда не дуйтесь на свою кошку целый день, даже если она разбила что-нибудь ценное. Это редко бывает только ее виной. Прежде чем она ляжет спать, обязательно скажите, что любите ее. В конце концов дружба дороже вещей. Если же вы думаете иначе, не заводите кошку!

Таким образом, воспитание — это много любви и нежности, выраженных ласковым голосом, плюс твердое «Нет!», когда кошки скребут когтями не там, где должно, ходят туда, куда им не позволено, жуют домашние растения или нарушают какие-либо другие запреты, принятые в вашем семействе. Никогда не бейте кошку — достаточно мягко дотронуться пальцем до ее носа, как это делала лапой кошка-мать.

Несмотря на всю свою самостоятельность и индивидуализм, кошки любят сборища, которые часто не связаны с их сексуальной активностью. Кошки, гуляющие на свободе, обычно собираются группами, садятся и наблюдают друг за другом. Это может проис-

сажали их на ковер за пределами столовой. Наконец они поняли, чего от них добиваются, и мы победили.

Интересно, что когда у самки появились котята, она начала их воспитывать соответствующим образом. Стоило им ввалиться в столовую — так всегда делают котята, если перед ними открывается дверь,— как она, громко протестуя, отправлялась за ними и выносила их по одному, схватив зубами за загривок. Я помогала ей, и скоро котята поняли, что столовая расположена вне пределов их досягаемости.

Другая привычка, которую следует пресечь с самого начала, — это кусание. Если вы позволите кошке кусаться, — а она определенно станет это делать, когда вы, взяв ее котенком, начнете расчесывать ей шерсть, — то со временем это может перерасти в дурную привычку. Вместо того чтобы убрать руку, засуньте ее поглубже в пасть живот-

ходить и на дневном солнцепеке, и ночью на крыше. Потом они расходятся. Если вы отведи в саду порядочный кусочек земли под кошачью мяту, они, скорее всего, воспользуются им для устройства штаб-квартиры местного кошачьего клуба.

Если кошкам не разрешено гулять на свободе, но их в доме несколько, между ними устанавливаются иерархические отношения с выделением доминирующих особей, менее могущественных животных и обладателей самого низкого социального статуса, которых все будут терроризировать. Нужно следить, чтобы дело не доходило до жестокостей и чтобы самые слабые животные для их же блага были изолированы от остальных. Надо постараться сделать так, чтобы они все же могли видеть своих сородичей, тогда они будут чувствовать себя счастливее.

Перевод с английского
Е. ГОДИНОЙ.

На выставке — булки

В одной из парижских галерей открыта выставка художницы Нины Шилдрес, предназначенная для собак и домашних птиц. Четвероногие посетители с любопытством обнюхивают всевозможные кости, булки и другие лакомства из пластмассы, а для птиц на выставке представлены аппетитные хлебные коллажи.

Что у них под ногтями?

Может быть, и вы заметили: если вас оцарапает кошка, ранка не только болит, но и медленно заживает. Почему?

Голландские ученые проанализировали микрофлору кошачьих ногтей и обнаружили множество микробов, которые абсолютно безвредны для самих животных, но не для людей. Тот же комплекс микробов найден у всех представителей семейства кошачьих — от домашних кошек до львов и тигров.

Для самого лучшего друга человека

Около израильского селения Аскалон, основанного в XIII веке до Рождества Христова, найдено самое большое собачье кладбище — около семисот погребений пятого века до новой эры. Собачьи кладбища существовали и в Древней Греции, но там хоронили только старых животных, умерших естественной смертью. В Аскалоне почетного погребения были удостоены и молодые животные. Известно, что в этом селении жили вместе персидские, греческие, финикийские, египетские и еврейские колонии. И эти народы очень ценили собак, а египтяне даже мумифицировали их.

Ах, быть кошкой в Америке...

В США 90 процентов владельцев домашних животных постоянно разговаривают со своими любимцами. Однако они считают это абсолютно недостаточным и:

65 процентов из них дарят им рождественские подарки,

32 процента разрешают спать с собой,

30 процентов оставляют для них телевизор включенным,

24 процента празднуют их день рождения,

17 процентов носят в своем портфеле их фотографии.

Выбирай на вкус

Профессор зоологии Хельмут из Германии категорически утверждает: характер кошки зависит от ее цвета! Черные кошки, например, очень нервны, чувствительны и любопытны. В то время как черно-белые игривы (часами могут играть с книжкой), много и нежно мурлычат, легко привязываются к хозяевам, особенно к детям. Полосатые, как тигрята, кошки очень скрытны, замкнуты, избегают контактов с людьми, сдержанны и холодны со своими владельцами. Рыжие и бело-рыжие — домоседки, любят домашний покой. Абсолютно белые — самые капризные, склонны к чудачествам, например, с удовольствием закусывают морковкой и свежими огурчиками.

Вот, можно уже выбирать и наиболее подходящую кошку для вас самих.

Перед экраном

Специальные получасовые клипы превращают кошек в «пьяные морковки», демонстрируя им настоящих птиц, сибирских белок или других животных. По мнению создателя клипов американца Стива Маларски, кошки сидят перед экраном, как загипнотизированные, и не могут насмотреться. Видео привлекает 90 процентов взрослых домашних кошек, в то время как у уличных и домашних котят эффект меньше.

Результат просмотров, снятый скрытой камерой, Маларски обнаружил три года назад, заметив воздействие на собственную кошку одного научно-популярного фильма о птицах, показанного по телевидению. До тех пор его девятилетняя любимица телевизор никогда не смотрела. Он решил проверить, что именно заставляет животных замирать перед экраном. Маларски провел эксперимент с двадцатью четырьмя кошками, показав им видеоклип с птицами и белками, и двадцать две из них полюбили его. Это подтолкнуло его начать производство профессионально сделанных видеозаписей, 15 тысяч кассет Маларски уже продал тремстам зоомагазинам. Обладатели этих кассет сообщают, что их любимцы пристрастились к клипам и могут смотреть их сколько угодно.

Любимая книжка Клео

Львенок по кличке Клео втиснулся между братьями, семилетним Марком Уилдом и пятилетним Адамом, и, очевидно, с интересом рассматривает книжку, посвященную кошачьему роду, занимательную и для детей. Эту сценку можно было увидеть в магазине домашних животных в английском городе Рейнгаме, где Клео живет уже несколько недель, прежде чем отправиться в зоопарк. Остается решить, для кого это чтение и контакты полезнее, для львенка или детей.

Кошачья фармвкология

Оказывается, кошки едят траву не только для лечения. Они получают из трав кислоты, жизненно необходимые для кошачьего организма. Если в пище не хватает этих кислот, у кошки может развиться малокровие. Тем не менее главный продукт в кошачьем рационе — мясо. Сугубо вегетарианская пища может привести животное к гибели.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVII ВЕКА

1. Противники России — правители Польши и их союзники в Империи. Союзники России — страны Антигабсбургской лиги в Тридцатилетней войне (Франция, Англия, Швеция).

2. Филарет — шведский посол — Густав Адольф — французский посол — Ришелье. Все они — союзники против Германской империи.

3. Все герои «Трех мушкетеров».

4. Филарету было важно отвлечь силы Речи Посполитой на другой фронт. Для этого Россия поддерживала короля Швеции Густава Адольфа, снабжая его дешевым зерном.

5. В начале русско-польской войны за Смоленск внезапно погиб в бою король Густав Адольф, враг Польши. В итоге Польша перенесла больше сил на русский фронт, а в России вспыхнуло крестьянское восстание (Балашовщина).

8. В XVII веке Россия начала долгую борьбу с Турцией за выход к Черному и Азовскому морю. Поэтому Иран (исконный противник Турции) стал союзником России.

9. Освоение Северного морского пути было для русских в XVII веке почти непосильно. Напротив, вслед за русскими купцами поплыли бы европейцы на лучших кораблях, с лучшими товарами. Поэтому московское правительство в 1620 году запретило северное мореплавание, и казаки шли в Сибирь по суше, строя ладьи на каждой крупной реке.

10. Казаки старались не выходить за пределы естественного для них ландшафта — леса и лесостепи. Пустыни и горы Средней Азии их не привлекали; кроме того, на юге были сильные исламские государства — Самарканд, Хива, Бухара.

11. К северу от степи в Сибири никогда не было крупных держав, а только племена скотоводов (якуты), охотников и оленеводов (ханты, манси, ненцы, эвенки, чукчи).

13. В Сибирь шли из России неустроенные люди, не умевшие ладить с начальством, но верившие в свою способность жить своим умом и руками.

14. Тобольск стоит на месте прежней столицы Сибирского ханства. Иркутск — на стыке степей Прибайкалья и долины Енисея. Это — важнейшие перекрестки древних торговых путей. Владивосток стал важен, когда Россия вышла к Тихому океану, Новосибирск — когда заработала Транссибирская железная дорога.

15. Многие казаки были беглые крестьяне, у них была память-поверье: где пахота — там помещик и крепостное право. Поэтому скотоводство считалось у казаков более достойным делом.

16. Казакам не было места под сильной центральной властью, будь то крымский хан, польский король (в Белоруссии) или шведский наместник (в Прибалтике). В Карелии не было казаков, поскольку на русском Севере издавна (и до Петра Первого) не было крепостных крестьян.

17. Для удержания Крыма необходимо было разгромить войска Турецкой империи и заселить русскими крестьянами всю степь до Крыма. То и другое было не под силу России в XVII веке.

18. Казачья Украина была бы государством с незначительной промышленностью и немногочисленным населением, большую часть которого пришлось бы держать под ружьем. В XVII веке рядом с крупными централизованными державами, вроде Польши и России, такая держава была нежизнеспособна.

19. Казаки имели опыт «житья своим умом», которого не имели ни помещичьи, ни даже черносошные (государевы) крестьяне.

20. В XIV веке слово «крестьянин» означало любого православного христианина на Руси. В XVI веке это слово обозначало, как правило, сельских жителей в отличие от «посадских людей» в городах. В XVII веке оформилось деление на три сословия: дворяне, крестьяне и посадские.

21. К России присоединилась та часть Украины (по левому берегу Днепра и по Дону), которая не пожелала оставаться в подданстве католической Польши. Остальная Украина (с большей частью городов, включая Киев) оставалась в Речи Посполитой до ее ослабления в усобицах 1660-х годов или дольше, до разделов Речи Посполитой в XVIII веке.

22. В Киеве первый университет («Могилянская академия») возник в 1630-х годах, когда правители Речи Посполитой почувствовали нужду в идеологической борьбе со сторонниками независимой Украины. Во Львове университет был создан в 1660-х годах, после отпадения Левобережной Украины, чтобы удержать хотя бы Западную Украину в рамках католической (униатской) идеологии.

23. Казаки Хмельницкого согласились подчиниться Москве, будучи сильно побиты крымчанами и поляками. Казаки Разина не имели такого опыта до похода на Москву.

24. Замысел Никона ближе всего к замыслу Григория VII. Это — «папоцезаризм», а у Генри VIII был «цезарепапизм», у Лютера — «муниципализм».

25. Никон начал реформу после оформления державной бюрократии в России и не сумел ни сломать государственную машину (как Лютер в Германии), ни сжиться с нею (как сподвижники Генри VIII — Кранмер и другие).

26. Кромвель и Карл II в Англии, Мазарини и молодой Луи XIV во Франции, Ян и Корнель де Витт в Нидерландах; Декарт, Паскаль, Ферма и молодой Ньютон; Веласкес в Испании.

27. Петр I был правнук Федора Никитича Романова, шурина Ивана Грозного.

28. Цари Михаил и Алексей, патриарх Никон и поп Аввакум, Степан Разин, Богдан Хмельницкий, министры А. Л. Ордин-Нащокин и Артамон Матвеев, Ерофей Хабаров.

29. Старше царя были Кеплер, Галилей и Гарвей; моложе — Декарт, Ферма, Паскаль, Ньютон и Лейбниц.

30. Аввакум — царь Алексей — Петр Первый — кто-нибудь из лондонцев — Ньютон.

31. Луи XIV и Мазарини; Карл I, Кромвель и Карл II; Христина Шведская; Виллем III Оранский в Нидерландах.

32. Дьяки Федор Курицын (при Иване III), Иван Висковатый (при Иване IV), Андрей Щелкалов (при Федоре и Борисе); патриарх Филарет Романов и дьяк Тимофей Грамотин; Афанасий Ордин—Нащокин и Артамон Матвеев.

33. Филарет знал греческий, латынь и польский, мог знать немецкий. Ордин-Нащокин знал все эти языки и еще шведский.

35. Лучше всего — черносошным (меньше произвол управителя), затем — монастырским (у них меньше оброк и барщина), потом — боярским (у них больше произвол); хуже всего — помещичьим (их у помещика немного, так что уровень эксплуатации выше).

36. Языки: греческий, латынь, древнеславянский. Арифметика и геометрия. Закон Божий, география, история (библейская и русская). Церковное пение.

39. Солдат иноземного строя получает полное довольствие от казны, он не должен (и не имеет права) подрабатывать ремеслом (как стрелец). Он получает регулярную строевую подготовку; вместо бердыша вооружен саблей или палашом; конные солдаты имеют металлические доспехи. Все командиры солдат назначаются сверху (а не выбираются, как низшие командиры стрельцов).

40. А. Л. Ордин-Нащокин — глава Посольского приказа (министр иностранных дел) и фактически премьер-министр. Его коллеги — Мазарини и Кольбер во Франции, Бэкингем в Англии. Из них ближе всего к Ордину Кольбер: он тоже не имел иной опоры, кроме своей деловитости и царевой милости (у кардинала Мазарини была церковная поддержка) и был не особенно знатного рода (в отличие от Бэкингема). В отличие от Кольбера (который в политике был циник) Ордин отказался изменить свою линию ради новой конъюнктуры (порвать старый договор с ослабевшей Польшей, удержать навсегда Киев и Смоленск) и попал в опалу; Кольбер же сохранял свой пост до смерти.

41. Храм XVII века — краснокирпичный, обычно пятиглавый, с декором из многоцветного изразца, с отдельной шатровой колокольней. Примеры: храм Троицы в Никитниках (Москва), Ильи Пророка и Иоанна Предтечи (Ярославль). Небольшой храм XVI века — кирпичный, одноглавый (с крышей в виде пирамиды кокошников) и отдельной звонницей вместо колокольни. Пример: храм Трифона в Напрудном (Москва). Крупные соборы — с белокаменной облицовкой кирпичной стены, с перекрытием по закомарам (пример — собор в Больших Вяземах), либо шатровые храмы: простые (Вознесения в Коломенском) и сложные (Покровский собор на Красной площади). Многоцветные изразцы в XVI веке редки, чаще — одноцветные (в Старице, Дмитрове).

Храм XV века почти всегда одноглавый, невысокий, белокаменный, крыша в виде пирамиды кокошников (Спасский собор Андроникова монастыря в Москве, Троицкий собор в Сергиевом Посаде). Крупные пятиглавые соборы Московского Кремля — исключение (уже кирпичная основа стен).

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Дж. Р. Р. Толкиен

Сильмариллион

Главы из книги

Глава 22*

Гибель Дориата

Рассказ о Турине Турамбаре закончен, но не закончен перечень злых дел Моргона и не закончены его счеты с Домом Хадора. Ни Хурин, неотлучно находившийся под его присмотром, ни безумная Морвен, скитавшаяся в глуши, не могли утолить злобу Врага к людям этого рода.

Злая доля выпала Хурину, ибо видел он, как воплощается проклятье Моргота, но смотрел глазами Врага и не мог отделить правды от лжи. Любая добрая весть неминуемо искажалась Врагом, но особенно усердствовал он, стараясь очернить Тингола и Мелиан, ибо боялся и ненавидел их больше всех. И вот, когда подошло время, Враг снял заклятье с Хурина, отпустив его на все четыре стороны. Это должно было выглядеть как жалость к поверженному противнику, потерявшему все; на самом же деле Врагу нужно было, чтобы Хурин до конца дней своих нес коварный замысел Моргота, разрушая миры Людей и Эльфов.

Прекрасно зная, что жалость неведома Морготу, и поэтому совершенно не веря его словам, Хурин не стал отказываться от свободы и ушел, унося в сердце семена лжи, умело посеянной Темным Властелином. Со смерти его сына Турина прошел уже год. Двадцать восемь лет провел Хурин в Ангбанде, и, конечно, годы и страдания не сделали его облик краше. С длинными седыми волосами, с бородой, падавшей на грудь, суровый и непокоренный, шел он, опираясь на черный посох, и большой меч покачивался в ножнах в такт его широким шагам. А впереди него летели слухи. Вастакам стало известно, что из Ангбанда выступил большой отряд. Он пересекает Анфауглиф и скоро будет в Хитлуме. С отрядом идет какой-то старик, которому оказывают немалые почести. Конечно, это была очередная ложь, замаскированная под правду, и вастаки приняли ее за чистую монету. Теперь Хурин мог спокойно ходить по некогда своим землям, не опасаясь захватчиков. Даже народ Хадора избегал бывшего правителя — ведь он пришел из Ангбанда и там, по слухам, был в чести. Очень скоро такая свобода еще больше озлобила Хурина, и он ушел в горы.

Однажды, разглядев в туманной дали вершину Криссаэгрима, Хурин вспомнил Короля Тургона и решил отправиться в Гондолин. Он не подозревал, что за каждым его шагом следит не одна пара глаз, преданных Морготу.

* Окончание. Начало — в №№ 9—11 за 1992 год.

Итак, спустившись с Эред Ветрин, он миновал Броды Бретиля, пересек Димбар и подошел к мрачной границе нагорья Эхориат. Заброшен и дик был этот край, сколько ни вглядывался Хурин, он не мог разглядеть никаких следов былого. Когда-то здесь по руслу пересохшей реки был проложен древний тракт и неподалеку от места, где он стоял сейчас, поднимались сводчатые врата... Хурин взглянул вверх, надеясь, как в юности, увидеть Горных Орлов, парящих в недосягаемой выси, но вместо них увидел только призрачные, неверные тени, наплывавшие с северо-востока и клубившиеся вокруг скальных пиков, вздымавших то здесь, то там угрюмые вершины. И над всем этим запустением — заунывный свист ветра в камнях и трещинах.

Но хотя Хурин и не видел Орлов, они были начеку. С некоторых пор дозоры их были даже удвоены. Зоркие глаза царственных птиц разглядели внизу, среди каменного крошева, одинокую фигуру и узнали человека. Сам Торондор ввиду важности известия доложил о нем Тургону. Но король не поверил.

— Что же Моргот, заснул что ли? — удивленно проговорил он.— Вы, верно, ошиблись.

— Если бы Орлы Манвэ ошибались, — с достоинством ответил Торондор, — твоего королевства давно бы не было, повелитель.

— Стало быть, вести твои пророчат беду,— промолвил Тургон.— Это может означать только одно — Хурин сломлен Врагом и не страшен ему больше. Но тогда он страшен для нас. Я не могу принять его у себя.

Торондор давно улетел, а король все сидел в глубокой задумчивости. Чем больше вспоминал он о подвигах правителя Дор Ломина, тем больше росла его тревога. В конце концов он все же попросил Орлов отыскать Хурина и доставить в Гондолин. Но было поздно. Орлы больше не видели его. Хурин же стоял среди утесов Эхориата, и закатное солнце красило багрянцем его седую бороду. Проклиная бесчувственные камни, поднялся он на вершину одинокой скалы и, обернувшись в сторону Гондолина, воззвал могучим голосом:

— Тургон! Тургон! Вспомни Топи Сереха! Услышь меня в своих скрытых покоях, Тургон!

Ответом ему был лишь свист и шелест ветра в сухих колючих травах.

— Точно так же шелестел ветер на закате над Болотами Сереха,— горько проговорил Хурин, и в этот момент солнце скрылось за Сумрачными горами, и пала тьма, и стих ветер. Пустынно и глухо было вокруг.

Пустынно, да не совсем. Нашлись уши, слышавшие горестный призыв Хурина. Скоро Темный Владыка на севере уже выслушивал подробный доклад одного из своих бесчисленных шпионов. Улыбнулся Моргот; теперь знал он, где обитает враг его Тургон. До сих пор из-за проклятых Орлов ни одному его разведчику не удалось заглянуть за кольцо Замкнутых гор. Теперь в этом не было нужды, местонахождение Гондолина открылось. Таково было первое зло, рожденное освобождением Хурина.

Хурин же в темноте спустился к подножию скалы и заснул тяжелым сном. В сновидении услышал он скорбный голос жены своей Морвен. Она причитала, словно на похоронах, часто повторяя имя Хурина, и воину казалось, что голос звучит со стороны Бретильских лесов. Проснувшись поутру он отправился туда и к ночи достиг Перекрестка на Тэйглине. Дозорные заметили его, но остановить побоялись, ибо решили, что это призрак из какого-нибудь древнего кургана бродит, окутанный тьмой, как могильным саваном. Уже под вечер следующего дня Хурин пришел к месту, где был сожжен Глаурунг. Там на краю обрыва стоял высокий камень. Старый воин знал, что за слова высечены на его полированной грани. Вдруг Хурин почувствовал, что он не один на обрыве. У подножия камня, скорчившись, притулилась женская фигура. Хурин долго стоял не шевелясь. Вечерело. Женщина откинула потрепанный капюшон плаща и подняла лицо. Седая, старая, с безумным взглядом... И все же он узнал в ней гордую и прекрасную Морвен Эледвень давних дней.

— Ты пришел наконец,— с трудом произнесла она слабым, надтреснутым голосом.— Я очень долго ждала тебя.

— Темна была дорога,— ответил Хурин.— Я пришел, как только смог.

— Слишком поздно. Их уже нет,— жалко улыбнулась Морвен.

— Я знаю. Зато есть ты.

— И меня почти нет. Близится час. Я уйду с последним лучом солнца. Времени осталось мало. Если ты знаешь, скажи, как она нашла его?

Но Хурин ничего не ответил, и они молча сидели возле камня. Когда солнце скрылось за дальними горами, Морвен вздохнула, слегка сжала руку мужа и больше не двигалась. Хурин понял, что она мертва. В сумерках лицо ее было спокойным; казалось, следы горя и лишений стерлись и сквозь них проступили давно забытые прекрасные черты.

— Ее не смогли победить,— прошептал Хурин и закрыл глаза умершей. Потом он долго сидел, неподвижный, как изваяние.

Спускалась ночь. Ревел внизу сжатый теснинами Тэйглин, а Хурин ничего не слышал, ничего не видел, ничего не чувствовал, сердце его окаменело от горя. Но вот порывистый ветер плеснул ему в лицо холодным дождем и заставил очнуться. В груди старого воина, подчиняя рассудок, клубился теперь гнев. Мести требовала душа. Кто-то должен был поплатиться за все несправедливости, выпавшие на долю его самого и его близких. Встал Хурин и похоронил жену с западной стороны от камня, а после высек ниже прежней надписи такие слова: «И Морвен Эледвень покоится здесь».

Говорят, что живший в Бретиле провидец и музыкант Глируин сложил песню о Камне Несчастных, предрекая, что никогда Морготу не осквернить его, и не исчезнет камень, даже если Море покроет эти земли. Так и сталось. Одинокий Тол Морвен высится среди волн, вдали от новых берегов, рожденных во Дни Гнева Валаров.

Но Хурина нет под этим камнем. Злосчастная судьба влекла его все дальше, и Тень Рока неотступно следовала за ним.

После Тэйглина Хурин двинулся на юг. Древняя дорога вела к Нарготронду. Далеко на востоке виднелась вершина Амон Руд — он знал о случившемся там сражении. Дойдя до берега Нарога Хурин не остановился, а по упавшим камням моста рискнул перебраться на ту сторону. Впрочем, до него здесь уже переходил стремнину Маблунг. И вот, опираясь на посох, стоит он перед разрушенными Вратами Фелагунда.

Надобно сказать, что после гибели Глаурунга в дальних покоях Нарготронда остались немалые сокровища. Невесть как пробравшийся в развалины Мим — крошка гном отыскал их и теперь проводил все дни, перебирая золото и самоцветы, пересыпая их с ладони на ладонь и без конца пересчитывая. Он не опасался грабителей. Никто и близко не подходил к развалинам, устрашенный духом Глаурунга или даже только воспоминанием о нем.

И все-таки кто-то пришел и встал на пороге. Мим подскочил от неожиданности и дрожа спросил, зачем пожаловал пришелец, кто он такой. Хурин, разглядев уродца, грозно осведомился:

— А ты кто таков, что осмеливаешься заступать мне дорогу в дом Финрода Фелагунда?

— Я — Мим,— отвечал гном.— Задолго до того, как Надменный Народ пришел из-за Моря, Гномы высекали покои Налаккидзин. Теперь я, последний из моего народа, вернулся взять свое.

— Ну недолго тебе владеть богатством,— зловеще усмехнулся Хурин.— Теперь, пожалуй, и я назову себя. Я — Хурин, сын Хэлдора, вернувшийся из Ангбанда. Был у меня сын Турин Турамбар. Вижу, не забыл ты его. Это он сразил Глаурунга, превратившего Нарготронд в развалины. Хоть и был я далеко, но знаю, кто предал Шлем дракона Дор Ломина.

В страхе стал умолять Мим воина взять все, что он пожелает, забрать вообще хоть все сокровища, только пощадить его, но Хурин не внял мольбе и убил гнома на пороге Нарготронда. Сам он недолго оставался здесь. Во мраке мерцали и искрились богатства Валинора, но когда Хурин снова вышел на свет, при нем была лишь одна вещь.

Дальше путь его лежал на восток, к Сумеречным озерам. Там его остановили дозорные Дориата и доставили к королю в Менегрот. Велико было изумление Тингола, когда он признал в суровом старце Хурина Талиона, пленника Моргота. Однако он достойно приветствовал прославленного воина и оказал ему радушный прием. Ни слова не ответил Хурин. Лишь распахнул плащ и достал взятое в Нарготронде знаменитое ожерелье Гномов — Наугламир, бесценное сокровище, самое известное из Творений Давних Дней, созданное когда-то руками Малого Народа для государя Фелагунда. Сам Финрод ценил его выше всех других богатств

Нарготронда. Хурин швырнул Ожерелье к ногам Тингола вместе с горьким упреком:

— Вот плата,— воскликнул он,— за заботу о моих жене и детях! Это — Наугламир. Я вынес его из мрака Нарготронда, где его оставил твой родич Финрод, уходя вместе с Береном исполнять волю короля Дориата!

Тингол всмотрелся и узнал Наугламир. Он понял слова Хурина, но из жалости к нему сдержал гнев и не обратил внимания на презрительный тон старого воина. Тут заговорил Мелиан:

— Хурин Талион! — сказала она.— Ты долго пробыл под чарами Моргота. А тот, кто смотрил его глазами, невольно видит все в искаженном свете. Твой сын Турин воспитывался у нас, в Менегроте, как приемный сын короля, и кроме любви и уважения ничего плохого не видел. Не по нашей воле покинул он Дориат. Твою жену и дочь приняли здесь с почетом, они ни в чем не знали отказа. Мы приложили все силы, чтобы отговорить Морвен идти в Нарготронд. А теперь ты бранишь своих друзей, но устами твоими говорит Враг.

Долго вглядывался Хурин в глаза светлой королевы Мелиан. Сквозь Чудесный Пояс не проникала ложь Моргота, поэтому внял он словам королевы и постиг всю полноту горя, отмеренного на его долю Морготом Бауглиром. Молча шагнул он вперед, поднял Ожерелье и протянул Тинголу со словами:

— Прими, государь, Ожерелье Гномов в дар от нищего, в память о Хурине из Дор Ломина. Цель Моргота достигнута, судьба моя исполнилась, но я больше не раб ему.

Он повернулся и покинул Менегрот. Достаточно было взглянуть ему в лицо, и Эльфы отступали, даже не думая преграждать дорогу. Нникто не знал, куда он ушел. Но говорят, что не имея больше цели и желаний, сильнейший из Смертных кончил жизнь в волнах Западного моря.

Хурина давно не было, а Тингол в молчании все разглядывал драгоценность, лежавшую у него на коленях. И пришла ему в голову мысль переделать Ожерелье и вставить в него Сильмарилл. Годы шли, король каждый день смотрел на Дивный Камень Феанора и так свыкся с его видом, что решил не расставаться с ним ни днем, ни ночью.

В те дни Синегорские Гномы еще забредали в Белерианд. Древний Гномий тракт не зарастал. Никто не мог сравниться с Малым Народом в искусстве работы по металлу и камню, а в Менегроте не хватало только украшений. Правда, времена были не те, чтобы бродить в одиночку. Гномы являлись теперь большими, хорошо вооруженными отрядами, которые могли постоять за себя на равнинах между Аросом и Гелионом. В Дориате специально для них были построены палаты и кузницы, расположенные поодаль от королевских покоев. Недавно как раз один такой отряд прибыл ко двору. Призвал их Тингол и объявил о своем желании переделать Наугламир и вставить в него Сильмарилл. Когда взглянули Гномы на работу своих отцов, они онемели, а когда их глазам предстал Дивный Камень, охватила нх страсть к обладанию этими невиданными сокровищами. Однако до поры скрыли они намерение унести их к себе, в подгорные дома, и, не моргнув глазом, согласились взяться за эту работу.

Долго трудились Гномы. Тингол часто приходил в кузницы и подолгу наблюдал, как постукивают маленькие молоты по разогретому металлу. И вот его желание сбылось. Величайшие творения Гномов и Эльфов воссоединились в создании небывалой красоты. Свет Сильмарилла дробился и отражался в бессчетных гранях самоцветов, приобретая волшебные оттенки. Тингол, как раз спустившийся в кузницу, хотел надеть Ожерелье, но Гномы остановили его. Они потребовали отдать Наугламир и говорили при этом: «По какому это праву эльфийский король считает своим Ожерелье, сделанное нашими отцами для государя Финрода Фелагунда? Он ведь погиб. Сокровище принес Хурин, человек из Дор Ломина. А где он его взял? Украл в Нарготронде».

Тингол, конечно, понял их умысел, понял, что ищут они предлог для ссоры, но в гневе пренебрег опасностью и презрительно бросил им в лицо:

— Вам ли, корявому народу, требовать что-то от меня, Элу Тингола, владыки Белерианда, рожденного задолго до того, как проснулись праотцы ваши?

Высокий и надменный, стоял он среди них — стыдил и корил за наглые речи, а потом приказал убираться из Дориата, не помышляя ни о каком вознаграждении.

Уже не жадность, а гнев пробудили в Гномах слова короля. Они столпились вокруг Тингола и убили его. Так умер в подземельях Менегрота Эльвэ, Элу Тингол, король Дориата, единственный из Детей Илуватара, связавший жизнь с дочерью народа Айнуров, единственный из Мориквэнди, глаза которого видели свет живых Дерев Валинора, а после — их отсвет в сияющей глубине Сильмарилла.

Забрав Наугламир, Гномы поспешно оставили Дориат и бежали к востоку, через Регион. Но погоня была быстрой и беспощадной. Ожерелье вернулось в Менегрот, а в Синие горы вернулись только двое убийц Тингола, случайно уцелевших на Восточном тракте. В Ногроде они рассказали, как целый отряд Гномов был уничтожен по приказу короля Дориата, не захотевшего заплатить мастерам за работу. Трудно описать ярость и плач, царившие в Ногроде после этого лживого рассказа. Гномы рвали бороды, выли и причитали, а потом начали замышлять месть. Они послали за помощью в Белегост, но получили отказ и совет не связываться с Эльфами. Совета не послушались, и вскоре огромное войско выступило из Ногрода и, перейдя Гэлион, двинулось через Белерианд на запад.

Тягостное оцепенение владело Дориатом. Королева Мелиан молча сидела у тела мужа, и мысли ее витали в далеком прошлом, в звездных годах их первой встречи под пение соловьев Нан Эльмута. Знала она, что разлука с Тинголом — только предвестие еще большей разлуки, что близится Рок Дориата. Ведь Мелиан — дочь обладавшего пророческим даром народа Майя, и была наделена силой и мудростью; ради любви к Эльвэ приняла она облик старших детей Илуватара. Их союз связал Мелиан узами плоти, коим обязана была рождением Лучиэнь Тинувиэль. В этом облике достигла Мелиан власти над веществом Арды, и долгие годы ее Пояс ограждал Дориат от внешних зол. Но вот перед ней лежит Тингол, и дух его ушел в Чертоги Мандоса. Смерть короля многое изменила и в самой Мелиан. Ее сила покидала леса Нэлдорета и Региона, и Дориат лежал теперь, ничем не защищенный от врагов.

Только с Маблунгом говорила королева после гибели Тингола. Она наказала позаботиться о Сильмарилле и немедленно послать весть Берену и Лучиэнь в Оссирианд. Больше Мелиан не видели в Средиземье. Она вернулась в страну Валаров, лежащую за Западным морем, чтобы там, в садах Лориэна, грустить и размышлять о событиях и делах на Арде. Предание ничего больше не говорит о ней.

Войско Наугримов, перейдя Арос, не встретило сопротивления и вступило в леса Дориата. Гномы были многочисленны и свирепы, а военачальники Серых Эльфов — растеряны и не готовы к войне. Гномы вошли в Менегрот. Здесь совершилось самое прискорбное из событий Древнейших дней. Была битва в глубине подземного дворца, и множество Эльфов и Гномов пало в ней. Победа досталась Гномам. Палаты Тингола были разграблены. Маблунг Тяжелая Рука пал перед дверями сокровищницы, пытаясь уберечь Сильмарилл. Но и Дивный Камень Феанора, и Наугламир, неразделимые теперь, оказались захвачены Гномами.

В ту пору Берен и Лучиэнь еще жили на Зеленом острове посреди Адаранта, стремящего воды в Гелион. Их сын Диор уже вырос. Он взял в жены Нимлофь, племянницу Кэлерберна, женатого на Владычице Галадриэль. У Диора и Нимлофь были дети: мальчики Элуред и Элурин и дочь Эльвинг — Звездная Россыпь. Ее назвали так, потому что родилась она ночью, в сиянии звезд, сверкавших в брызгах водопада Лантир Ламат у порога их дома.

По Оссирианду быстро пронеслась весть об огромной рати Гномов, спустившейся с гор в боевых порядках. Узнали о том и Берен с Лучиэнь. Тогда же к ним прибыл гонец из Дориата и рассказал о случившемся. Берен взял с собой Диора и повел на север Зеленых Эльфов Оссирианда.

Сильно поредевшее войско Гномов, возвращавшееся из Менегрота, возле Сарн Атрад неожиданно атаковали почти незримые враги. Как раз когда Гномы, пыхтя и отдуваясь под тяжестью награбленной в Дориате добычи, начали подниматься по откосу на высокий берег реки, воздух вдруг наполнился пением эльфийских рогов, а потом — посвистыванием дротиков и стрел. Множество гномов полегло в этой первой схватке. Собственно, она была н последней. Те из них, кому удалось вырваться из засады, с трудом построились и, не принимая боя, поспешно отступили к горам. Их не преследовали. Казалось, опасность для них миновала. Но на пологих

склонах горы Долмед Гномов поджидала беда похуже копий и стрел. Против них ополчились Пастыри Деревьев и загнали в сумрачные леса Эред Линдон. Там разыгралась заключительная часть похода Гномов. Домой они не вернулись.

Сражение у Сарн Атрад было последним боем Берена. Схватившись в поединке с государем Ногрода, Берен сразил его и вырвал Ожерелье. Однако умирая, гном проклял все сокровища Дориата.

Берен с изумлением смотрел на Дивный Камень Феанора, который он сам вынул из короны Моргота. Теперь он сиял среди жемчугов и самоцветов в роскошной золотой оправе, сработанной искусными Гномами. На камне запеклась кровь. Берен смыл ее в водах реки. После окончания сражения добычу Гномов бросили на дно. С этих пор река Аскар стала зваться Рафлориэль — Золотое Дно. Только Наугламир забрал Берен с собой, когда возвращался на Тол Гален.

Лучиэнь не обрадовал рассказ о победе над Гномами. Однако Ожерелье она носила — так поется в песнях. Бессмертный Камень словно стер ненадолго границы между землями Валаров и Краем Победивших Смерть. Даже спустя много лет эта удивительно светлая область славилась несравненным плодородием и какой-то нездешней красотой.

Диор, наследник Тингола, собрался уходить. Он попрощался с Береном и Лучиэнь и вместе с женой и детьми перебрался жить в Менегрот. Его приняли с радостью. Синдары немного успокоились после недавних утрат и под руководством Диора взялись отстраивать королевство заново, решив вернуть ему блеск и славу прежнего Дориата.

Как-то поздно вечером в осеннюю непогодь в ворота Менегрота постучали. К королю требовал доступа правитель Зеленых Эльфов Оссирианда. Его провели в королевские покои. Он молча подал Диору ларец и тут же ушел. Откинув крышку, Диор долго смотрел на хорошо знакомое ему Ожерелье. Сей знак неоспоримо свидетельствовал, что Берен Эргамион и Лучиэнь Тинувиэль навсегда покинули мир и ушлн навстречу судьбе путем, предназначенным Младшим Детям Илуватара.

Перед Диором сиял дивным светом Сильмарилл, вырванный его родителями из мрака Моргота, и грустью заволакивался взор короля Дориата, когда он думал о кратком веке, выпавшем героям. Позже Мудрые говорили, что Камень Феанора приблизил их конец — озаренная Сильмариллом красота Лучиэнь была слишком яркой для земель Смертных. Диор благоговейно взял Ожерелье и застегнул у себя на шее. Когда предстал он перед своими подданными, по залам пронесся вздох восхищения, ибо перед ними в образе короля Дориата стоял прекраснейший из Детей Единого, сын трех великих народов — Эльдаров, Аданов и Майя.

Слухи о том, что Дивный Камень снова сияет на груди короля Дориата, мгновенно распространились по Белерианду и словно пробудили задремавшее было Проклятье, лежавшее на доме Феанора.

Пока Наугламир носила Лучиэнь, никто не осмеливался ни в чем упрекнуть ее. Теперь же, прослышав о восстановлении Дориата и о гордом его правителе, семеро горемык, скитавшихся невесть где, снова собрались вместе и послали к Диору гонца, требуя вернуть их собственность. Ответа они не получили. Келегорм до тех пор подбивал братьев напасть на Дориат, пока они не согласились. И вот среди зимы они неожиданно ворвались в Менегрот. В его подземных залах эльф второй раз пал от руки эльфа, ибо Диор сразил в поединке Келегорма. Здесь нашли конец и Карафин, и мрачный Карантир. Но и Диор с женой не избежали печальной участи. Жестокие слуги Келегорма бросили сыновей короля умирать голодной смертью в зимнем лесу. Маэдрос, узнав об этом, потратил много времени на их поиски, но тщетно. Молчат и предания. В них ни слова не говорится о дальнейшей судьбе Элуреда и Элурина.

Дориат снова был разорен, и теперь уже навсегда. Цели своей братья не достигли. Часть Эльфов Дориата бежала, и с ними — дочь короля Эльвинг. Им удалось спастись самим и спасти Наугламир. Спустя некоторое время они объявились на побережье, возле дельты Сириона. ●

Перевод Н. ГРИГОРЬЕВОЙ и В. ГРУШЕЦКОГО

Краткое содержание журнала «Знание — Сила» за 1992 год

ЭКОНОМИКА. НАУКА И ТЕХНИКА — ПРОИЗВОДСТВУ

НАУКА И ОБЩЕСТВО

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ФИЗИКА, МАТЕМАТИКА

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И КОСМОСЕ. ЭКОЛОГИЯ

БИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА. РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЦЕЙ

ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, АРХИТЕКТУРА

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Дорогие читатели!

Редакция благодарит вас за верность журналу, сохраненную в этом, столь тяжелом для прессы году.

Когда этот номер дойдет до подписчика, начнется подписка на второе полугодие 1993 года. С января 1993 года мы сумели расширить журнал, включив в него ряд новых разделов, надеясь тем самым сделать номера более интересными и разнообразными, ибо единственная наша возможность сделать терпимыми ваши растущие денежные затраты — улучшать качество журнала.

В новом году мы заводим новый обширный раздел для учащихся, учителей и родителей «ЛИЦЕЙ» с рядом подразделов, названия которых говорят сами за себя: «Кафедра», «Актовая лекция», «Психологический практикум», «Уроки домашнего чтения» и т. д.

Расширяется и круг чтения, он будет состоять из четырех разделов: «СТРАНА ФАНТАЗИЯ», «РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ», «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ», «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ».

При том мы остаемся верными своей главной задаче — интересно и доступно рассказывать о развитии научной мысли и знания в самых разных его областях.

Всюду есть место искусству

В 1907 году в Оттаве было основано хранилище картографических произведений. Разумеется, вначале собрание карт было относительно незначительным — всего несколько тысяч единиц хранения. Но уже и тогда это была коллекция картографических сокровищ. А работал в хранилище всего один человек.

В 1982 году в Канаде впервые отпраздновали юбилей Национальной коллекции карт — семидесятипятилетие. Ну а сегодня в государственном картохранилище насчитывается уже около миллиона карт, схем, планов, глобусов и других картографических материалов. Особенность этого богатого собрания в том, что все экспонаты в той или иной мере включают территорию Канады. Разумеется, в картохранилище имеется и обширная коллекция карт Арктики. Особенный интерес представляют старинные карты этого региона.

Многие картографические экспонаты раннего периода не без оснований относят к произведениям искусства. По мнению современных исследователей, чем менее известной и менее изученной была на карте территория, тем великолепнее оформлялась карта. Но рисунки, изображающие представителей народов разных стран, их жилища, животный мир, сценки охоты и прочее, не только украшали карту или, как считали некоторые исследователи, заполняли пустые места, а давали дополнительные сведения, обогащая познания пользующегося картой.

Конечно, изданная карта (а создавалась она с большой затратой труда) была товаром, который нуждался в реализации, следовательно, вид его просто обязан был быть привлекательным. И средневековым, и более поздним картографам это удавалось. Во многих богатых домах карты вывешивались, как картины, на стенах и даже вставлялись в рамки.

С некоторыми из таких карт познакомил своих читателей американский журнал «Аляска». На публикуемых ниже снимках, позаимствованных из этого журнала, несколько карт из Канадской национальной коллекции, дающих представление о познании мира и арктического региона, в частности, в XVI—XIX веках.

1. Карта Уильяма Баренца, составленная в 1597 году. Здесь отображен маршрут его третьей экспедиции. Покинув в 1596 году Амстердам, Уильям Баренц отправился на поиски северо-восточного пути в Китай. Экспедиция завершилась открытием островов Новой Земли и Шпицберген.

2. Карта мира Висщера. Издана в 1652 году. Семейство Висшеров из Амстердама было известно изданием и продажей гравюр, рисунков и прекрасно оформленных карт. Нетрудно заметить, что на этой карте большая часть территорий в районах Арктики, Северной Канады и Аляски заполнена лишь записями. Нет на ней ни Австралии, ни Новой Зеландии. Австралия была открыта голландцем В. Янсзоном в 1606 году, однако интенсивное обследование и нанесение на карту ее берегов началось лишь в конце XVII века, а Новую Зеландию голландец А. Тасман открыл в 1642 году, обследована же она была англичанином Дж. Куком только во второй половине XVIII века.

3. Карта районов Арктики, изданная в 1856 году. Выделен Северо-Западный проход, как определил его исследователь Арктики капитан Р. Мак-Клур и другие арктические путешественники. Во время поисков сэра Джона Франклина в середине XIX века была впервые нанесена на карту большая часть Канадского архипелага (см. II стр. обл.).

4. А вот карта северных районов, изданная в 1595 году крупнейшим картографом XVI века Меркатором, дает совершенно фантастическую картину. На Северном полюсе изображена огромная скала, окруженная четырьмя островами, отделенными друг от друга реками. Любопытно, надпись на одном из них поясняет, что здесь живут пигмеи. И еще: Калифорния размещена там, где приблизительно находится северная часть Аляски.

5. И, наконец, карта Северной и Южной Америки Теодора де Брайя. Издана в 1956 году. Район Северного полюса изображен на ней примерно так же, как и на карте Меркатора. Вокруг карты помещены рисунки великих исследователей Нового Света Х. Колумба, Ф. Магеллана, Ф. Писарро и Америго Веспуччи.

2

4

5